

КРД Р.Ф.
Б-1417145

ТРУДЫ
РЯЗАНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Том XVIII.

1903 год.

Вып. 1.

ТРУДЫ

ДМИТРИЙ ДАШКОВ
887
В 1879 ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ЗЕМСТВѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.
РЯЗАНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

1903 годъ.

Т. XVІІІ.

Вып. 1.

РИЗАНЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1903.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

Т Р А Д И

РЯЗАНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Печатано по определению общего собрания Ряз. Арх. Комиссии.

Вып. I.

Т. XVII.

РЯЗАНЬ
Типография Губернского Правления
1903

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

Типо

Дмитрій Дмитриевичъ Дашковъ

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ЗЕМСТВѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

При имени умершаго, съ небольшимъ годъ тому назадъ, Дмитрія Дмитриевича Дашкова мысль невольно переносится къ тому первому періоду дѣятельности Рязанскаго земства, когда еще закладывались основанія земскаго хозяйства. Богато было вообще это время даровитыми людьми, отдававшими земству свой трудъ. Точно губернія хотѣла выставить всѣ свои силы на служеніе новому дѣлу, къ которому населеніе призывалось довѣріемъ государя. Въ числѣ гласныхъ тогдашнихъ губернскихъ земскихъ собраній были и сановники, бывшіе и будущіе—вродѣ Вл. П. Титова, С. П. Голубцева, Вл. Г. Коробына и другихъ, и дѣятели, выдвинутые только что совершившеюся крестьянскою реформой, лица, считавшіяся опорой дворянскихъ преданій, и священники, выступавшіе передъ собраніемъ съ требованіями болѣе или менѣе коренныхъ преобразованій какъ быта сельскаго духовенства, такъ и условій мѣстной жизни вообще; были и крестьяне.

Осторожно, въ тѣсныхъ рамкахъ существеннѣйшихъ потребностей и страшась израсходовать всякую лишнюю копейку, начали свою дѣятельность первыя выборныя представители населенія. Вся смѣта губернскихъ земскихъ потребностей на 1868 годъ, первый годъ послѣ того, какъ часть обязательныхъ для земства расходовъ на содержаніе администраціи была отнесена постановленіемъ губернскаго земскаго собранія на обязанности уѣздовъ, не превышала 74.000 рублей. И тутъ еще было нѣсколько единовременныхъ расходовъ. Смѣта на слѣдующій 1869 годъ была сведена въ суммѣ 66.000 рублей въ круглой цифрѣ. И эти расходы казались тогдашнимъ гласнымъ еще высокими. Но, какъ ни были незначительны расходы, способъ ихъ

производства былъ такъ новъ, необыченъ, представлялъ такъ много вѣроятностей на успѣхъ, польза расходовъ была такъ очевидна, наконецъ, самое довѣріе государя къ доброй волѣ и разуму своего народа дѣйствовало настолько ободряющимъ образомъ, что и средства и трудъ охотно затрачивались на дѣло, которое уже съ самаго начала оказывалось совершенно непохожимъ на все, съ чѣмъ тогдашнимъ дѣятелямъ приходилось гдѣ либо встрѣчаться до того времени. Сразу сдѣлалось яснымъ, что, при всей своей скромности, это живое, многообщающее дѣло, способное затягивать въ себя тѣхъ, кто посвящалъ ему свой трудъ, и сулившее еще большее въ будущемъ.

Неудивительно поэтому, что изъ среды гласныхъ первыхъ земскихъ собраній рано выдѣлился рядъ лицъ, начавшихъ видѣть въ земскомъ дѣлѣ свое коренное, главное дѣло, которому отдавалось все ихъ время. Для такихъ губерній, какова Рязанская (безъ особенно выраженнаго торговаго или промышленнаго направленія) земство вскорѣ должно было сдѣлаться средоточіемъ всей мѣстной жизни. Въ немъ почувствовалась новая сила, отъ которой зависѣло удовлетвореніе лучшихъ стремленій общества.

Между земскими дѣятелями этого перваго времени собиратель матеріаловъ для исторіи Рязанскаго губернскаго земства, которую одно время онъ имѣлъ въ виду написать, покойный Александръ Дмитриевичъ Повалишинъ, отмѣтилъ слѣдующихъ пять лицъ, дѣятельности которыхъ онъ предполагалъ посвятить особымъ характеристикамъ. Лица эти: бывшій предсѣдатель губернской земской управы князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, Федоръ Сергѣевичъ Офросимовъ, Дмитрій Дмитриевичъ Дашковъ и Константинъ Михайловичъ Афанасевъ. Кто знакомъ съ дѣятельностью Рязанскаго губернскаго земскаго собранія первыхъ 10—15 лѣтъ, конечно, согласится, что, назвавъ этихъ лицъ, Повалишинъ какъ разъ выдѣлилъ изъ состава собранія тѣхъ гласныхъ, которые оставили по себѣ наибольшій слѣдъ въ земскомъ дѣлѣ. Изъ этихъ пяти гласныхъ Д. Д. Дашковъ былъ младшимъ и годами и по времени вступленія своего въ составъ губернскаго собранія. Первые трое — кн. Волконскій, Офросимовъ и Кошелевъ выдвинулись еще во время работъ по освобожденію крестьянъ, въ которыхъ они принимали участіе. Точно также, какъ и К. М. Афанасевъ, они вошли въ число гласныхъ губернскаго земскаго собранія съ самаго открытія земскихъ учреждений. Дашковъ

присоединился къ этимъ только со второго трехлѣтія. Съ его вступленіемъ замкнулся кругъ гласныхъ рабочихъ силъ земскаго собранія перваго періода дѣятельности Рязанскаго губернскаго земства. Главныя отрасли земскаго хозяйства были уже намѣчены. Оставалось незатронутымъ одно дѣло, правда, одно изъ самыхъ важныхъ, если не самое важное изъ всѣхъ—народное образованіе. Положить основанія дѣятельности губернскаго земства по распространенію народнаго образованія выпало на долю Дашкова.

До вступленія Дашкова въ составъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія, руководящее большинство земскихъ дѣятелей этой губерніи считало народное образованіе хотя и очень важнымъ, но совершенно непосильнымъ земству дѣломъ, на которое у него не было ни средствъ, ни способовъ. Разрѣшеніе его откладывалось до того времени, когда подъемъ народнаго благосостоянія вообще увеличит со стороны населенія запросъ на образованіе и откроетъ для того новыя средства, или до вмѣшательства правительства. Заслуга Дашкова заключалась въ томъ, что онъ заставилъ собраніе измѣнить взглядъ, показавъ, что и при наличныхъ средствахъ и органахъ земство можетъ, а слѣдовательно, и должно помочь этому дѣлу.

Въ Рязани найдется еще не мало лицъ, которыя посѣщали губернскія земскія собранія того времени и помнятъ отчеты члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства Дашкова 70-хъ годовъ о состояніи народнаго образованія въ губерніи. Отчеты эти были своего рода событіями въ Рязани: слушать ихъ собиралась вся мыслящая часть города. Большой залъ дворянскаго собранія, гдѣ происходили засѣданія губернскаго земскаго собранія, бывалъ полонъ сверху до низу, какъ онъ бываетъ полонъ только во время выборовъ, съ тою только разницею, что въ настоящемъ случаѣ за колоннами преобладала публика мужская. Тишина полная. Всѣ боятся проронить слово, сказанное докладчикомъ—худощавымъ, средняго роста человѣкомъ, стоящимъ у какого либо изъ угловъ стола, за которымъ расположились господа гласные. Онъ среднихъ лѣтъ, но уже пожилой на видъ, въ очкахъ надъ крупнымъ правильной формы носомъ, въ черной шапочкѣ на большой коротко остриженной головѣ. Голосъ его не сильный и не грудной, а скорѣ нѣбный, высокаго тембра и чрезвычайно вытный, такъ что каждое слово его бывало отчетливо слышно всѣмъ. По внѣшности, по скромному костюму, по приѣмамъ, вы приняли-бы его

за ученаго, за холостяка студента, какіе иногда бывають въ нѣмецкихъ университетахъ, скорѣе всего за проповѣдника какого нибудь иностраннаго вѣроисповѣданія, — всего мѣнѣе за кого либо изъ обычныхъ ораторовъ нашихъ земскихъ собраній. И по характеру его рѣчь напоминала проповѣдь. Онъ любилъ обращаться къ чувству любви и долга слушателей, сильно идеализировалъ факты, любилъ тронуть свою аудиторію. Нѣкоторымъ это даже не нравилось, и между слушателями Дашкова всегда находилось нѣсколько человекъ, которые, не будучи въ состояніи перенестись въ его настроеніе, бывали склонны какъ разъ въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ его рѣчи видѣть что то неискреннее, дѣланное. Но большинство несомнѣнно увлекалось и даже, когда не раздѣляло всѣхъ выводовъ докладчика, умѣло цѣнить глубину его взглядовъ и серьезность выводовъ. Онъ знакомилъ собраніе съ тѣмъ, въ какомъ состояніи находились народныя училища губерніи, какіе порядки и условія существуютъ въ каждомъ уѣздѣ, съ какими трудностями приходилось бороться школь и лицамъ, ее ведущимъ, какія жертвы нести. Докладчикъ отмѣчалъ выдающіеся факты изъ школьной жизни, приводилъ подчеты, и сообщенныя фактическія данныя наглядно отгѣняли картину, которая постепенно вырисовывалась въ сознаніи слушателей. Онъ говорилъ все это такъ серьезно, такъ убѣжденно, что торжественность настроенія докладывавшаго невольно сообщалась слушателямъ, и чѣмъ долѣе продолжалась его красивая, послушная мысли рѣчь, тѣмъ болѣе слушателями овладѣвало вызванное ею настроеніе. Аудиторія исполнялась сознаніемъ великаго значенія того дѣла, которое лежало на земствѣ въ отношеніи народнаго образованія. Когда по окончаніи отчета господа гласные расходились, у всѣхъ оставалось впечатлѣніе, что они только что присутствовали при чемъ-то очень серьезномъ и важномъ.

Чтобы производить такое дѣйствіе на слушателей, надо было, конечно, обладать недюжиннымъ ораторскимъ дарованіемъ. И такимъ дарованіемъ былъ одаренъ Дашковъ. Если его рѣчи по убѣдительности часто уступали слову князя С. В. Волконскаго, не поражали въ такой степени практическимъ здравымъ смысломъ, какъ взгляды Кошелева, или иногда уступали въ проницательности мнѣніямъ Офросимова, то никому изъ этихъ, наиболѣе вліятельныхъ гласныхъ, товарищей Дашкова по собранію, ни Афанасьеву, ни кому либо другому, не удавалось въ такой мѣрѣ овладѣть душою своихъ слушателей

какъ это удавалось Дашкову. Никому слово не давалось, повидимому, такъ легко и не было такъ послушно. Если въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ шелъ не о любимомъ его предметѣ — народномъ образованіи, у него иногда не доставало темперамента, то этотъ недостатокъ вознаграждался необыкновенною гибкостью мысли и находчивостью въ выраженіяхъ, благодаря которымъ въ умѣннн вести пренія онъ былъ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ рѣчахъ и докладахъ. Однимъ словомъ, онъ былъ дѣйствительно мастеромъ слова. Въ этомъ отношеніи ни прежде его, ни послѣ, въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи не было, конечно, никого, кто бы могъ поспорить съ нимъ. Онъ принадлежалъ къ числу очень немногихъ гласныхъ, слова которыхъ можно бы было записать дословно и всетаки получить связанное, мало того, художественное изложеніе.

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какое дѣйствіе производили Дашковскіе отчеты на публику, особенно на молодежь, всего лучше обратиться къ воспоминаніямъ его младшихъ сверстниковъ, изъ которыхъ двое, тоже извѣстные дѣятели Рязанскаго земства и нынѣ тоже уже покойники, оставили объ этомъ письменный слѣдъ въ своихъ запискахъ. Я говорю объ Александрѣ Николаевичѣ Левашовѣ и Александрѣ Дмитриевичѣ Повалишинѣ. А. Н. Левашовъ въ своихъ запискахъ земца ¹⁾ называетъ личность Дмитрія Дмитриевича Дашкова прямо обаятельной, а Повалишинъ наполнилъ весь текстъ своего перваго очерка по разработкѣ матеріаловъ для исторіи Рязанскаго губернскаго земства, посвященнаго вопросу о народномъ образованіи ²⁾ выписками изъ отчетовъ Дашкова, очевидно, дорожа въ нихъ даже выраженіями.

Если бы въ то время кто нибудь изъ пріѣзжихъ въ Рязань пожелалъ посѣтить губернское земское собраніе, какъ это иногда бывало, и посмотреть, что тамъ дѣлается, то онъ, конечно, постарался бы попасть на такое засѣданіе, въ которое можно бы было надѣяться услышать Дашкова, и глаза посѣтителя первымъ его искали бы увидѣть среди гласныхъ.

Какъ бы однако ни было велико ораторское дарованіе члена земства Рязанскаго губернскаго училищнаго совѣта, одного его было

¹⁾ Напечат. въ Труд. Ряз. Арх. Ком., т. XV, 1900 г.

²⁾ Очеркъ этотъ до сихъ поръ напечатанъ не былъ.

бы, конечно, недостаточно для того, чтобы произвести ту перемену въ отношеніи земства къ народной школѣ, которую удалось произвести Дашкову, и, разумѣется, не дару слова Дашкова слѣдуетъ приписать то дѣйствіе, которое заставило такихъ людей, какъ кн. С. В. Волконскій, А. В. Алянчиковъ и другіе, оставивъ въ сторонѣ иногда уже составленныя представленія, поѣхать по училищамъ и произвести тѣ первыя ревизіи, которыя имѣли такія богатые послѣдствія для постановки школьнаго дѣла въ нашихъ уѣздахъ. Для того, чтобы заставить цѣлое земское собраніе измѣнить свой взглядъ, требовалось убѣдить его въ возможности другого, болѣе правильнаго отношенія къ дѣлу, а, чтобы убѣдить, надо было прежде всего знать и любить это дѣло.

Въ этомъ знаніи и любви къ училищному дѣлу, которыя были у Дашкова очень значительны, и слѣдуетъ искать разгадки того замѣчательнаго вліянія, которое онъ успѣлъ приобрести въ земствѣ Рязанской губерніи въ этомъ дѣлѣ.

Объ этой выдающейся личности и ея участіи въ дѣятельности Рязанскаго губернскаго земства по народному образованію, я имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ, предпославъ ихъ предлагаемому вниманію читателей тексту отчетовъ Дашкова о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи въ 1869—1876 г.г. Я былъ бы радъ, если бы мнѣ удалось такимъ образомъ освѣтить страничку изъ жизни Рязанскаго губернскаго земства. Но и самая личность Дашкова представляетъ настолько интереса, столько своеобразныхъ особенностей, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ останавливала на себѣ вниманіе всѣхъ, кто какимъ нибудь образомъ приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Я долженъ однако замѣтить, что когда я взялся за исполненіе своего намѣренія, задуманнаго еще покойнымъ А. Д. Повалишинымъ, я встрѣтилъ совершенно неожиданно для себя сильное затрудненіе. Дѣло въ томъ: что ежели дѣятельность Дашкова было довольно хорошо извѣстна и мнѣ лично и очень многимъ въ Рязанской губерніи, то о его личной жизни ни въ Рязани, ни въ Спасскомъ уѣздѣ никто почти ничего не зналъ. Дашковы въ имѣніи не жили; Дмитрій же Дмитріевичъ не любилъ о себѣ говорить, считая, вѣроятно, обстоятельства своей частной жизни недостаточно интереснымъ предметомъ для разговора. Все, что мнѣ удалось узнать о немъ въ Спасскомъ

уѣздѣ, сводится къ нѣсколькимъ разсказамъ о житиѣ Дашкова въ селѣ Тонинѣ, когда онъ уже выступилъ на поприще общественной дѣятельности. Въ этихъ разсказахъ личность Дмитрія Дмитриевича обрисовывается въ симпатичныхъ чертахъ чрезвычайно добраго, скромнаго и нетребовательнаго человѣка, на счетъ котораго не прочь были пройтись болѣе практичныя и лукавыя ближніе, и который ко всему этому относился добродушно. Вотъ и все. Тѣ свѣдѣнія, которыя приводятся здѣсь о его предшествующей жизни и которыя я считаю очень существенными для выясненія его личности, приводятся мною со словъ лица, близко знавшаго Дашкова съ дѣтства. Къ сожалѣнію, они довольно отрывочны.

II.

Дашковы принадлежали къ числу коренныхъ помѣщиковъ Рязанской губерніи. Родовое имѣніе ихъ, село Тонино въ заокской (считая отъ Рязани) части Спасскаго уѣзда, было пожаловано предку Дмитрія Дмитриевича императоромъ Петромъ I въ награду за девятимѣсячное сидѣніе въ семибашенномъ замкѣ къ качеству его посланника въ Константинополь во время несчастнаго Прутскаго похода. Но, какъ уже сказано, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время передъ крестьянскою реформою, Дашковы въ имѣніи не жили. Отецъ Дмитрія Дмитриевича, извѣстный гуманистъ прошлаго столѣтія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, занималъ должность министра юстиціи въ царствованіе Императора Николая I въ 30-хъ годахъ и по своему служебному положенію жилъ въ Петербургѣ. Тамъ 25 Декабря 1831 года въ домѣ министерства на Большой Итальянской родился у него и жены его Елисаветы Васильевны Дашковой, рожденной Пашковой, сынъ Дмитрій. По матери Дмитрій Дмитриевичъ состоялъ въ родствѣ со многими семействами высшаго Петербургскаго общества, князьями Васильчиковыми, графами Левашовыми, Пашковыми. Такимъ образомъ, какъ по служебному положенію отца, такъ и по родству матери, онъ принадлежалъ къ Петербургской знати. Положенію въ свѣтѣ отвѣдало и состояніе, такъ какъ, кромѣ родового имѣнія въ селѣ Тонинѣ, въ которомъ и въ настоящее время числится 3146 десятинъ облагаемой земскимъ сборомъ земли, а до крестьянской реформы было болѣе 5000 десятинъ, у Дашковыхъ было еще имѣніе матери Дмитрія Дмитриевича въ

Уфимской губерніи при Благовѣщенскомъ мѣдно-плавильномъ заводѣ, и при немъ свыше 45000 десятинъ, большею частью въ лугахъ и лѣсахъ. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ скончался въ 1838 году, оставивъ старшаго сына ребенкомъ по седьмому году. Кромѣ Дмитрія Дмитріевича послѣ покойнаго остались старшая и единственная сестра Дмитрія Дмитріевича, Анна Дмитріевна, и младшій братъ Андрей. Вскорѣ послѣ кончины мужа Елисавета Васильевна Дашкова приняла вмѣстѣ съ дѣтьми и теткою Дмитрія Дмитріевича, сестрой покойнаго Дмитрія Васильевича, Варварой Васильевной Дашковой, поѣзду за границу, гдѣ и провела довольно долгое время, главнымъ образомъ въ Италіи. Семью Дашковыхъ въ этой поѣздѣ сопровождалъ воспитатель мальчиковъ, Михаилъ Андреевичъ Сомянъ. Подъ его руководствомъ Дмитрій Дмитріевичъ еще въ раннемъ возрастѣ ознакомился съ памятниками искусства и творчества западной Европы, достопримѣчательности которой усердно осматривались Дашковыми при посѣщеніи различныхъ европейскихъ городовъ. Такимъ образомъ знакомство съ европейскою жизнью было у Дмитрія Дмитріевича непосредственно и раннее.

По возвращеніи изъ этого путешествія, Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ поступилъ въ 3-ю С.-Петербургскую гимназію, въ то время единственную въ С.-Петербургѣ классическую, съ двумя древними языками. Учился онъ хорошо и по окончаніи курса съ отличіемъ въ 1851 году поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету.

Три первыхъ года, проведенныхъ Дашковымъ въ университетѣ, были продолженіемъ того, что было уже заложено ранѣе. Серьезная работа надъ избранными по собственному влеченію предметами, знакомства съ профессорами и товарищами, уцѣлѣвшія у Дашкова на всю жизнь, весь строй тогдашней университетской жизни наложили на него неизгладимый отпечатокъ навсегда, такъ что даже въ сорокалѣтній возрастъ въ немъ можно было узнать бывшаго студента, способнаго, пожалуй, въ томъ возрастѣ сѣсть на одну скамейку съ молодежью и жить ея интересами.

На третьемъ или на четвертомъ уже курсѣ, точно сказать не умѣю, съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ случилось одно изъ тѣхъ событій, которыя измѣняютъ ходъ жизни навсегда. Онъ серьезно заболѣлъ. Болѣзнь его была изъ числа злокачественныхъ экземъ, которыя хотя

и не угрожаютъ жизни человѣка, но способны его измучить до невѣроятности и въ тоже время держатся съ такимъ упорствомъ, что разстаться съ ними нерѣдко удается только вмѣстѣ съ жизнью. Припадокъ появился сразу въ очень тяжелой формѣ. Пришлось бросить университетъ и ѣхать лѣчиться. Лучшіе специалисты въ то время были въ Парижѣ. Ѣхать туда въ то время было не легко, въ виду начинавшейся войны съ Франціей. Потребовались разрѣшеніе двухъ императоровъ, — императора Николая и императора Наполеона. Но для Дашковыхъ это было возможно. Требуемыя разрѣшенія были получены, и Дмитрій Дмитріевичъ уѣхалъ въ Парижъ въ самомъ началѣ открытія непріязненныхъ дѣйствій.

Пребываніе въ столицѣ Франціи въ такое время для русскаго не могло быть приятнымъ, и Дашковъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ всю тяжесть этого положенія, по скольку состояніе здоровья не давало ему возможности употреблять время на его любимыя научныя занятія. Но для размышляющаго человѣка оно представляло не мало случаевъ сдѣлать любопытныя наблюденія ¹⁾. Пребываніе въ Парижѣ было также облегчено Дашкову сближеніемъ съ оставшимся тамъ священникомъ нашего посольства, о. Васильевымъ, о которомъ онъ впоследствии вспоминалъ съ большимъ уваженіемъ и теплымъ чувствомъ.

Дмитрій Дмитріевичъ пробылъ въ Парижѣ почти все время войны и вернулся въ Петербургъ лишь ко времени заключенія мира. Парижскіе врачи облегчили состояніе его здоровья, но излѣчить его не могли. Онъ долженъ былъ послѣ этого еще два раза ѣздить за границу, одинъ разъ въ Швальбахъ, другой разъ въ Вѣну, гдѣ прожилъ довольно долго. Но и эти поѣздки не сдѣлали изъ него здороваго человѣка. Болѣзнь то обострялась, то становилась легче, не препятствуя обыкновенно обычной дѣятельности, но и никогда не оставляя его въ покоѣ. Отдѣлался отъ нея Дашковъ, или по крайней мѣрѣ считалъ, что отдѣлался, уже гораздо позднѣе, въ Уфѣ, когда

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ печатныхъ сочиненій, «какихъ учительскихъ семинарій намъ не нужно», Д. Д. Дашковъ передаетъ содержаніе своего разговора съ однимъ французомъ за то время. Онъ никакъ не могъ увѣрить своего собесѣдника, принадлежавшаго къ образованному обществу, что Кронштадскія пушки не могутъ угрожать Константинополю, какъ то утверждалось въ одной шовинистской газетѣ. Французъ былъ убѣжденъ, что Кронштадтъ находится гдѣ нибудь на Восторѣ.

на смѣну этой болѣзни вскорѣ появились другіе недуги, естественные въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ тогда находился. Такъ что: быть больнымъ, можно сказать, было его обыкновенное состояніе.

Все это, разумѣется, не могло не наложить глубокаго отпечатка на весь нравственный обликъ человѣка. Личной жизни у него какъ бы не было; онъ, такъ сказать, весь ушелъ въ идею, жилъ только для выполненія того общественнаго и религіознаго идеала, который онъ себѣ составилъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ представлялся, когда я въ первый разъ познакомился съ нимъ въ Рязани. Ему было тогда лѣтъ подъ 40, хотя на видъ смѣло можно было дать 50, такъ что, когда впоследствии лѣтъ черезъ двадцать, онъ снова пріѣзжалъ въ Рязань изъ Уфы, уже отдѣлавшись отъ болѣзни, онъ показался мнѣ даже помолодѣвшимъ: настолько онъ былъ бодрѣе и здоровѣе на видъ. Во всемъ складѣ его было что-то особенное, дѣлавшее его совершенно непохожимъ на другихъ. Его почти нельзя было оскорбить или обидѣть, такъ какъ тѣ себялюбивыя чувства, которыя обыкновенно заставляютъ насъ обижаться, вродѣ честолюбія и т. п., были какъ будто совершенно чужды ему. Ровный и сдержанный, какъ бывають люди порабатавшіе надъ собою, онъ былъ въ тоже время и чрезвычайно деликатнымъ человѣкомъ. Требовательный къ себѣ и необыкновенно точный во всемъ, что касалось общественнаго дѣла, ставя идею долга чуть не выше всего, онъ отличался въ тоже время большою снисходительностью и терпимостью къ другимъ. Онъ былъ готовъ по долгу бесѣдовать съ лицами, совершенно его непонимавшими и смотрѣвшими на вещи совсѣмъ другими глазами, чѣмъ онъ, склонный всякое дурное дѣло объяснять незнаніемъ или непониманіемъ. Разгнѣвать его, а тѣмъ болѣе заставить выйти изъ себя, было почти невозможно. Чуткій къ страданіямъ другихъ, онъ находилъ истинное наслажденіе въ оказаніи помощи въ такихъ случаяхъ, но всегда старался сдѣлать это такъ, чтобы тотъ, кому эта помощь оказывается, и не зналъ объ этомъ, и потомъ отъ души радовался чужой радости. Количество средствъ, которыя Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ расходовалъ такимъ образомъ, какъ мнѣ извѣстно отъ лицъ, которымъ подобныя дѣйствія поручались, было очень велико, и многія лица навѣрное такъ никогда и не узнавали, чѣмъ они были обязаны Дашкову.

Таковъ былъ человѣкъ, выработывавшійся изъ Дмитрія Дмитріевича. Надо было обладать большими душевными силами, чтобы изъ тѣхъ

условія, среди которых складывалась его личность, вышел такой результат.

Но я зашел, кажется, слишком далеко вперед. Въ то время, когда Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ въ концѣ Крымской войны вернулся изъ Парижа, въ немъ, вѣроятно, еще не могли сложиться все тѣ черты характера и взгляды, какіе отличали его впоследствии. Между тѣмъ временемъ и временемъ его дѣятельности въ Рязани прошло болѣе 10 лѣтъ. Въ эти 10 лѣтъ надо было не мало передумать и много пережить. Что онъ пережилъ и передумалъ — для меня остается тайною.

Время было живое, знаменательное. Съ началомъ новаго царствованія, императора Александра II, давно сознавашіеся недостатки нашей государственной жизни были официально признаны и начали исправляться. Готовились и проводились великія реформы, одна за другою обновлявшія различныя стороны общественной жизни: за освобожденіемъ крестьянъ слѣдовали реформа судебныхъ учреждений, земская. Въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточивалась подготовительная дѣятельность по введенію всѣхъ этихъ преобразованій, шла кипучая работа, которой интересовалось и въ которой въ извѣстномъ смыслѣ принимало участіе все общество. Петербургъ сталъ неузнаваемъ сравнительно съ недавнимъ еще прошлымъ.

Дашкову, при его образованіи, положеніи въ свѣтѣ и связяхъ, труднѣе было остаться въ сторонѣ отъ всей этой работы, чѣмъ принять въ ней участіе. Многіе остававшіеся въ живыхъ сослуживцы и сотрудники его покойнаго отца охотно доставили бы ему способы поступить на службу въ любое изъ тѣхъ учреждений, гдѣ шла эта работа. Такіе люди, какъ онъ, требовались. И тоже бы сдѣлали для него съ восторгомъ родные и друзья его матери. Дмитрій Дмитріевичъ однако на службу въ Петербургѣ не поступилъ, хотя не разъ и получалъ приглашенія этого рода. Что именно удержало его отъ этого: плохое ли здоровье, не дававшее ему возможности работать такъ, какъ бы онъ считалъ нужнымъ, или, заставлявшія его отдавать предпочтеніе другому дѣлу, — мнѣ неизвѣстно. Но, не поступая формально на службу, Дашковъ не оставался равнодушнымъ къ тому, что вокругъ него происходило. Такъ, онъ участвовалъ, между прочимъ, въ работахъ нѣсколькихъ комиссій, изъ которыхъ объ одной, подъ предсѣдательствомъ Валуева, впоследствии вспоминалъ, удивляясь

мастерству, съ которымъ этотъ государственный дѣятель руководилъ преніями и дѣлалъ сводку высказанныхъ мнѣній. Когда въ 60-хъ годахъ, не задолго до введенія новыхъ судебныхъ учреждений въ Петербургскомъ округѣ, нѣкоторые изъ Петербургскихъ юристовъ образовали частные кружки для совмѣстнаго разсмотрѣнія различныхъ юридическихъ вопросовъ, что служило имъ подготовкой для будущей дѣятельности въ новыхъ учрежденіяхъ, Дашковъ сдѣлался членомъ такого кружка. Въ кружкѣ этомъ участвовали многіе выдающіеся юристы, какъ то: Зарудный, Д. Б. Беръ, В. В. Самарскій-Выховецъ, К. К. Арсеньевъ, адвокатъ Серебряный и другіе. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о занятіяхъ этого кружка, отпечатанныхъ въ № 3 газеты „Право“ за 1902 г., упоминаетъ о Д. Д. Дашковѣ, какъ объ одномъ изъ наиболее сильныхъ диалектиковъ кружка, отличавшимся знаніемъ народнаго быта, необыкновенною ясностью взгляда и большимъ умѣньемъ предугадывать и предупреждать возраженія противника ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что участіе въ такихъ кружкахъ содѣйствовало выработкѣ въ Дашковѣ того мастерства въ веденіи преній, какимъ отличался Дмитрій Дмитриевичъ и въ земскихъ собраніяхъ. Но любопытнымъ занятіемъ и предметомъ, болѣе всего привлекавшимъ его вниманіе, была педагогія. Всего охотнѣе проводилъ онъ время въ кружкѣ преданныхъ интересамъ науки университетскихъ товарищей, а также товарищей по гимназіи своихъ и своего брата, впослѣдствіи извѣстнаго земскаго дѣятеля Уфимской губерніи, Андрея Дмитриевича Дашкова, съ которымъ онъ всегда жилъ очень дружно, — людей, съ которыми можно было обмѣняться мыслями и подѣлиться результатами кабинетныхъ работъ, въ

¹⁾ Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ К. К. Арсеньевъ о Дашковѣ въ упомянутой статьѣ. «Филологъ по образованію, онъ интересовался вопросами права настолько, насколько они прямо врѣзываются въ общественную жизнь, и вносилъ въ обсужденіе ихъ рѣдкое между нами знаніе народнаго быта, необыкновенную ясность мысли и доведенное до виртуозности умѣнье предугадывать и предупреждать возраженія противника. Невозмутимо спокойный, никогда не возвышая голоса, едва мѣняая интонацію, онъ былъ весьма опаснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени симпатичнымъ оппонентомъ. Чѣмъ менѣе онъ былъ похожъ на другихъ членовъ кружка, тѣмъ болѣе онъ былъ для насъ драгоцененъ». «Но его скромность» прибавляетъ Арсеньевъ «заставляла его сомнѣваться въ томъ, умѣстенъ-ли онъ, какъ не юристъ, въ юридическомъ собраніи».

которымъ Дмитрій Дмитріевичъ, можетъ быть вѣдѣствіе условій своего здоровья, всегда чувствовалъ наклонность. Въ числѣ такихъ знакомыхъ, кромѣ его непосредственнаго учителя, профессора Коссовича, были, между прочимъ, такіе люди, какъ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, Брашке, Остерманъ, Колябинъ, педагогъ Май и другіе. Въ бесѣдахъ этого дружнаго кружка рѣчь часто останавливалась на вопросахъ народнаго образованія.

Былъ ли Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ когда нибудь знакомъ съ педагогическимъ дѣломъ не теоретически только, но и на практикѣ, мнѣ неизвѣстно. Въ Рязани ходили слухи объ участіи въ устройствѣ воскресныхъ школъ, и, судя по тому, какъ онъ разбирался въ вопросахъ преподаванія, можно допустить мысль, что нѣчто подобное было. Но фактически мнѣ ни одного подобнаго случая выявить не удалось. Сталобить думать можно, что такого случая и не было. Когда въ 60-хъ годахъ существовавшее въ Петербургѣ педагогическое общество получило особенное оживленіе, благодаря участію цѣлага ряда молодыхъ педагоговъ, Дашковъ сдѣлался дѣятельнымъ его членомъ. Какъ извѣстно, общество это обратило на себя всеобщее вниманіе шириною поставленныхъ вопросовъ, захватывавшихъ насущныя общественныя потребности, и глубиною высказывавшихся взглядовъ. Педагогіи же и школьному дѣлу были посвящены первыя журнальныя работы Дашкова, обратившія на себя вниманіе тогдашняго ученаго міра.

Въ 1863 году Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ, улучивъ минуту сравнительно хорошаго состоянія своего здоровья, сдалъ экзамень въ С.-Петербургскомъ университетѣ на степень кандидата по историко-филологическому факультету. А черезъ пять лѣтъ, въ 1868 году, мы видимъ его уже въ числѣ гласныхъ Спасскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Такимъ образомъ, этотъ человекъ съ европейскимъ образованіемъ, располагавшій всѣми данными для успѣшнаго прохожденія служебной карьеры въ Петербургѣ, желавшій отдать свои силы на служеніе родинѣ и обществу, очутился въ глухомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и былъ зятанутъ въ водоворотъ земской жизни, однимъ изъ главныхъ дѣятелей которой ему скоро пришлось стать.

Въ „запискахъ земца“ Александра Николаевича Левашова, напечатанныхъ въ Трудахъ Архивной Комиссіи, сохранился разсказъ о

первомъ появленіи Дашкова въ Спасскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Было это въ 1869 г., такъ какъ въ 1868 году здоровье не позволило ему прибыть въ собраніе. Засѣдая на эстрадѣ, на которой помѣщались во время мировыхъ сѣздовъ мировые судьи, за столомъ, за которымъ вѣсѣтъ съ нимъ сидѣла Управа и наиболѣе вліятельные изъ гласныхъ, въ то время, какъ остальная часть собранія размѣщалась на скамьяхъ, предназначенныхъ во время судебныхъ разбирательствъ для публики, предсѣдатель собранія, рассказываетъ Левашовъ, А. И. Колемины, побѣдоносно разрѣшалъ возбуждаемые вопросы, высказывая свое мнѣніе послѣ каждого прочтеннаго доклада и оканчивая его традиціоннымъ вопросомъ: „такъ или нѣтъ“, обыкновенно встрѣчаемымъ со стороны гласныхъ молчаніемъ, принимаемымъ за согласіе. „На одномъ какомъ то вопросѣ“, продолжаетъ Левашовъ, зашедшій случайно посмотреть, что дѣлается, „изъ глубины залы слышался очень тихій и мягкій, но рѣшительный голосъ, принадлежавшій очевидно интеллигентному человѣку. Въ концѣ залы, около задней скамейки стоялъ средняго роста человѣкъ съ высокимъ лбомъ, крупными чертами лица и небольшою бородкой, одѣтый въ черныя скромный сюртукъ. На головѣ его было надѣто нѣчто вроде черной скуфы или ермолки. „Позвольте, позвольте, кто говоритъ“? удивленно спросилъ А. И. Колемина, взглядываясь въ даль,—„ахъ, это вы, Дмитрій Дмитриевичъ, простите, пожалуйста, я васъ не видалъ. Пожалуйста сюда, къ намъ поближе. Вамъ тамъ неудобно“.—Очень благодаренъ вашему превосходительству за внимательную любезность ко мнѣ,—отвѣчалъ Д. Д. Дашковъ (это былъ онъ, въ первый разъ явившійся въ земское собраніе)—но я прошу позволенія сохранить свое мѣсто около моихъ товарищей, А гласныхъ Спасскаго уѣзда, изъ которыхъ не имѣю причинъ и основаній выдѣляться“! Авторъ записокъ не запомнилъ содержаніе рѣчи, которая вслѣдъ за тѣмъ была сказана Дашковымъ, и думаетъ, что она особаго значенія не имѣла, а была сказана, чтобы отмѣтить неловкое положеніе, въ какое были поставлены гласные неудобнымъ расположеніемъ мебели и размѣщеніемъ ихъ въ собраніи. Но урокъ, по словамъ Левашова, подѣйствовалъ и на слѣдующій годъ безъ труда удалось уговорить предсѣдателя сойти съ эстрады и помѣститься за общимъ столомъ со всѣми.

Кто помнитъ гласнаго Дашкова, безъ сомнѣнія согласится, что приведенная сценка относится къ числу его любимыхъ приемовъ при-

учать собранія къ порядку. На такіе приемы Дашковъ былъ большой мастеръ и прибѣгалъ къ нимъ, нерѣдко и въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Такъ, онъ началъ отказываться отъ избранія въ члены подготовительной комиссіи, на предварительное разсмотрѣніе которой собраніемъ передавались различные подлежащіе его разрѣшенію вопросы, когда замѣтилъ въ собраніи наклонность черезъ чуръ полагаться на мнѣніе комиссіи въ ущербъ самостоятельной работѣ, при окончательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, и, дѣлая свои возраженія непосредственно въ собраніи, нерѣдко опрокидывалъ заключеніе комиссіи. Такимъ образомъ онъ заставлялъ и собраніе и комиссію внимательно относиться къ работѣ. Другой примѣръ. Дашковъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста въ собраніи, какъ большинство другихъ гласныхъ, но, войдя обыкновенно незамѣтно, когда уже засѣданіе началось, присаживался къ какому нибудь уголку стола позади другихъ. Черезъ нѣкоторое время въ уголокъ, гдѣ Дмитрій Дмитріевичъ присаживался, понемногу умолкали смѣшки и посторонніе разговоры, которыми любають въ ущербъ дѣлу во время засѣданій перекидываться нѣкоторые, не слишкомъ внимательные, гласные. При видѣ его серьезнаго, внимательно слѣдившаго за ходомъ занятій лица, невольно ставилось совѣстно отвлекаться посторонними разговорами и мѣшать ему слушать; понемногу, гласные начинали прислушиваться и сами и втягивались въ дѣло. Вступая въ составъ гласныхъ земскаго собранія, такой человекъ, какъ Дашковъ, долженъ былъ естественно приобрести вліяніе въ своемъ уѣздѣ. Обширный умъ, серьезное, солидное образованіе, привычка къ труду и добросовѣтность въ работѣ, доходившая до педантичности, замѣчательный даръ слова и проч. и проч. обезпечивали за нимъ это. На все эти несомнѣнныя качества у него было всего два недостатка: недостатокъ здоровья, дѣлавшій для него затруднительнымъ исполненіе нѣкоторыхъ занятій, и недостатокъ опытности въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ первымъ недостаткомъ, благодаря присущей ему силѣ воли, онъ справлялся довольно легко. Второй, который никѣмъ такъ не сознавался, какъ имъ самимъ, постоянно его мучилъ и заставлялъ употреблять все усилія, чтобы отъ него отдѣлаться. Ничѣмъ нельзя было такъ утѣшить Дашкова, какъ дасть понять, что его считаютъ не плохимъ хозяиномъ. Впослѣдствіи ему удалось до извѣстной степени справиться и съ этимъ недостаткомъ.

Вступившій въ число гласныхъ Спасскаго уѣзднаго земскаго собра-

нія тремя годами позднѣе Дашкова авторъ „записокъ земца“ характеризуетъ эту пору дѣятельности Спасскаго земства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ земской жизни уѣзда произошелъ переворотъ. Новый здоровый духъ общественности и желанія внести въ окружающую жизнь дѣйствительное улучшение сразу почувствовался всеми. Много надо приписать въ этомъ отношеніи обаятельной личности Дмитрія Дмитриевича Дашкова. „Этотъ человекъ“, продолжалъ Левашовъ, „не умѣлъ относиться къ дѣлу иначе, какъ поживому. Въ первый разъ при его участіи произведена была въ Спасскомъ уѣздѣ дѣйствительная ревизія счетоводства и отчета управы и данъ подробный отчетъ о ней собранію. Внесено предложеніе объ образованіи запаснаго капитала. Прежде ревизія ограничивалась двухчасовымъ обзорѣмъ книгъ управы подъ руководствомъ бухгалтера. Первый же разъ собраніе выслушало подробный отчетъ о существующихъ училищахъ въ Спасскомъ уѣздѣ“.

Еще черезъ годъ Дашковъ былъ выбранъ въ должность Спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства, и подъ его руководствомъ началась та плодотворная дѣятельность, которая въ не очень продолжительномъ времени поставила Спасскій уѣздъ впереди почти всехъ уѣздовъ Рязанской губерніи по состоянію главныхъ отраслей земскаго хозяйства, мѣсто, которое онъ потомъ долго занималъ. Несправедливо было бы, конечно, приписывать такой результатъ одному Дашкову, хотя въ качествѣ предводителя онъ и былъ почти идеальнымъ предводителемъ (съ моей точки зрѣнія, конечно, т. е. не въ смыслъ защиты дворянскихъ притязаній во чтобы то ни стало, а въ смыслъ поддержанія всего хорошаго и справедливаго). Уже одно состояніе здоровья не позволило бы ему работать за всехъ; и вмѣстѣ съ нимъ честь достиженія этого результата должны раздѣлить нѣсколько другихъ лицъ, между которыми не послѣднее мѣсто принадлежитъ по праву автору „записокъ земца“, ставшему вскорѣ предсѣдателемъ Спасской уѣздной земской управы. Наконецъ, упомянутая дѣятельность продолжалась въ Спасскомъ уѣздѣ и по выходѣ изъ него Дашкова. Но Дмитрій Дмитриевичъ былъ несомнѣнно тѣми дрожжами, которыя надо было положить въ тѣсто, чтобы хлѣбъ началъ всходить.

Дашковъ предводитель, точно также, какъ и членъ училищнаго совѣта, какъ и гласный Дашковъ, больше всего интересовался и первымъ своимъ дѣломъ считалъ школьное дѣло. Передъ этимъ дѣломъ

отступали на второй планъ и мировой съѣздъ, въ которомъ онъ былъ почетнымъ мировымъ судьей и часто предсѣдательствовалъ, и другія предводительскія занятія, хотя въ юридическихъ вопросахъ онъ также разбирался отлично и былъ превосходнымъ предсѣдателемъ. Что было достигнуто въ Спасскомъ уѣздѣ при немъ въ дѣлѣ народнаго образованія, было прямо его дѣломъ. Онъ съ самаго начала понималъ, что для того, чтобы приохотить населеніе къ школѣ, необходимо было поднять въ ней уровень преподаванія, и не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ для достиженія этой цѣли. Неумоимо объѣзжалъ онъ училища уѣзда, входя въ сношенія и съ учителями, и съ населеніемъ, и съ частными лицами, и часто находилъ помощь и средства тамъ, гдѣ сначала нельзя было ожидать ихъ. Въ очень скоромъ времени 18 земскихъ училищъ Спасскаго уѣзда сдѣлались по постановкѣ преподаванія лучшими въ губерніи. Къ школьному дѣлу Дмитрій Дмитріевичъ былъ настолько привязанъ, что даже оставляя должность предводителя и уѣзжая изъ Рязанской губерніи, онъ оставилъ своему преемнику подробный планъ дѣйствій и просилъ его сообщать ему о ходѣ того дѣла въ Уфу.

Но занятія Дашкова по училищному дѣлу сливаются уже съ его дѣятельностью въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ.

Гласнымъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ сдѣлался тоже въ 1868 году, будучи избранъ въ губернскіе гласные отъ Спасскаго уѣзда. Въ занятіяхъ губернскаго земскаго собранія онъ въ этотъ годъ, какъ и въ Спасскомъ уѣздномъ собраніи, не участвовалъ. Но имъ была прислана и собранію доложена записка, въ которой Дмитрій Дмитріевичъ предлагалъ собранію устройство на средства губернскаго земства въ лѣтнее время педагогическихъ курсовъ для подготовки учителей въ народныя школы и для сообщенія уже дѣйствовавшимъ учителямъ дополнительныхъ свѣдѣній и улучшенныхъ приемовъ преподаванія. Записка была написана со знаніемъ дѣла и увѣренностью въ его осуществимости. Авторомъ былъ приведенъ полный расчетъ потребнаго на устройство курсовъ расхода и указано на примѣры такихъ курсовъ въ другихъ губерніяхъ, именно въ Новгородской.

Предложеніе Дашкова шло на встрѣчу существенной потребности народной школы того времени. Новые методы преподаванія, усвоившіе себѣ въ настоящее время такое прочное положеніе въ земскихъ шко-

Б/417145

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

лахъ, въ то время только еще входили въ употребленіе. Знакомыхъ съ ними учителей въ Рязанскихъ училищахъ почти не было, какъ вообще почти не было новъ хвѣтихъ школахъ подготовленныхъ учителей. Недавно открытая земствомъ учительская семинарія въ Рязани не дала еще ни одного выпуска, но если-бы выпуски окончившихъ курсъ въ этой семинаріи и начались, число выпускаемыхъ было настолько незначительно, что этимъ путемъ надолго нельзя-бы было надѣяться доставить училищамъ губерніи необходимое число учителей. Все это было принято во вниманіе Дашковымъ въ его запискѣ. Поддержанное губернскою управою и многими гласными предложеніе было принято собраніемъ; на устройство курсовъ ассигнована по смѣтѣ на 1869 г. исчисленная Дашковымъ сумма въ 4000 рублей, и въ то же собраніе авторъ предложенія былъ выбранъ въ члены губернскаго училищнаго совѣта отъ земства.

Такъ началась дѣятельность Дмитрія Дмитриевича Дашкова въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ.

Какъ и можно было ожидать, осуществленіе предположенія объ устройствѣ курсовъ легло главнымъ образомъ тоже на Дашкова. Предсѣдатель губернской управы, князь С. В. Волконскій, поспѣшилъ воспользоваться его содѣйствіемъ вполне. Отъ Дмитрія Дмитриевича исходила и разработка плана открываемыхъ курсовъ, и приглашеніе руководителей, и выборъ и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Онъ же все время посѣщалъ курсы и слѣдилъ за ходомъ занятій. Курсы удались вполне и оправдали всѣ ожиданія Дашкова. Изъ 125 человекъ, принятыхъ на курсы въ качествѣ слушателей, получили по произведеніи испытанія свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи ихъ 99 человекъ; число же желавшихъ попасть на курсы было значительно больше. Съ тѣхъ поръ такіе курсы срокомъ на 2—3 мѣсяца ежегодно созывались въ Рязанской губерніи. Сначала ихъ устраивали въ двухъ городахъ, Рязани и Ряжскѣ, для различныхъ частей губерніи, а потомъ только въ Рязани. Дашковъ всякій разъ принималъ въ устройствѣ ихъ дѣятельное участіе. Благодаря его знанію дѣла и знакомствамъ въ педагогическомъ мірѣ, удавалось приглашать въ руководители опытныхъ и талантливыхъ людей, что считалось Дмитриемъ Дмитриевичемъ необходимымъ условіемъ успѣха, такъ что въ Рязани перебивали за это время многіе изъ наиболѣе извѣстныхъ педагоговъ того времени. Самъ Дашковъ слѣдилъ за ходомъ бесѣдъ, знакомился

и подолгу разговаривалъ съ слушателями курсовъ, стараясь отличить наиболѣе пригодныхъ для учительскаго дѣла, и поддерживая и руководя учителей своими совѣтами, а подчасъ и не одними только совѣтами. Всего за 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ устраивались земствомъ педагогическіе курсы, на курсахъ перебивало болѣе 600 человекъ, изъ которыхъ около половины сдѣлались учителями народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи. Нѣкоторые учителя побывали на курсахъ нѣсколько разъ. Учителя прошедшіе черезъ эти курсы наряду съ немногочисленными еще въ то время воспитанниками земской учительской семинаріи, первые разнесли по губерніи новые приемы преподаванія: изученіе грамоты по звуковому методу, чтеніе по „родному слову“ Ушинскаго, счетъ по системѣ Груббе, а, главное, внесли въ школу новое обращеніе съ учащимися. Для насъ, не педагоговъ, все это составляло въ то время цѣлое откровеніе. Я имѣлъ случай видѣть на дѣлѣ преподаваніе нѣкоторыхъ изъ такихъ учителей, прослушавшихъ педагогическіе курсы въ теченіе всего трехъ мѣсяцевъ, и, если-бы не убѣдился собственными ушами, не повѣрилъ-бы въ возможность достигнуть такихъ результатовъ въ такое короткое время, разумѣется, при природныхъ способностяхъ. Первый предсѣдатель Рязанской губернской земской управы, князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій, говоритъ въ своемъ „обзорѣ девятилѣтней дѣятельности Рязанскаго земства“, что только со времени учрежденія курсовъ „школы наши стали походить на школы; дѣти перестали ихъ бояться и стали выучиваться грамотѣ скоро и легко, тогда какъ въ прежнихъ школахъ они по большей части не выучивались“.

Курсы устраивались Рязанскимъ земствомъ до 1875 года включительно. 5 августа этого года, какъ извѣстно, были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ. По этимъ правиламъ все дѣло устройства курсовъ—приглашеніе руководителей, назначеніе учителей на курсы и проч., предоставлялось Усмотрѣнію дирекціи и инспекторовъ народныхъ училищъ, публичность преподаванія устранялась; за земствомъ оставлено лишь право, заявивъ дирекціи о своемъ желаніи устроить курсы, оплатить потребный на то расходъ. Выслушавъ докладъ объ этихъ правилахъ, собраніе приняло его къ свѣдѣнію и новаго назначенія на курсы не сдѣлало. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ положеніи, въ какомъ находи-

лось въ то время земство, всѣ ограничительныя въ отношеніи его участія въ дѣлѣ условія были бы соблюдены въ точности.

Такъ заключилось первое дѣло, предпринятое Рязанскимъ губернскимъ земствомъ на пользу народнаго образованія по почину Дашкова. Впрочемъ, надо сказать, что въ то время (въ 1876 г.) не было уже и такой надобности въ подготовленіи учителей на педагогическихъ курсахъ, какъ прежде. Число подготовленныхъ учителей стало больше, а выпуски земской учительской семинаріи ежегодно увеличивали между ними число лицъ, получившихъ болѣе основательную подготовку. Курсы сослужили свою службу губерніи.

Когда Дашковъ былъ избранъ въ члены губернскаго училищнаго совѣта отъ земства, дѣйствовало еще положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 года. При той постановкѣ, которая была дана дѣлу народнаго образованія въ Рязанской губерніи, по которой содержаніе училищъ было признано дѣломъ уѣздовъ (а уѣздными собраніями по большей части считалось непосильнымъ земству) губернскому училищному совѣту, созывавшемуся еще подъ предсѣдательствомъ архіерея, собственно дѣла не было. Совѣтъ этотъ получалъ отпускавшіяся на его содержаніе деньги, велъ формальнымъ образомъ небольшую переписку, вытекавшую изъ его обязанностей чисто служебнаго характера, и на дѣлѣ даже не созывался, а рѣшалъ дѣла любимымъ способомъ бюрократическихъ учрежденій, проходными журналами. Предшественникъ Дашкова по должности члена отъ земства губернскаго училищнаго совѣта, отказываясь отъ нея, жаловался, что его ниразу не приглашали на засѣданія совѣта (въ Рязань изъ Касимова). А другой членъ отъ земства того же совѣта, товарищъ Дашкова по должности, М. Н. Кормилицынъ, заявлялъ земскому собранію такой же отказъ въ самый годъ появленія перваго Дашковскаго отчета о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи, ссылаясь на безвыходность положенія. въ какое поставленъ Совѣтъ и его земскіе члены по недостатку денегъ. Онъ долженъ былъ затратить собственныя деньги даже на такую надобность, какъ разсылку на заключеніе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ присланнаго губернскимъ училищнымъ совѣтомъ Симбирской губерніи проекта наказа уѣзднымъ совѣтамъ, по которому требовался отзывъ Рязанскаго губернскаго училищнаго Совѣта. Не было возможности, по недостатку средствъ, ни составить выписки изъ сообщенныхъ 3-мя уѣздными совѣтами отчетовъ для доклада губерн-

скому совѣту, ни написать каталога дешевыхъ и полезныхъ книгъ для народа, чтобы тѣмъ облечить выборъ книгъ уѣзднымъ совѣтомъ; „книгъ же полезныхъ, бесполезныхъ и даже вредныхъ“, писалъ Н. М. Кормилицынъ „оказалось весьма много“ и на приобрѣтеніе ихъ для ознакомленія съ ними требовались средства... Какъ же было руководить при такомъ положеніи? А между тѣмъ, продолжалъ Кормилицынъ, „полезно бы было также членамъ губернскаго училищнаго совѣта по временамъ объѣзжать школы, и, подвергая учениковъ экзамену, выдавать по указанію мѣстнаго совѣта награды учителямъ“ и т. д. На все это нужны средства.

Я не стану перечислять различныхъ предположенія Кормилицына о томъ, что по его мнѣнію нужно бы сдѣлать и на что не имѣлось средствъ, которыя онъ приводитъ въ поданномъ имъ въ земское собраніе заявленіи. Рѣчь въ этой характеристикѣ идетъ не о немъ. Но нельзя не замѣтить, что Кормилицынъ былъ правъ по существу, когда онъ, не желая сидѣть въ совѣтѣ ничего не дѣлая, отказался отъ должности, какъ это и поняло собраніе, принявшее его заявленіе.

Но что затрудняло другихъ гласныхъ, попадавшихъ въ должность членовъ отъ земства губ. училищнаго совѣта, то не могло остановить Дашкова. Съ самого начала онъ понималъ свое положеніе иначе. Принявъ свое избраніе въ члены губернскаго училищнаго совѣта за порученіе губернскаго земскаго собранія быть его органомъ въ училищномъ дѣлѣ, онъ задался прежде всего цѣлью ознакомить собраніе съ дѣйствительнымъ положеніемъ этого дѣла въ губерніи. Для этого надо было ознакомиться со школами самому. Онъ это и сдѣлалъ. Знакомство привело его къ необходимости помогать школамъ и учащимъ въ нихъ, чѣмъ онъ могъ. И на это у него хватило и энергіи и умѣнія. Отбросивъ мысль о руководствѣ дѣлами училищныхъ совѣтовъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы на этой помощи и вскорѣ затянулся въ дѣло такъ, что оно стало его главнымъ, чтобъ не сказать единственнымъ занятіемъ. Разумѣется, онъ не имѣлъ возможности лично посѣтить не только всѣхъ училищъ, но даже болѣе или менѣе значительную часть ихъ, и сдѣлать въ губерніи того же, что онъ дѣлалъ въ своемъ Спасскомъ уѣздѣ. Но онъ старался узнавать о положеніи училищъ и ихъ нуждахъ всѣми средствами, какія только попадали въ его распоряженіе. Съ учителями онъ былъ знакомъ въ очень многихъ случаяхъ по курсамъ, а также по занятіямъ учениковъ земской и учительской

семинаріи, съ которою онъ не замедлилъ коротко познакомиться и войти во всѣ интересы и нужды заведенія. Такъ какъ его вступленіе въ губернской училищный совѣтъ совпало съ назначеніемъ первыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, то онъ успѣшилъ познакомиться съ ними и коротко сошелся съ первымъ инспекторомъ, и нѣкоторое время единственнымъ въ Рязанской губерніи, Трескинымъ. Это давало ему возможность пользоваться какъ его опытомъ, такъ и всѣмъ матеріаломъ, какимъ онъ располагалъ. Онъ вступилъ также въ живое общеніе съ дѣятелями по народному образованію въ уѣздахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., Иванъ Павловичъ Бибииковъ въ Данковскомъ уѣздѣ, начавшіи свою дѣятельность по школьному дѣлу еще до Дашкова, были очень близки къ школьной жизни своей мѣстности. Выгода была обоюдная, такъ какъ Дашковъ умѣлъ быть всякому полезенъ во многихъ отношеніяхъ. Когда кто либо изъ учителей попадалъ въ Рязань, онъ обыкновенно шелъ къ члену губернскаго училищнаго совѣта отъ земства (если только Дашковъ былъ въ Рязани), и онъ готовъ былъ со всякимъ бесѣдовать, узнавая нужды его и его школы, и помочь всѣмъ, чѣмъ былъ въ состояніи. Однимъ словомъ, земство приобрѣло въ Дмитріѣ Дмитріевичѣ Дашковѣ на дѣлѣ то, чего, можетъ быть, желало достигнуть министерство народнаго просвѣщенія учрежденіемъ должности инспекторовъ народныхъ училищъ и что въ исключительныхъ случаяхъ иногда и достигалось: оно получило въ немъ друга и помощника учителей, попечителя и защитника училищъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. И все это дѣлалось по призванію съ такою охотою и умѣніемъ, какія рѣдко можно встрѣтить.

Въ 1869 году, и первомъ году, когда Дашковъ дѣйствительно участвовалъ въ засѣданіяхъ губернскаго земскаго собранія, былъ доложенъ и первый докладъ его о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи. По объясненію самого автора этого доклада, цѣлью его было пробудить вниманіе общественнаго мнѣнія къ дѣлу народнаго образованія и его постановкѣ въ Рязанской губерніи. Читая или вѣрнѣе сказать, говоря его, потому что Дашковъ никогда не писалъ своихъ докладовъ, а говорилъ ихъ по конспекту, авторъ является уже не земскимъ инспекторомъ, наблюдающимъ за школами, а скорѣе въ положеніи свидѣтеля, призывающаго вниманіе собранія къ ввѣренному земству дѣлу, способнаго потребовать и отчета за сдѣланное. Передъ собраніемъ проходили одинъ за другимъ отдѣльные

уѣзды и по каждому требовали отвѣта, что въ немъ сдѣлано. Картина получалась не безъ свѣтлыхъ сторонъ, но въ общемъ удручающая, и не у одного изъ слушателей во время этой рѣчи совѣсть должна была укоризненно заговорить подъ вліяніемъ пробудившагося сознанія, что не все то сдѣлано, что было можно.

Докладъ былъ принятъ собраніемъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ значитъ въ журналѣ. Со словъ двухъ очевидцевъ, Ивана Павловича Бибикова и Александра Николаевича Левашова, изъ которыхъ одинъ былъ въ числѣ гласныхъ собранія, а другой находился въ публикѣ, я имѣю возможность вывести болѣе точное заключеніе о дѣйствіи, произведенномъ этимъ отчетомъ. Оно было поразительное. Нѣсколько минутъ по окончаніи отчета прошло въ молчаніи. Потомъ послышались рукоплесканія, сперва тихія, но потомъ превратившіяся въ громкія аплодисменты. Засѣданіе было прервано, и гласные вышли изъ залы, чтобы осилить охватившее ихъ волненіе, переговариваясь другъ съ другомъ. Передъ собраніемъ точно была снята завѣса, скрывавшая отъ его глазъ цѣлый рядъ фактовъ. Когда по возобновленіи засѣданія гласный, князь Крапоткинъ, попробовалъ было оправдать незначительность расходовъ на народное образованіе въ южныхъ уѣздахъ нерасположеніемъ крестьянскаго населенія къ образованію, потребность въ которомъ сильнѣе ощущается въ промышленныхъ мѣстностяхъ сѣвера губерніи, чѣмъ на черноземномъ югѣ, гласный, крестьянинъ Раднебургскаго уѣзда, Есаковъ заявилъ, что крестьяне желаютъ учиться не только на пескахъ, но и на черноземѣ, благодарилъ Дашкова за его сочувствіе народному образованію и предложилъ, напечатать его отчетъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, разослать его во всѣ волостныя правленія губерніи. Гласные тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ затраты на народное образованіе были особенно малы, возражали, стараясь оправдать свои собранія, но ихъ возраженія носили скорѣе характеръ извиненій, чѣмъ оспариванія.

Всѣ предложенія Дашкова были приняты собраніемъ. Было постановлено ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ отъ тѣлесныхъ наказаній, разрѣшены всѣ награды, о которыхъ ходатайствовалось въ докладѣ, и, наконецъ, когда въ отвѣтъ на указаніе Дашкова на недостаточность помощи, оказываемой населенію, желающему учиться, земствомъ Михайловскаго уѣзда, нѣкоторые гласные того уѣзда сосла-

лись на затруднительное положеніе Михайловскаго земства въ этомъ году вслѣдствіе неурожая; разрѣшено членомъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства: „въ виду совершенной безпомощности крестьянскаго населенія этого уѣзда и бѣдности, засвидѣльствованной его управою, чтобы не дать населенію этого уѣзда слишкомъ далеко отставать отъ прочихъ въ дѣлѣ народнаго образованія“ израсходовать на помощь школамъ Михайловскаго уѣзда 760 рублей изъ запаснаго капитала — сумму, указанную Дашковымъ. День этотъ былъ вѣроятно однимъ изъ лучшихъ дней въ жизни Дмитрія Дмитриевича.

Послѣ этого отчета въ собраніи всемъ стало ясно, какую важную силу приобрѣло Рязанское земство въ своемъ новомъ гласномъ.

Въ слѣдующемъ году Дашковъ уже былъ членомъ комиссій ревизіонной, оцѣночной и податной, однимъ словомъ, избирался всюду, гдѣ была работа и требовались способные люди. Въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи онъ, между прочимъ, внесъ предложеніе объ измѣненіи порядка ревизій земскихъ суммъ, которое впоследствии на вело къ установленію постоянныхъ въ теченіе года ревизій земскихъ суммъ, вмѣсто прежнихъ кратковременныхъ передъ собраніемъ. Онъ вносилъ также вмѣстѣ съ другимъ гласнымъ предложеніе о совмѣстномъ печатаніи журналовъ всехъ уѣздныхъ земскихъ собраній губерніи вмѣстѣ съ докладами при губернской управѣ. Предложеніе это не было принято собраніемъ, иначе Рязанское земство вѣроятно давно имѣло бы свой органъ въ Рязани. Но главнымъ дѣломъ Дашкова оставалось народное образованіе.

Докладывая о положеніи школьнаго дѣла въ 1870 году, онъ отмѣчаетъ, что въ этомъ году все уѣзды сдѣлали въ своихъ смѣтахъ ассигнованія на училищное дѣло, и число какъ училищъ, такъ и учащихся въ нихъ прибавилось. Дашковъ окончилъ этотъ свой отчетъ двумя предметами: во первыхъ, оказывать изъ губернскихъ средствъ ссуды уѣздамъ на школьные расходы въ тѣхъ случаяхъ, когда земство уѣзда не будетъ въ состояніи произвести ихъ изъ собственной кассы; во вторыхъ, обязать уѣзды устроить на земскій счетъ по образцовому училищу на каждые 30000 душъ населенія обоего пола. Ни то, ни другое предложеніе не было принято земскимъ собраніемъ, такъ какъ они не согласовались съ установившимся въ Рязанской губерніи распределеніемъ обязанностей между губернскимъ земствомъ и уѣздными. Но второе изъ этихъ предложеній, имѣвшее цѣлью ознакомить насе-

леніе съ хорошею школою, на чемъ особенно настаивалъ Дашковъ, было передано губернскимъ собраніемъ въ уѣзды, изъ которыхъ нѣкоторые привели его въ исполненіе, напр. Рязанскій уѣздъ.

Въ отчетъ, доложенномъ въ 1871 году, Дашковъ могъ указать уже на существенныя перемѣны въ отношеніи земства различныхъ уѣздовъ къ этому дѣлу. Въ двухъ уѣздахъ, Раненбургскомъ и Данковскомъ, произведенъ осмотръ всѣхъ училищъ членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Въ двухъ другихъ заведена рѣчь объ обязательномъ посѣщеніи школъ для крестьянскихъ дѣтей въ мѣстностяхъ, гдѣ школы имѣются. Къ сожалѣнію, оба эти уѣзда относятся къ числу тѣхъ, которые мало ассигновали на народное образованіе. Докладчикъ отмѣчаетъ случаи крупныхъ пожертвованій на школы изъ среды населенія. Въ двухъ случаяхъ крестьяне пожертвовали подѣ училища принадлежавшіе имъ дома. Смѣты вездѣ почти увеличены противъ прежняго. Остановливаясь на докладѣ князя С. В. Волконскаго уѣздному собранію о произведенномъ имъ осмотрѣ училищъ Раненбургскаго уѣзда, Дашковъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ этого доклада и, возвращаясь къ любимой своей идеѣ о необходимости познакомить населеніе съ хорошею школою, онъ говоритъ, ссылаясь на факты, приведенные въ этомъ докладѣ: „покажите населенію хорошую школу, и оно само устремится въ нее; но развѣ можно любить школы въ родѣ описанныхъ княземъ Волконскимъ“! Но онъ рѣшительно возстаетъ противъ ходатайства о понудительной отправкѣ дѣтей въ школы, особенно когда школы почти нѣтъ и ничего серьезнаго не дѣлается для того, чтобы онѣ были.

Отклоняя высказанную ему собраніемъ по предложенію Кошелева благодарность за этотъ докладъ, Дмитрій Дмитріевичъ повторилъ слова, уже сказанныя имъ раньше по такому же случаю: „если въ комъ нибудь зашевелится любовь къ дѣлу народнаго образованія, то пускай онъ ее выкажетъ на дѣлѣ, а не на словахъ—это будетъ для него лучшею наградою и лучшею благодарностью“.

Съ 1871 года, съ котораго начинается второе трехлѣтіе участія Дашкова въ дѣлахъ Рязанскаго земства и третье въ дѣятельности земскихъ учрежденій, происходитъ перемѣна въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Собраніе это, дававшее до тѣхъ поръ значительное и довольно дружное большинство, поддерживавшее управу,

во главѣ которой стоялъ князь С. В. Волконскій, раздѣлилось на двѣ почти равносильныя партіи, смотрѣвшія на многіе коренныя вопросы совершенно противоположно, такъ что постановленія стали проходить большинствомъ одного, двухъ голосовъ, а иногда и голосомъ предсѣдателя. Послѣдствіемъ такого положенія явилась извѣстная шаткость постановленій, возможность перерѣшеній и даже противорѣчивыхъ постановленій по одному и тому же вопросу и необходимость для гласныхъ, дорожившихъ успѣхомъ земскаго дѣла, внимательно слѣдить за ходомъ дѣла, чтобы не упустить уже достигнутаго. Тѣмъ не менѣе (а можетъ быть и потому именно), по замѣчанію автора обзора дѣятельности Рязанскаго земства за первое девятилѣтіе, князя С. В. Волконскаго, число поставленныхъ и разрѣшенныхъ вопросовъ въ это трехлѣтіе было больше, нежели въ предыдущія.

Это раздѣленіе собранія на двѣ, упорно боровшіяся между собою, партіи, проявилось въ первый разъ уже въ концѣ предшествующаго трехлѣтія на чрезвычайномъ собраніи 1871 года, созванномъ для отвѣта на предложенный правительствомъ вопросъ, признается-ли по мѣстнымъ условіямъ губерніи желательною замѣна взывавшихся съ крестьянъ подушной подати и государственнаго земскаго сбора другими, предположенными для того налогами. Губернская управа, исполняя возложенное на нее собраніемъ порученіе, собрала необходимый для выясненія этого вопроса матеріалъ и вмѣстѣ съ избранной для того собраніемъ комиссіей приготовила обстоятельный докладъ, въ которомъ на основаніи собранныхъ данныхъ приходила къ заключенію, что облегчить тяготы податныхъ сословій невозможно иначе, какъ посредствомъ разложенія сборовъ на имущество всѣхъ плательщиковъ земскихъ налоговъ безъ различія сословій. Необходимость высказаться по такому вопросу, который, казалось, такъ сильно задѣвалъ интересы различныхъ группъ земскихъ плательщиковъ, заставила гласныхъ строже провѣрить свои симпатіи и стремленія. Хотя собраніе въ чрезвычайномъ засѣданіи 1871 г. послѣ продолжительныхъ преній и остановилось на формулѣ отвѣта, признававшего необходимость распространить обязанность платежа податей на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи (трудъ), но когда надо было перейти къ обсужденію составленныхъ управою совмѣстно съ комиссіею проектовъ налоговъ, введеніемъ которыхъ взамѣнъ подушной подати и государственнаго земскаго сбора предполагалось осуществить это, гласные не

собрались, и собраніе оказалось не въ составѣ. Когда собралось слѣдующее, очередное, собраніе 1871 года, обѣ партіи уже образовались и стояли другъ противъ друга, готовые къ борьбѣ. Тѣ, кто считали, что гласному дворянину слѣдуетъ и въ земскомъ собраніи имѣть въ виду главнымъ образомъ интересы лицъ своего сословія, стали именовать партію, къ которой они себя причисляли, дворянской; противная партія, къ которой принадлежала и тогдашняя губернская управа, стала называться въ отличіе отъ нихъ земскою партіей. Не принадлежать къ одной изъ этихъ партій стало скоро совершенно невозможно. Дашковъ, принимавшій дѣятельное участіе въ трудахъ податной комиссіи, само собою разумѣется, былъ отнесенъ къ земской партіи.

Въ тотъ-же 1871 годъ Дмитрій Дмитриевичъ Дашковъ баллотировался и былъ избранъ въ члены губернской земской управы безъ жалованья.

Такимъ образомъ Дмитрій Дмитриевичъ сразу сдѣлался и сторонникомъ партіи, къ чему онъ никогда не имѣлъ ни стремленія, ни наклонности, и отвѣтственнымъ должностнымъ лицомъ губернскаго земства.

Служба въ губернской управѣ вмѣстѣ съ княземъ С. В. Волконскимъ имѣла для Дашкова до нѣкоторой степени ту выгоду, что это давало ему возможность пополнить запасъ правительственнаго опыта въ хозяйственныхъ дѣлахъ, недостатокъ котораго онъ въ себѣ признавалъ. Но это была въ общемъ очень не легкая служба. Нѣтъ надобности говорить, что служба и безъ жалованья, Дашковъ исполнялъ свои обязанности, какъ члена управы, совершенно такъ же, какъ если-бы онъ и получалъ жалованье. Одинаково съ остальными членами губернской управы онъ несъ дежурства, наблюдалъ за заведеніями земства, участвовалъ въ засѣданіяхъ управы. Разница между его службою и службою другихъ членовъ управы заключалась лишь въ томъ, что Дашковъ могъ сдѣлать многое такое, чего другіе сдѣлать не могли.

Само собою разумѣется, что все, что касалось дѣятельности управы по народному образованію, какъ то—завѣдываніе земскою учительскою семинаріей, учительскими курсами и проч. лежало на немъ же и сдѣлалось предметомъ его особенныхъ заботъ. Въ бумагахъ князя

С. В. Волконскаго сохранились нѣкоторыя письма Дашкова и одно И. П. Бибикова, относящіяся къ тому времени и касающіяся приглашенія учителей для учительской семинаріи и учениковъ этой семинаріи. По этимъ письмамъ видно, насколько такіе руководители училищнымъ дѣломъ, какъ Дашковъ и Бибиковъ, входили въ то время во всѣ подробности, касавшіяся учителей. Воспитанники учительской семинаріи и многіе слушатели курсовъ имъ извѣстны лично. Они знаютъ характеръ и успѣхи каждаго, ихъ семейныя обстоятельства, ихъ виды на будущее. Они находятся въ перепискѣ съ учителями, слѣдятъ за ними, пользуясь всѣми способами извлечь изъ каждаго все, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ земству. И Дашковъ слѣдилъ такимъ образомъ за своими знакомцами по всей губерніи. Что касается пріисканія преподавателей для земской учительской семинаріи, то, какъ и можно было ожидать, эта обязанность лежала главнымъ образомъ на Дмитріѣ Дмитріевичѣ.

Учительская семинарія была, конечно, предметомъ особыхъ попеченій новаго члена управы. Онъ являлся въ нее и днемъ, и ночью, во всякое время, присутствовалъ на урокахъ, велъ бесѣды съ преподавателями, разговаривалъ съ воспитанниками, не оставлялъ безъ вниманія ни одной мелочи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не соглашался съ управою и еще болѣе съ собраніемъ, которое было довольно таки скуповато къ нуждамъ заведенія, хотя и любило говорить, что оно дорожить имъ. Но въ общемъ направленія съ предсѣдателемъ управы княземъ Волконскимъ они были согласны. Свои взгляды на задачи учительскихъ семинарій Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ изложилъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ 1872 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *„Какихъ училищныхъ семинарій намъ не нужно“*, въ которой проводится та общая мысль, что задача учительскихъ семинарій должна быть воспитывать людей, а не готовить ризличныхъ учительскихъ и другихъ дѣлъ мастеровъ. Съ этой точки зрѣнія программа нашихъ учительскихъ семинарій (въ томъ числѣ и Рязанской) ему представлялась недостаточной: и онъ ясно представлялъ себѣ, какою должна быть эта программа. Онъ также возстаетъ въ этой брошюрѣ противъ державшагося въ то время взгляда у многихъ Рязанскихъ дѣятелей, что надо стремиться брать учителей непременно изъ крестьянъ, которые будто-бы лучше учителей изъ другихъ сословій могутъ проводить задачи просвѣщенія въ крестьянскомъ населеніи. Мелкое дво-

рянство и дѣти дьячковъ, по его мнѣнію, не худшій матеріалъ. Онъ высказываетъ по этому случаю ту вѣрную мысль, что и учитель изъ крестьянъ, побывавъ въ семинаріи, легко перестаетъ быть крестьяниномъ; но заканчиваетъ это сужденіе все-таки такими словами: „и все-таки подъ конецъ не могу не признаться: особенная симпатія привязываетъ меня къ молодому сельскому учителю изъ крестьянъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣчаться, такая мягкость въ обращеніи съ дѣтьми, такое добродушіе и спокойствіе, и въ то же время такая опредѣленность требованій и ясность цѣли, какихъ не встрѣчалъ я ни у болѣе, ни у менѣ развитыхъ учителей изъ другихъ сословій. Во всей атмосферѣ его школоу чувствуется, что учитель знаетъ своихъ и что свои его знаютъ; въ немъ самою такъ много дѣтскаго, его обращеніе такъ бархатно и женственно нѣжно, что, въ какомъ расположеніи ни войдетъ въ школу, глубокое спокойствіе обхватитъ душу; сидишь и любишь и любишь, замѣтишь промахъ, иногда грубый, а все-таки любишь и любишь. И не могутъ дѣти не отдыхать душой и не крѣпнуть духомъ подъ этимъ вліяніемъ“. Сколько идеализаціи въ этомъ замѣчаніи и въ то же время сколько вѣрнаго! Дмитрій Дмитриевичъ возстаетъ также противъ стремленія дать крестьянскому населенію въ лицѣ учителя руководителя на всякія случаи, требующіе специальныхъ знаній — сельско-хозяйственныхъ и т. п., стремленія, которое въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи впрочемъ никогда сильно не было.

Наклонность углубляться во всѣ подробности дѣла было свойствомъ Дашкова, проявлявшаяся не въ одномъ дѣлѣ народнаго образованія. Онъ вносилъ его всюду. Такъ, еще будучи членомъ ревизіонной коммисіи, онъ имѣлъ терпѣніе провѣрить наличность всего бѣлья въ губернской больницѣ, тогда какъ обыкновенно даже члены управы довольствуются повѣркою его на выдержку. Въ больницу и другія заведенія губернскаго земства онъ являлся и днемъ и ночью, во всякое время, такъ что служащіе никогда не могли быть увѣренными, что членъ управы вдругъ не явится въ любомъ изъ нихъ. Въ архивѣ же Рязанской губернской управы и сейчасъ можно найти книги съ замѣтками въ родѣ такой: Такого-то года и числа пробылъ въ губернской больницѣ съ 7 до 8^{1/2} часовъ по полуночи. Никого изъ врачей за это время въ больницѣ не было. Д. Дашковъ.

Впрочемъ, отдавать свой трудъ всецѣло занятіямъ въ губернской

управѣ Дашкову пришлось не долго. Въ январѣ 1872 года онъ былъ избранъ въ Спасскіе уѣздные предводители дворянства. Теперь ему нужно было дѣлить свое время и трудъ между Рязанью и Спасскомъ, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такое раздвоеніе труда, конечно, не могло не отразиться на работѣ. Въ очередномъ собраніи 1872 былъ выбранъ поэтому пятый членъ управы, такъ что всѣхъ членовъ управы, получавшихъ содержаніе, стало опять четыре, какъ было прежде. Дашковъ однако по просьбѣ предсѣдателя управы остался въ составѣ управы и дослужилъ трехлѣтіе до конца, занимаясь, на сколько могъ.

Дѣятельность Дмитрія Дмитриевича въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта продолжалась все это время по прежнему. Каждый годъ губернское земское собраніе заслушивало подробный отчетъ его о состояніи народныхъ училищъ въ губерніи. Но, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія его и знакомство съ учителями росли, отчеты эти приобретали все большее значеніе. Ихъ ждали, къ нимъ прислушивались. Изъ докладчика о состояніи школьнаго дѣла и ходатая за него передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ Дашковъ постепенно обращался въ учителя уѣздовъ и руководителя земства въ этомъ дѣлѣ. Отчеты, доложенные собранію въ 1872 и 1873 году носятъ уже вполне этотъ характеръ.

Въ 1874 году случилось совершенно особенное происшествіе. Дашковъ вдругъ отказался отъ должности члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства; поэтому докладъ за этотъ годъ составленъ другимъ лицомъ. Причина, вызвавшая такой отказъ, заключалась въ постановленіи совѣта, которымъ совѣтъ обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа за разъясненіемъ вопроса, въ правѣ ли его члены посѣщать народныя училища губерніи. Такъ какъ другіе члены совѣта, въ случаѣ если-бы ихъ вѣдомство потребовало посѣщенія какихъ либо школь, обязаны-бы были исполнить это требованіе независимо отъ того, какого-бы мнѣнія ни былъ о томъ совѣтъ, то Дашковъ нашель, что возбужденный вопросъ касался собственно членовъ училищнаго совѣта отъ земства, остался въ совѣтѣ при особомъ мнѣніи по состоявшемуся постановленію, и, находя, что положеніе, при которомъ члены училищнаго совѣта были-бы осуждены на чисто формальное отношеніе къ дѣлу и ограничены въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ восходящихъ до совѣта бумагъ, не соотвѣтствуетъ намѣ-

ніямъ земскаго собранія, предпочель отказаться отъ этого званія вовсе.

Собраніе, выслушавъ докладъ объ этомъ отказѣ, постановило: вмѣнить въ обязанность будущимъ членамъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства осматривать начальныя школы и о результатахъ осмотра представлять докладъ собранію. Когда послѣ этого постановленія произведены были выборы новаго члена совѣта на мѣсто бывшаго Дашкова, то выбраннымъ оказался опять Дашковъ, на этотъ разъ принявшій избраніе. Черезъ нѣсколько времени послѣдовало и министерское разъясненіе, признавшее за всѣми членами училищнаго совѣта это право. Такимъ образомъ для Рязанскаго земства происшествіе это имѣло лишь то послѣдствіе, что въ 1874 году собраніе осталось безъ Дашковскаго отчета ¹⁾.

Въ 1874 году окончилась служба Дашкова въ качествѣ члена Рязанской губернской управы. Уходя, онъ баллотировался и былъ избранъ въ попечители больницы и другихъ заведеній общественнаго призрѣнія губернскаго земства, сохраняя такимъ образомъ связь съ ними, которая не осталась только на страницахъ журнала земскаго собранія. Въ качествѣ гласнаго губернскаго собранія его вліяніе не только не убавилось, но даже еще возросло противъ прежняго. Въ партіи, къ которой принадлежалъ Дашковъ, онъ былъ безспорно одною изъ самыхъ крупныхъ силъ, хотя принадлежать къ какой либо партіи было ему совсѣмъ не по натурѣ, и онъ всегда любилъ и умѣлъ держать себя самостоятельно. За три года, въ продолженіи которыхъ онъ состоялъ членомъ управы, точно также, какъ и за оба послѣдующіе года, его имя встрѣчается въ спискахъ членовъ всѣхъ почти комиссій, которыя избирались собраніемъ, и на всѣхъ почти страницахъ журнала. Въ числѣ внесенныхъ имъ предложеній, оставившихъ

¹⁾ Чтобы объяснить, какъ все это произошло, надо рассказать слѣдующее. Въ одинъ изъ первыхъ годовъ службы Дашкова членомъ губернскаго училищнаго совѣта, объѣзжая школы, онъ заѣхалъ въ двухклассное министерское училище, нашелъ тамъ безпорядокъ и сообщилъ объ этомъ инспектору народныхъ училищъ Трескину. Послѣдній довелъ объ этомъ до свѣдѣнія своего начальства, сославшись на Дашкова. Въ этомъ было усмотрѣно посягательство члена училищнаго совѣта отъ земства на вмѣшательство не въ свое дѣло. Вопросъ разрѣшился тѣмъ, что право за членами училищнаго совѣта посѣщать школы было признано, но министерскія училища признаны состоящими въ вѣдѣніи непосредственно дирекціи народныхъ училищъ.

прочный слѣдъ въ жизни и хозяйствѣ Рязанскаго земства, слѣдуетъ указать на устройство эмеритальной кассы для служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, съ которою онъ много возился. Слѣдуетъ также упомянуть о предложенномъ имъ проектѣ мѣръ къ лѣсохраненію, который долго обсуждался въ собраніи уже послѣ оставленія Дашковымъ Рязанской губерніи, и хотя не былъ принятъ, но въ значительной степени осуществился въ законѣ о лѣсохраненіи. Онъ также много потрудился надъ выработкою первыхъ правилъ о мѣрахъ предосторожности отъ огня въ селеніяхъ, былъ изъ числа горячихъ сторонниковъ мелкой земской единицы, и былъ первымъ дебаторомъ собранія.

Характеризуя его дѣятельность, какъ гласнаго, невозможно отдѣлить отъ его личности въ особенности этого послѣдняго свойства. Уже раньше было сказано о его умѣньи вести пренія и о его замѣчательной находчивости и остроуміи. Къ тому надо прибавить, что онъ не пользовался этими средствами для дешеваго торжества надъ противникомъ, а всегда въ интересахъ дѣла. Его остроты не оскорбляли, а имѣли либо характеръ шутки, либо призыва образумиться: посмотри, дескать, самъ, что ты говоришь! Приведу для примѣра два случая, которые происходили при мнѣ. Гласный А, оспаривая чье то мнѣніе, прочелъ ошибочно статью не изъ того закона, на который сослался. Желая его поправить, Дашковъ разыскиваетъ и прочитываетъ настоящую статью, въ которой говорится совсѣмъ не то. „Да у васъ какое изданіе“? спрашиваетъ А ¹⁾. Дашковъ смотритъ на первую страницу своей книжки и отвѣчаетъ: „кажется... да! Анисимовское!“ „Ну, вотъ видите, у васъ этого нѣтъ. А у меня послѣднее изданіе Мышь. Оно вѣрное. „Здѣсь написано—быть по сему“! Дмитрій Дмитріевичъ преспокойно смотритъ въ свою книжку и отвѣчаетъ: „Вообразите, и у меня—быть по сему“!—А впоследствии любилъ вспоминать это случившееся съ нимъ приключеніе. Другой случай нѣсколько другого характера. Въ 1875 году двое гласныхъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи Егорьевскаго уѣзднаго земскаго собранія обратились въ губернское собраніе съ жалобой на дѣйствія предсѣдателя Егорьевской земской управы, вліятельнаго въ

¹⁾ Для поясненія этого вопроса слѣдуетъ замѣтить, что при внесеніи земскаго положенія въ сводъ законовъ нумерація статей была измѣнена, такъ что въ различныхъ изданіяхъ дѣйствительно могли быть разные номера для той-же статьи.

въ то время гласнаго губернскаго земскаго собранія, К. М. Афанасьева, не допустившаго ихъ до ревизіи земскихъ суммъ, которыхъ онъ былъ въ то же время и казначеемъ. Когда же они хотѣли доложить о злоупотребленіяхъ въ Егорьевской управѣ уѣздному земскому собранію, то Афанасьевъ, бывшій въ то время, въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства, и предсѣдателемъ этого собранія, закрылъ собраніе, не давъ ему такимъ образомъ возможности обсудить сдѣланное заявленіе. Губернское собраніе, усмотрѣвъ въ этомъ заявленіи Егорьевскихъ гласныхъ жалобу на дѣйствія предсѣдателя земскаго собранія, признало его не подлежащимъ своему разсмотрѣнію. Въ то же собраніе разсматривался вопросъ о растратѣ земскихъ суммъ бывшею Пронскою управою, предсѣдатель которой, то же одновременно съ тѣмъ, исполнялъ и должности казначея управы и, въ качествѣ предводителя дворянства, предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія, не допускалъ до ревизіи земскихъ суммъ членовъ губернской управы, вслѣдствіе чего губернское земское собраніе и постановило о привлеченіи Пронской управы къ судебной отвѣтственности. Гласный Офросимовъ, сопоставивъ оба эти случая, внесъ предложеніе ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы должности предсѣдателя управы, казначея управы и предсѣдателя земскаго собранія, были признаны несовмѣстимыми въ одномъ и томъ же лицѣ. Предложеніе это, сдѣланное въ выраженіяхъ, очень не двухмысленныхъ по отношенію къ Егорьевскому предсѣдателю, вызвало въ собраніи цѣлую бурю. Афанасьевъ защищался горячо. Многіе гласные негодовали на дерзость Офросимова, дозволившаго себѣ такое сопоставленіе, и выразили предсѣдателю желаніе, чтобы оно было взято имъ обратно, такъ что предсѣдатель счелъ нужнымъ извиниться передъ собраніемъ, что допустилъ прочтеніе этого предложенія, не ознакомившись съ нимъ заранее. Гласный Г. выпрямившись во весь свой огромный ростъ, ударялъ рукою по столу, объясняя возбужденнымъ голосомъ, что онъ не просить, а требуетъ, чтобы предложеніе Офросимова было взято обратно, такъ какъ оно оскорбительно для собранія. Онъ оскорбленъ имъ! — „лично“? спокойно спрашиваетъ Дашковъ, „потому что собраніе не уполномочивало Г. оскорбляться за него“. И огромная фигура Г. медленно опускается на свое мѣсто, а пренія продолжаются уже въ болѣе спокойномъ тонѣ.

Скоро пришлось однако и губернской управѣ времени князя С. В. Волконскаго и Дашкову, тѣсно связанному съ ней по своей земской

дѣятельности, испытать тяжелыя минуты въ земскомъ собраніи. Направленіе собранія начало все болѣе мѣняться. Приближалась пора перемѣны и въ дѣятельности земства.

Выборы 1874 года дали незначительное большинство въ пользу партіи губернской управы, но такъ какъ не всѣ гласные обыкновенно присутствуютъ въ засѣданіяхъ собранія, и такъ какъ сторонники противоположной „дворянской“ партіи, связанные общностью противника, дѣйствовали обыкновенно дружнѣе и согласнѣе между собою, то перевѣсъ голосовъ въ собраніи могъ часто склоняться на ихъ сторону. Лично управа, и въ особенности предсѣдатель, продолжали еще пользоваться большимъ довѣріемъ и по этому всякій разъ, когда дѣло доходило до баллотировокъ въ ящикъ, т. е. по вопросамъ личнымъ, на ея сторонѣ оказывалось значительное большинство, но въ вопросахъ общественнаго значенія управѣ и ея единомышленникамъ становилось все труднѣе отстаивать свои начинанія. Къ этому присоединялась еще перемѣна въ настроенія правящихъ сферъ въ Петербургѣ, становившемся все менѣе благопріятнымъ для широкаго проявленія земской самостоятельности, перемѣна, которая не могла остаться безъ вліянія и на мѣстную жизнь губерній.

Столкновеніе произошло по поводу близкаго Дмитрію Дмитріевичу учрежденія, земской учительской семинаріи, столь хорошо ему извѣстной и дорогой, въ 1875 году и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Надо объяснить, что земская учительская семинарія того времени дѣйствовала по уставу, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія еще въ 1869 году, и, будучи чуть ли не первымъ по времени основанія заведеніемъ этого рода въ Россіи, пользовалась правами, отличными отъ тѣхъ, которыя были предоставляемы земству при открытіи подобныхъ заведеній впоследствии. Уставъ заведенія настолько же отличался отъ устава правительственныхъ семинарій, которому оно подчинено съ 1878 года, насколько привила о народныхъ училищахъ, изданныя въ министерство Головина, отличались отъ правилъ, утвержденныхъ въ министерство графа Толстого. Земству предоставлялось по этому уставу не только завѣдываніе хозяйственною, но и учебно-воспитательною частью училища, конечно подъ надзоромъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Приглашеніе и увольненіе учителей зависѣло отъ губернской управы. Такое положеніе, само собою разумѣется, не могло долго оставаться въ силѣ при тѣхъ взглядахъ,

которые стали господствовать въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при графѣ Толстомъ, и рано или поздно учительская семинарія должна была быть подчинена общему порядку, установленному министерствомъ для всѣхъ вообще заведеній подобнаго рода. Можетъ быть, это случилось бы гораздо раньше и земству было бы сразу предложено или принять правительственный уставъ, или закрыть семинарію, какъ это потомъ и было сдѣлано въ 1877 году, если-бы самъ министръ не принадлежалъ къ числу дворянъ Рязанской губерніи, не имѣлъ знакомствъ среди другихъ дворянъ этой губерніи, и не имѣлъ можетъ быть, повода ожидать, что земское собраніе само пойдетъ навстрѣчу желаніямъ министерства и передастъ содержимое имъ заведеніе, въ учебно-воспитательномъ по крайней мѣрѣ отношеніи, въ завѣдываніе правительства вмѣстѣ съ средствами на его содержаніе. Такое ожиданіе было при тогдашнемъ дѣленіи партій въ собраніи вполнѣ естественно. Какъ бы то ни было, только въ отношеніи Рязанской семинаріи министерство графа Толстого долго медлило, прежде чѣмъ предъявить земству рѣшительное требованіе ввести правительственный уставъ или закрыть заведеніе. Первый намекъ объ этомъ со стороны министерства былъ сдѣланъ уже давно, съ самого того времени, когда, вслѣдствіе изданія устава о воинской повинности, зашелъ вопросъ о льготахъ, на которыя имѣли право воспитанники земской учительской семинаріи по отбыванію воинской повинности. Графъ Толстой выхлопоталъ тогда для учениковъ, окончившихъ курсъ училища, тѣ-же льготы, какими пользовались воспитанники правительственныхъ семинарій, но въ то же время губернской управѣ дано было знать, что ежели земство желаетъ, чтобы воспитанники его заведенія пользовались такими же правами въ будущемъ, то оно должно подчинить учебно-воспитательную часть уставу правительственныхъ семинарій, т. е. отказаться отъ той доли самостоятельности (приглашенія учителей и проч.), которая была предоставлена земству уставомъ 1869 года. Управа, а за нею и собраніе не поняли намека. Отказаться отъ тѣхъ правъ, которыми земство пользовалось по прежнему уставу, было не легко. Времена могли перемѣниться, съ ними и взглядъ правительствующихъ лицъ. Ученики земской семинаріи получали права на льготу по отбыванію воинской повинности, подвергаясь испытанію при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а семинарія велась по прежнему уставу въ то время, какъ новый, составленіе котораго

и представленія на его утверждение министерство потребовало, выработывался. Всѣ посѣщавшіе заведеніе ревизоры, какъ земскіе, такъ и начальствующія лица различныхъ вѣдомствъ, оставались довольны ея порядкомъ, какъ съ хозяйственной, такъ и съ учебно-воспитательной стороны.

Такъ продолжалось до 1875 года. Осенью этого года одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ губерніи, Епинатьевъ, сообщилъ председателю губернской управы, что въ заведеніи, о которомъ до того времени получались одни хорошіе отзывы, учебная часть хотя и хороша, но воспитательная хромаетъ. Въ доказательство г. инспекторъ сослался на то, какъ онъ самъ однажды видѣлъ 3-хъ учениковъ семинаріи входящими въ трактиръ; что крестьяне Троицкой слободы, гдѣ находится земская семинарія, жаловались на учениковъ ея старшинѣ, будто тѣ не даютъ имъ покоя. Недостатки воспитанія отразились и на учителяхъ, вышедшихъ изъ семинаріи: одинъ изъ нихъ будто-бы былъ удаленъ отъ должности за неприличное поведеніе въ присутствіи губернатора, другой довелъ неуваженіе къ церкви до того, что кормил собаку просфорой, третій рассказывалъ члену уѣзднаго училищнаго совѣта, что въ семинаріи имъ давали читать сочиненія Фейербаха и Молашота. Выводъ инспектора былъ тотъ, что необходимо пригласить для завѣдыванія заведеніемъ особое лице. На вопросъ же председателя управы: „изъ семинаріи“? инспекторъ отвѣчалъ: „нѣтъ, священника“. Все это было сообщено председателю управы въ устной бесѣдѣ; когда же онъ попросилъ сообщить объ этомъ письменно, то такого сообщенія не послѣдовало. Сообщенные факты были провѣрены княземъ С. В. Волконскимъ частнымъ образомъ, но не подтвердились.

Въ декабрѣ того же 1875 года Рязанское губернское земское собраніе слушало докладъ своей ревизіонной комиссіи, пришедшей къ такому же заключенію, какъ и инспекторъ. И она тоже находила, что воспитательная часть заведенія неудовлетворительна, но основанія ея заключенія были изложены гораздо рѣзче и рѣшительнѣе.

И она видѣла недостатокъ въ излишнемъ пользованіи свободой учениками, злоупотреблявшими ею, посѣщая кабаки и т. п. заведенія, пользуясь отпускомъ во всякое время подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія съ родителями. Обязательнаго посѣщенія церкви въ праздничные дни воспитанниками нѣтъ, а ходятъ они къ обѣднѣ, куда кто

хочетъ, при чемъ остается неизвѣстнымъ, гдѣ кто изъ нихъ былъ. Между тѣмъ, по слухамъ религіозныя убѣжденія воспитанниковъ таковы, какихъ нежелательно видѣть въ будущихъ сельскихъ учителяхъ. Посты соблюдаются въ училищѣ лишь внѣшнимъ образомъ, безъ сознанія святости постовъ. Неразвитость нравственныхъ началъ замѣчается въ воспитанникахъ и въ стѣнахъ заведенія: первыя правила вѣжливости для нихъ видимо незнакомы, а если и соблюдаютъ ихъ, то какъ то нехотя, при разговорѣ съ посѣтителями училища, внѣ класса, отвѣты на предложенные вопросы грубы и манерны, какъ то предвзято—безцеремонны. Все это яснѣй и рельефнѣй выражается при полученіи воспитанниками учительскихъ мѣстъ, когда, полагая себя уже чѣмъ-то особеннымъ, они съ особеннымъ нахальствомъ и невозможными ужимками относятся къ своимъ прямымъ начальникамъ. Самая наружность воспитанниковъ представляетъ нѣчто особенное, нѣчто аномальное, что не замѣчается ни въ одномъ другомъ заведеніи. Очевидно, что на внѣшнее ихъ содержаніе не обращено ни малѣйшаго вниманія. Носятъ они, напр., волосы такой длины (воспитанниковъ стригли по крестьянски въ кружокъ) и въ такомъ безпорядкѣ, что они придаютъ имъ невзрачный и нечистоплотный видъ, и мѣшаютъ даже при занятіяхъ, закрывая лицо и книги, и т. д.

„Изъ всего сказаннаго“, заключала комиссія, „явствуетъ, что образованіе въ Александровскомъ земскомъ училищѣ совершенно сгладило въ воспитанникахъ присущій русскому крестьянину отпечатокъ врожденной религіозности и непритворной вѣжливости, а потому создало изъ воспитанниковъ Александровскаго училища что то недодѣланное, не обѣщающее желаемыхъ результатовъ, т. е. достойныхъ распространителей народнаго образованія на прочныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ“. Недовольна осталась комиссія и хозяйственной частью въ заведеніи. Она стоитъ, по выраженію доклада, на одной степени съ дѣломъ воспитанія и настоящаго хозяина въ училищѣ нѣтъ. Изъ за каждой пустой вещи, необходимой для училища, завѣдующій училищемъ долженъ обращаться въ губернскую управу и хлопотать иногда продолжительно, чтобы вещь эта была приобрѣтена. Внутренность училища весьма неопрятна. Полы и стѣны грязны, штукатурка на стѣнахъ и потолкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась, у классныхъ досокъ висятъ весьма грязныя тряпки для стиранія написаннаго; на лѣстницахъ и въ корридорахъ постланы половики, оборванные и неопрятные, классные столы покрыты слоємъ пыли, въ библиотечной

комнатъ валялись оборванные книги и изломанные инструменты, въ мастерскихъ все было разбросано въ безпорядкѣ, и вещи и инструменты, и все было покрыто желтымъ слоемъ пыли. Инвентаря училищнаго имущества въ училищѣ нѣтъ. Температура въ различныхъ комнатахъ крайне неравномерна и т. д. Выводъ отсюда тотъ, что относительно мелочная отрасль хозяйства Александровскаго училища по своей незначительности не можетъ лежать на губернской земской управѣ, на которую возложены крупные хозяйственные интересы всей губернии, и что ей, при всемъ желаніи, немислимо услѣдить за всеми нуждами заведенія.

Въ устраненіе такихъ недостатковъ ревизіонная коммиссія предлагала: въ воспитательномъ отношеніи пригласить особаго воспитателя, уже опытнаго, прослужившаго извѣстное время на таковой должности по министерству народнаго просвѣщенія или по военно-учебнымъ заведеніямъ, привыкшаго къ строгому порядку казенныхъ заведеній, порядокъ которыхъ, по ея мнѣнію, всегда можетъ служить хорошимъ примѣромъ; въ хозяйственномъ: поручить завѣдываніе этой частью какому нибудь одному отвѣтственному члену губернской управы. Указать подходящее для должности такого воспитателя лицо коммиссія предлагала также попросить вѣдомство народнаго просвѣщенія или военно-учебное. Кроме того, она предлагала избрать особую коммиссію для выработки правилъ дисциплины и порядка въ училищѣ, вмѣнивъ ей въ обязанность руководствоваться правилами существующими въ германскихъ семинаріяхъ, причемъ коммиссія указывала и гдѣ взять свѣдѣнія объ этихъ семинаріяхъ, именно: въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за октябрь мѣсяцъ того же (1875 г.). Для руководства предполагаемому воспитателю коммиссія выработала и проектъ инструкціи, отвѣчавшей тому взгляду, который приводился въ докладѣ. По этой инструкціи воспитатель долженъ былъ одинаково слѣдить за развитіемъ въ нихъ религіозно-нравственнаго чувства и „стараться удалять отъ всякой мысли, недостойной святаго назначенія, къ которому они стремятся“, и за внѣшнюю опрятность, вѣжливымъ обращеніемъ, правильною стрижкою волосъ и хожденіемъ въ баню; вводилось попарное хожденіе въ церковь въ праздничные дни подъ призоромъ наблюдателя и возвращеніе въ томъ же порядкѣ и т. д.

Не трудно понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ докладъ на лицъ, отъ которыхъ зависѣло заведеніе, которые

участвовали въ установленіи его порядковъ, дорожили имъ и видѣли въ немъ одно изъ главныхъ средствъ, открытыхъ земству для содѣйствія народному образованію. Теперь имъ говорили, что всѣ ихъ старанія чуть-ли не повели еще къ худому.

Если-бы вопросъ заключался только въ невѣрно переданныхъ фактахъ, было-бы еще съ пола-горя. Трудно было и ожидать вѣрной оцѣнки фактовъ отъ лицъ, незнакомыхъ съ заведеніемъ, при томъ порядкѣ, котораго сочла нужнымъ держаться ревизіонная коммиссія, хранившая свои занятія по ревизіи заведенія втайнѣ и не обращающаяся за разъясненіемъ возникшихъ въ ея членахъ сомнѣній ни къ управѣ, ни къ учителямъ семинаріи. Ошибки при такомъ порядкѣ были совершенно неизбежны.

Большой бѣды не было-бы даже и отъ невѣрнаго освѣщенія фактовъ. Члены коммиссіи, производившіе ревизію семинаріи, педагогами не были ни по своему образованію, ни по позднѣйшимъ занятіямъ, и даже едва-ли когда нибудь до того времени интересовались вопросами воспитанія. Смѣшеніе понятій о внѣшней опрятности съ нравственностью, о дисциплинѣ съ религіознымъ чувствомъ и т. п. которымъ изобиловалъ докладъ, лучше всего показывало, насколько непривычно имъ было разбираться въ подобныяхъ вопросахъ. Что-же касается степени безпристрастія лицъ, производившихъ ревизію семинаріи, то по ней достаточно свидѣтельствовали такіе выводы, какъ заключеніе объ отсутствіи религіознаго чувства у воспитанниковъ на томъ основаніи, что посты ими хотя и соблюдаются, но совершенно машинально, безсознательно ¹⁾, или замѣчаніе о крайней неравномѣрности температуры въ различныхъ комнатахъ училища, что ставилось въ вину управѣ, безъ объясненія, въ какихъ именно комнатахъ была найдена низкая температура — въ цейхгаузѣ, умывальной, клозетѣ и комнатахъ для совѣщанія учителей, и т. п. Впрочемъ, внося свой докладъ, члены ревизіонной коммиссіи, пробывшіе въ заведеніи отъ 5 до 5¹/₂ часовъ въ

¹⁾ Случай, на основаніи котораго было выведено это заключеніе по объясненію присутствовавшего при разборѣ съ предсѣдателемъ коммиссіи учителя семинаріи былъ такой: воспитанника спросили, почему они ѣдятъ постное (былъ постный день). Воспитанникъ отвѣтилъ: потому, что намъ даютъ постное. Это послужило поводомъ къ выводу о непризнаніи воспитанниками святыхъ постовъ.

совокупности ¹⁾, оговаривались, что ревизія учительской семинаріи была собственно поручена предсѣдателю комиссіи Рюмину и произведена имъ, изъ членовъ же двое совѣтъ въ ней не участвовали, а третій, Лукинскій, заявилъ, что хотя онъ и былъ въ заведеніи вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи и убѣдился въ вѣрности нѣкоторыхъ обвиненій—онъ не сказалъ, какихъ именно—но за весь докладъ не ручается.

Но противъ заведенія выставлялось обвиненіе въ приготовленіи учителей, лишенныхъ религіознаго чувства и неспособныхъ распространять образованіе на религіозно-нравственныхъ началахъ, а въ выработанныхъ предложеніяхъ послѣдовательно проводилась мысль о необходимости устранить это явленіе; т. е. обвиненіе было такого рода, что уже одна возможность появленія котораго создавала затрудненія для введенія самого дѣла. Чѣмъ менѣе было поводовъ для возникновенія такого обвиненія, тѣмъ болѣе слѣдовало опасаться, что оно всетаки появилось. Нельзя было также не понять, что выработка всѣхъ внесенныхъ въ собраніе предложеній не могла быть послѣдствіемъ только пяти часового посѣщенія земской семинаріи членами ревизіонной комиссіи, даже если-бы они и всѣ въ томъ случаѣ дѣйствовали за одно съ предсѣдателемъ комиссіи. Не надо было обладать особенной проницательностью, чтобы понять дѣло. Наконецъ, каковы-бы ни были педагогическія воззрѣнія Рюмина, все таки же онъ былъ въ качествѣ губернскаго предводителя избранникомъ того самого дворянства, которое призывалось съ высоты престола стать на стражу народной школы. Если-бы собраніе оставило безъ вниманія его заявленія, учебное вѣдомство не могло-бы этого сдѣлать.

Никто лучше Дашкова не былъ въ состояніи оцѣнить серьезность положенія. Онъ былъ слишкомъ близко знакомъ съ заведеніемъ, чтобы не видѣть настоящаго значенія тѣхъ фактовъ, на которыхъ остано-

¹⁾ Именно: во время ревизіи заведеніе посѣтили и пробыли въ немъ: предсѣдатель комиссіи Рюминъ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ Епипатъевымъ 20 октября отъ 10^{1/2} до начала 2-го часа—2^{1/2} часа; онъ-же Рюминъ вмѣстѣ съ членомъ комиссіи Лукинскимъ 27 ноября и пробылъ на одномъ урокѣ 1 часъ; членъ комиссіи Базинъ и другой инспекторъ Бужинскій 28 ноября отъ 2 до 3 часовъ по полудни—1 часъ, Ж. Р. Г. З. С. XI оч. жур. стр. 131—132.

вилось невниманіе комиссіи. Заведеніе не было такимъ, какимъ его представляла себѣ комиссія. Правда, воспитанниковъ семинаріи не стригли подъ гребенку, какъ принято въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а стригли въ кружокъ, на подобіе того, какъ носятъ волосы крестьяне, одѣвали въ костюмъ, напоминавшій собой родъ блузъ, водили въ смазныхъ сапогахъ безъ калошъ, что не могло конечно содѣйствовать особой чистотѣ половинокъ, кормили изъ общей чаши и т. д. Все это дѣлалось вслѣдствіе господствовавшаго среди первыхъ дѣятелей Рязанскаго земства взгляда, что слѣдуетъ держать учениковъ семинаріи въ обстановкѣ, возможно близкой къ той, среди которой, предполагалось, имъ придется жить и дѣйствовать въ будущемъ, и не отрывать ихъ отъ той крестьянской среды, изъ которой они въ большинствѣ случаевъ вышли и въ которую должны были вернуться. Все это могло не понравиться лицамъ, привыкшимъ къ чистотѣ и единообразію казенныхъ заведеній. Самъ Дашковъ оспаривалъ правильность и практичность такого взгляда. Но собраніе его раздѣляло и утѣшалось тѣмъ, что содержаніе учениковъ обходилось въ содержимой земствомъ семинаріи дешевле, нежели во всѣхъ другихъ заведеніяхъ этого рода. Той подтянутости, вскакиванія передъ посѣтителями, хожденія воспитанниковъ по звонку и попарно, какъ въ церковь въ праздничные дни, такъ и вообще въ заведеніи, на прогулкахъ и проч., которыя ожидаетъ встрѣтить въ закрытомъ заведеніи глазъ, привыкшій къ порядкамъ казенныхъ пансіоновъ, особенно военно-учебныхъ заведеній, въ семинаріи тоже не было, что тоже могло не нравиться какъ чиновникамъ министерства такъ и лицамъ, составившимъ себѣ понятіе о требованіяхъ, которымъ должны отвѣчать такія заведенія на образцахъ казенныхъ заведеній, — но вѣжливость всегда была и требовалась отъ воспитанниковъ. Вообще же держаніе учениковъ было нѣсколько вольнѣе въ семинаріи. Устраивая свое заведеніе, земство, собственно говоря, вовсе и не имѣло въ виду открывать что нибудь вродѣ учебнаго пансіона. Содержимое имъ заведеніе было закрытымъ лишь по имени, вслѣдствіе необходимости гдѣ нибудь жить воспитанникамъ. Поступали туда парни не моложе 18 лѣтъ, т. е. такіе, которые въ крестьянскомъ быту обыкновенно живутъ самостоятелно. Ихъ свободно отпускали изъ стѣнъ заведенія въ опредѣленные часы (отъ 3 до 6) съ разрѣшенія дежурнаго учителя для свиданія съ родителями и даже безъ того, при чемъ, конечно, они могли

иногда попадать и въ трактиры. Даже наказаній въ заведеніи не было, кромѣ одного исключенія, которое за то примѣнялось гораздо чаще, нежели въ какомъ бы то ни было казенномъ заведеніи. Если не было въ заведеніи особаго воспитателя, то обязанность эта была возложена на старшаго учителя, которую однако раздѣляли съ нимъ и всѣ учителя семинаріи, по очередно дежурившіе при воспитанникахъ. Ничего дурного въ такомъ веденіи дѣла лица, завѣдовавшія земскою семинаріею, не видѣли. Такъ смотрѣлъ на это дѣло чисто съ практической точки зрѣнія первый председатель губернской земской управы, князь Волковскій, и такъ, можно было думать, посмотритъ на него и собраніе, когда ему вполне объяснятъ, въ чемъ дѣло. Дашковъ знаетъ и старшаго учителя земской семинаріи, Морозова, о прямомъ довѣрчивомъ отношеніи къ которому и до сихъ поръ сохранились у всѣхъ воспитанниковъ того времени самыя лучшія воспоминанія, и, зная его, понималъ, чего можно было ожидать отъ училища и чего нѣтъ, и по существу за него не боялся. Но Дашковъ зналъ также и министерство народнаго просвѣщенія, зналъ ту настойчивость, съ которою тогдашній министръ проводилъ свои взгляды, имѣлъ понятія и о требованіяхъ министерства, и потому былъ въ состояніи судить о томъ, какъ министерство могло отнестись къ подобнымъ обвиненіямъ. Дорожа выше всего судьбою народной школы, онъ давно въ своихъ отчетахъ и рѣчахъ старался примирить земство съ тѣми условіями, среди которыхъ ему предстояло дѣйствовать въ своихъ попеченіяхъ о народныхъ школахъ. Народное образованіе, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, слишкомъ серьезное дѣло, чтобы правительство могло видѣть его въ чьихъ либо другихъ рукахъ, кромѣ своихъ, и старался убѣдить земскихъ дѣятелей въ необходимости работать, сколько хватить силъ и при завѣдываніи училищами дирекціи народныхъ училищъ. Когда были учреждены инспекторы народныхъ училищъ, онъ привѣтствовалъ это учрежденіе, указывая земству на ту пользу, какую оно могло извлечь изъ дѣятельности инспекторовъ на пользу населенія. Съ инспекторами онъ всеми силами старался быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, считая это необходимымъ условіемъ успѣха, и это ему удавалось. Съ первымъ инспекторомъ, Трескинымъ, у него установились самыя дружескія отношенія. Онъ былъ хорошъ и съ Епинатьевымъ, въ которомъ цѣнилъ умнаго и опытнаго педагога. Нѣтъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы все возможное для того, чтобы

уладить и вопрос о земской учительской семинаріи, примиривъ требованія министерства съ желаніями и интересами земства. Но въ докладѣ ревизіонной комиссіи 1875 года вопросъ ставился въ такомъ видѣ, съ такимъ искаженіемъ истины, что на почвѣ его не могло быть никакого соглашенія. Предлагалось не только подчиниться требованіямъ крайне сомнительнаго достоинства въ педагогическомъ отношеніи, но и признать свою неспособность вести дѣло и повиниться въ грѣхахъ и ошибкахъ, какихъ на самомъ дѣлѣ сдѣлано не было, т. е. сдѣлать явную несправедливость въ отношеніи къ цѣлому ряду лицъ, отдавшихъ земству свой трудъ, свою дѣятельность. Если собраніе не желало закрывать себѣ возможность вести свое заведеніе на дѣлѣ, для него не оставалось другого исхода, какъ отвергнуть весь докладъ, признавъ содержащіеся въ немъ свѣдѣнія невѣрными.

Комиссія давала возможность Дмитрію Дмитріевичу Дашкову обтаться въ сторонѣ во всемъ этомъ дѣлѣ. Она утверждала, что заведеніе испортилось за послѣдній годъ, т. е. въ такое время, когда Дашкова уже не было въ составѣ Губернской Управы, въ прежнее время по его словамъ, воспитательная часть была хороша. Дашковъ не принялъ „этого комплимента“, какъ онъ выразился, но объяснилъ, что онъ былъ въ заведеніи, видѣлъ его порядки, убѣдился, что они тѣ же, какіе были и при немъ, а потому на немъ лежитъ такая же отвѣтственность за нихъ, какъ и на Управѣ.

Пренія, возникшія по поводу этого доклада, были одни изъ самыхъ бурныхъ, какія приходилось когда либо переживать Рязанскому Губернскому Земскому Собранію.

Предсѣдатель Управы Князь Волконскій и Дашковъ потребовали отъ ревизіонной комиссіи указать тѣ факты, на основаніи которыхъ ею было выведено заключеніе объ отсутствіи у воспитанниковъ земской семинаріи религіознаго и нравственнаго чувства, такъ какъ то, что они слышали въ докладѣ, по ихъ мнѣнію не давало еще права для такого вывода.

Рюминъ обѣщался представить факты черезъ два дня.

Тогда стали собирать факты. Съ этою цѣлью предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи — онъ же губернский предводитель дворянства, — въ присутствіи двухъ членовъ комиссіи были спрошены волостной старшина Троицкой волости, сельскій староста Троицкой слободы, становой при-

ставъ, тутъ же присутствовавшій, и священникъ церкви Никола Высокаго въ Троицкой слободѣ, въ приходѣ которой находилось училище, о. Алякровъ, духовникъ многихъ воспитанниковъ. Эти лица подтвердили, что воспитанники заведенія, находясь внѣ стѣнъ онаго, ведутъ себя часто безчинно, посѣщаютъ трактиры и кабаки, производятъ шумъ и проч., причемъ указали и нѣкоторые факты въ подтвержденіе того. Такъ, напр. два ученика семинаріи были будто бы однажды задержаны за буйство и провели ночь подъ арестомъ — это подтвердиль становой приставъ; за дурное поведеніе воспитанниковъ перестали пускать въ архіерейскій садъ, гдѣ прежде имъ позволялось гулять и т. и. Священникъ же Алякровъ удостовѣрилъ и неприличное поведеніе учениковъ въ церкви, между прочимъ во время говѣнья, о чемъ однако какъ и вообще о предосудительномъ поведеніи учениковъ семинаріи онъ не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія ни управы, ни начальства заведенія, хотя въ качествѣ преподавателя закона Божія въ состоящей при семинаріи начальной школѣ онъ постоянно съ ними видѣлся.

Кромѣ этихъ объясненій собранію были также доложены письма двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, Епинатьева и Бужинскаго, написанныя ими къ предводителю дворянства въ отвѣтъ на его приглашеніе, что имъ извѣстно объ Александровскомъ земскомъ училищѣ.

Въ обстоятельномъ подробномъ письмѣ инспекторъ Епинатьевъ объяснялъ, что учебная часть въ заведеніи поставлена очень хорошо, но воспитательная неудовлетворительна, да и не можетъ быть иного при отсутствіи особаго лица, на котораго бы она была возложена. Дисциплина училища недостаточна. Онъ подтвердиль свое заявленіе предсѣдателю управы, что видѣлъ однажды вмѣстѣ съ инспекторомъ Бужинскимъ нѣсколько учениковъ этого училища, выходящими изъ трактира. Что касается учителей, вышедшихъ изъ заведенія, то они въ общемъ, по словамъ Епинатьева, по нравственности не отличаются отъ другихъ ни въ порочную, ни въ дурную сторону. Изъ 21 чловѣка такихъ учителей въ его участкѣ въ худую сторону выдѣляются трое, изъ которыхъ одинъ крайне легкомысленъ и не соблюдаетъ постовъ, другой заводитъ ссоры съ крестьянами и больше заботится о себѣ и своемъ семействѣ, чѣмъ о школѣ, а третій запиваетъ. О случаяхъ, сообщенныхъ имъ осенью предсѣдателю губернской управы,

кромѣ упомянутаго выше посѣщенія нѣкоторыми учениками трактира, въ этомъ письмѣ не упоминается.

Отзывъ инспектора Бужинскаго болѣе рѣзокъ. Подтвердивъ, что онъ вмѣстѣ съ инспекторомъ Епинатьевымъ однажды видѣлъ нѣсколько молодыхъ людей, въ которыхъ Епинатьевъ призналъ учениковъ семинаріи, входящими въ трактиръ, притомъ въ учебное время, относительно учителей, бывшихъ питомцевъ семинаріи, онъ отзывается, что большинство изъ нихъ отличается неумѣніемъ держать себя передъ посѣтителеми. Двое изъ такихъ учителей въ его участкѣ отнеслись неуважительно къ церковнымъ обрядамъ, за что одному изъ нихъ онъ сдѣлалъ выговоръ, а другого, по заявленію мѣстныхъ дворянъ и и благочиннаго, счелъ нужнымъ даже уволить отъ должности.

Представляя эти факты, комиссія дѣлала въ сущности совсѣмъ не то, о чемъ ее просили; у нея просили не собранія фактовъ путемъ дознанія въ подтвержденіе сдѣланныхъ ею выводовъ, а указать лишь тѣ, на основаніи которыхъ эти выводы были сдѣланы, такъ какъ раньше она не ознакомила съ ними управы, какъ обыкновенно дѣлается, а изъ самого доклада такихъ фактовъ не было видно. Но заявленіе комиссіи, что именно тѣ самые факты, которые она имѣла въ виду, дѣлая свое заключеніе, и что другихъ фактовъ у нихъ въ виду нѣтъ, давало возможность приступить къ обсужденію вопроса.

Объясненія предсѣдателя управы кн. С. В. Волконскаго и Дашкова были даны подробно.

Остановившись главнымъ образомъ на фактической сторонѣ дѣла, князь Волконскій шагъ за шагомъ отвѣчалъ на всѣ пункты обвиненій комиссіи, доказывая неосновательность ея выводовъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ людей, схватившихъ на лету неблагопріятныя заведенію слухи и чужія мнѣнія и поспѣшившихъ обобщить ихъ, члены ревизіонной комиссіи надѣлали массу ошибокъ въ своихъ выводахъ. Ихъ разсужденія одно за другимъ таяли и разрушались при соприкосновеніи съ дѣйствительнымъ знаніемъ. Оказалось, что они не имѣли понятія ни о порядкахъ училища, ни объ устройствѣ зданія семинаріи, ни о постановленіяхъ собранія, касавшихся затронутаго ими вопроса, ни объ отношеніяхъ лицъ, на мнѣнія которыхъ положились, словомъ о цѣломъ рядѣ фактовъ и обстоятельствъ, безъ которыхъ составить себѣ вѣрнаго представленія о дѣлѣ было невозможно.

Не будучи въ состояніи высказаться прямо о фактахъ, полученныхъ посредствомъ позато дознанія, по невозможности немедленной повѣрки сообщеннаго, ¹⁾ князь Волконскій вынужденъ былъ ограничиться сообщеніемъ собранію о томъ, что имъ было сдѣлано для выясненія тѣхъ случаевъ, о которыхъ инспекторъ Еливатевъ сообщалъ ему еще осенью. Ни одного изъ этихъ случаевъ онъ не оставилъ безъ вниманія и ни одинъ изъ нихъ не подтвердился. Сообщалось, что одинъ учитель изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи былъ уволенъ за не приличное поведеніе въ присутствіи губернатора. Но губернаторъ отрицалъ фактъ такого поведенія при немъ, и названный учитель оказался не только не уволеннымъ, но получилъ награду. Что бы узнать дѣйствительное мнѣніе Троицкаго старшины о воспитанникахъ, къ нему было подослано лицо, постороннее и училищу и управѣ, сказавшее ему, что оно желало бы помѣстить своего родственника въ Троицкое училище, но боится какъ бы парень не избаловался: объ училищѣ ходятъ худые слухи. Старшина отвѣтилъ, что ему никогда жалобъ на воспитанниковъ не приносили, что онъ видѣлъ ихъ въ трактирахъ, но не пьяными и не бунтующими, и совѣтовалъ помѣстить родственника, такъ какъ „тамъ учатъ хорошо“. Для выясненія поступка учителя Касимовскаго уѣзда, который будто бы кощунствовалъ, князь Волконскій обращался къ члену Касимовскаго училищнаго совѣта А. П. Мансурову, при разслѣдованіи дѣла которымъ этотъ фактъ тоже не подтвердился и т. д. очевидно, что инспекторъ имѣлъ объ этихъ случаяхъ невѣрныя или не точныя свѣдѣнія.

Съ своей стороны не ограничиваясь разборомъ, сообщенныхъ фактовъ, Дашковъ остановился и на разсмотрѣніи принципиальныхъ требованій комиссіи, ея возрѣвій и идеаловъ, въ связи съ указанными ею

¹⁾ Такая повѣрка произведена была впоследствии, при чемъ всѣ случаи, допускавшіе повѣрку, оказались либо невѣрными, либо не вѣрно истолкованными тѣми, кто передавалъ о нихъ комиссіи. Такъ, относительно запрещенія воспитанникамъ посѣщать архіерейскій садъ высокопреосвященный Алексій объяснилъ, что онъ не только не дѣлалъ такого распоряженія, но даже удивлялся, почему ихъ болѣе не видно, такъ какъ любилъ встрѣчать ихъ въ саду, гдѣ они всегда вели себя при немъ прилично. По вопросу объ арестѣ двухъ воспитанниковъ оказалось, что, дѣйствительно, двое молодыхъ людей были задержаны въ Троицкой слободѣ за буйство и провели ночь въ арестанткѣ, но они ничего общаго съ земскою семинаріей не имѣли, почему и не могли быть доставлены въ училище, — становой передупталъ; и т. д.

недостатками въ учебно-воспитательной части заведенія. Ему пришлось объяснять разницу, существующую между ревизіей и дознаніемъ, благодаря смѣшенію понятій о которыхъ собранію приходилось вмѣсто мнѣнія о заведеніи гласныхъ земскаго собранія, изучившихъ дѣло, обсуждать мнѣнія Троицкихъ волостного старшины и сельскаго старосты, между религіознымъ чувствомъ и хожденіемъ въ церковь попарно, между нравственностью и вѣжливостью, между направленіемъ училища и дисциплиною и проч. Мнѣнія коммисіи по всѣмъ этимъ вопросамъ были подвергнуты тщательной критикѣ и объяснены взгляды лицъ, завѣдовавшихъ заведеніемъ; и, разумѣется, если въ докладѣ коммисіи были невѣрно переданы факты, то путаницы въ представленіяхъ по всѣмъ этимъ вопросамъ оказалось еще гораздо больше. Все это было выяснено съ обычною талантливостью и ясностью мысли Дашкова. Но нескрываемая грусть слышалась въ его рѣчи. Я не имѣю возможности даже вернатѣ передавать содержаніе всѣхъ объясненій и рѣчей, сказанныхъ въ это „злополучное“, по выраженію Дашкова, засѣданіе собранія и отсылаю желающихъ съ ними ознакомиться къ отлично составленному изложенію этихъ преній въ журналахъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1875 года.

Мнѣ вопросъ представлялся совершенно выясненнымъ въ собраніи и думаю, что такимъ онъ долженъ былъ представляться всякому непредубѣжденному человѣку. Но того отпора, котораго можно бы было ожидать, судя по тому, къ чему свелись сообщенные въ докладѣ ревизіонной коммисіей факты, докладу этому дано не было. Собраніе, правда, единогласно признало объясненія предсѣдателя управы князя Волконскаго и члена губернскаго училищнаго совѣта Дашкова о религіозно-нравственномъ направленіи училища вполне удовлетворительными. Отъ обвиненія въ недостаткѣ такого направленія отказалась сама коммисія, заявившая устами члена своего Лукинскаго, что она вовсе не желала обвинять училища въ такомъ недостаткѣ, а только указать лишь на то, что за учениками недостаточно смотрѣли. Но тоже собраніе высказалось и также единогласно за желательность сдѣлать въ дисциплинарномъ отношеніи нѣкоторыя дополненія и измѣненія, и поручило разработку дисциплинарныхъ правилъ заведенія губернской управѣ вмѣстѣ съ особою коммисіей изъ 5 гласныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведеніе было ввѣрено особому наблюденію пред-

сѣдателя управы князя С. В. Волконскаго, согласно сдѣланному имъ самимъ предложенію.

Вопроса о признаніи взведенныхъ на семинарію обвиненій въ недостаткѣ религіозности и безнравственности несправедливымъ, на постановкѣ котораго настаивалъ гласный Офросимовъ, постановлено не было.

Такимъ компромиссомъ, составлявшимъ нѣкоторую уступку требованіямъ комиссіи, можетъ быть, было спасено существованіе земской семинаріи, но вопросъ о дальнѣйшей ея судьбѣ, какъ и понималъ Дашковъ, разрѣшенъ не былъ, а только отсроченъ. Мало того, состоявшееся постановленіе даже предрѣшало его. Въ самомъ дѣлѣ, если собраніе не признавало невѣрнымъ все взведенное на заведеніе обвиненіе, то какое значеніе могло имѣть оставленіе его въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ оно находилось? И къ чему могъ привести особый надзоръ предсѣдателя управы за дисциплинарною частью, отъ котораго и прежде онъ устранинъ не былъ? Было больше чѣмъ вѣроятно, что этимъ путемъ нельзя было улучшить положенія и возстановить добрыя отношенія къ учебному вѣдомству, воззрѣнія котораго слишкомъ ясно выяснились въ собраніи. И какія правила дисциплинарнаго порядка могла выработать вмѣстѣ съ управою комиссія, выбранная собраніемъ изъ гласныхъ послѣ всѣхъ тѣхъ разнорѣшаемыхъ мнѣній, которыя были высказаны тѣми же гласными въ собраніи и въ которую одинаково вошли представители противоположныхъ воззрѣній, Дашковъ и Лукинскій и т. д.? Если собраніе желало послѣ всего происшедшаго непремѣнно удержать свое заведеніе, для него оставался очевидно, уже и тогда только одинъ исходъ — тотъ самый, къ которому оно и пришло черезъ полтора года, т. е. передать заведеніе въ вѣдѣніе министерства.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла былъ тотъ, котораго и слѣдовало ожидать. Довѣрія къ училищу со стороны дирекціи не установилось, а скорѣе, напротивъ, еще убавилось. Если въ 1875 году, по заявленію инспектора Епинатъева, учебная часть въ заведеніи была превосходно поставлена, и только воспитательная хромала, то черезъ годъ признавалась плохую и учебная. Изъ лицъ, экзаменовавшихся въ 1876 г., только троемъ были выданы свидѣтельства на право преподаванія въ народныхъ школахъ, и то, по выраженію инспектора Кормилицына, изъ снисхожденія, остальнымъ пришлось добывать учительскія права

посредством экзамена при гимназіи, что, впрочем, кажется, не особенно их затруднило ¹⁾. Наконец, уровень познаній долженъ былъ и дѣйствительно понизиться въ училищѣ, въ которомъ въ послѣдній годъ его состоянія въ вѣдѣніи земства смѣнилось не менѣе 5 учителей, а пріискать новыхъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось дѣйствовать училищу, было настолько трудно, что во избѣжаніе пріостановки преподаванія предсѣдателю управы пришлось просить у собранія разрѣшенія приглашать учителей гимназіи.

Все это было естественно. Но переносить то, что пришлось перенести лицамъ, завѣдывавшимъ заведеніемъ, вынужденнымъ уступая силѣ выслушивать напраслины и даже терпѣть матеріально (напр., учителямъ заведенія), не могло быть легко, въ особенности при тѣхъ пріемахъ, которые примѣнялись для доказательства ихъ несостоятельности вести дѣло, образчикомъ которыхъ можетъ служить ревизія 1875 года. Насколько все это волновало Дашкова, можно судить по письму, полученному мною болѣе двадцати лѣтъ спустя, всего за годъ до его смерти, въ отвѣтъ на посланную мною къ нему на просмотръ рукопись А. Д. Повалишина, въ которой излагались обстоятельства этого времени. Отвѣчая, Дмитрій Дмитриевичъ сперва въ полшутливомъ тонѣ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ одного англійскаго филолога, который будучи представленъ королевы Викторіи и спрошенъ ею, много ли разъ онъ былъ съченъ, отвѣчалъ стихами Виргилія: „infandum, regina, jubes renovare dolorem“! „Ужасно много горькихъ воспоминаній“, пишетъ онъ далѣе, „пробудила въ немъ посланная рукопись и сообщила за тѣмъ нѣсколько обстоятельствъ этого дѣла, которыя мнѣ оставались до того времени неизвѣстными. Оказывается, что Дашковъ не оставилъ вопросовъ поднятыхъ въ собраніи 1875 года въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ по неволѣ пришлось оставить въ собраніи, но со свойственною ему тщательностью изслѣдовалъ ихъ до мелочей и выяснилъ для себя многое, что и мнѣ до того времени, и ему оставалось неизвѣстнымъ. Въ настоящее время, когда у меня въ рукахъ и сообщенія Дашкова, освѣтившія для меня нѣкоторыя стороны этого дѣла, и письма бывшихъ учителей Александровской семинаріи, вынужденныхъ одинъ за другимъ отказаться отъ преподаванія въ ней, по невозможности въ ней оставаться, бережно сохранныя въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти князя С. В. Вол-

¹⁾ Всѣ экзаменовавшіеся, если не ошибаюсь, получали свидѣтельства.

ковскаго вмѣстѣ съ другими документами, касающимися заведенія, и письма бывшаго инспектора Епинатьева, написаннаго къ моему покойному отцу уже послѣ оставленія Епинатьевымъ службы по министерству народнаго просвѣщенія, объясняющее его положеніе въ этомъ дѣлѣ: когда меня не удивляетъ болѣе и отношеніе различныхъ гласныхъ тогдашняго земскаго собранія къ этому вопросу, не вполне понятное для меня прежде, и время, наконецъ, успѣло произнестъ свой вѣскій приговоръ подъ бывшими питомцами земской семинаріи— между ними не было ни крамольниковъ ни мятежниковъ, ни особенно порочныхъ людей, а вышло не мало полезныхъ дѣятелей, потрудившихся на нивѣ народнаго образованія— я спрашиваю себя объ одномъ: отчего было не сказать прямо: семинарія не можетъ болѣе оставаться на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ она существовала до сего времени, и мы согласны передать ее въ вѣдѣніе министерства? Но видно на все есть свое время. Въ сущности, въ 1875 году Рязанское губернское земское собраніе уже на столько перемѣнилось, что вести земское дѣло въ духъ князя С. В. Волконскаго и Дашкова становилось невозможнымъ.

Когда въ томъ же 1875 году послѣ всѣхъ этихъ преній и неприятностей члену губернскаго училищнаго совѣта Дашкову пришлось докладывать собранію свой обычный отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи, которому суждено было сдѣлаться его послѣднимъ отчетомъ, естественно, рядъ накопившихся за это время мыслей нашель себѣ въ немъ выраженіе. Дашковъ сгруппировалъ въ этомъ отчетѣ подробныя свѣдѣнія по школьному дѣлу, какъ до того времени ему еще ни разу не удавалось сгруппировать, и обрисовать на основаніи ихъ состояніе училищъ въ губерніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущалъ потребность изложить свой взглядъ на значеніе той службы народному образованію, къ которой призывалось Высочайшею волею дворянство, на то, что такое религіозно нравственное направленіе въ школѣ, что главное вѣра, что такое нравственность. Отъ чего его послѣдній листъ получилъ характеръ исповѣди своихъ убѣжденій. Я былъ въ это время въ числѣ секретарей собранія и имѣлъ въ рукахъ конспектъ, по которому Дашковъ по обыкновенію дѣлалъ свой докладъ изустно. Сказанная имъ рѣчь значительно отступила отъ наброска.

Собраніе, въ которомъ такъ недавно еще говорилось и дѣлалось совершенно другое, опять аплодировало словамъ оратора.

Послѣ этого собранія Дмитрій Дмитриевичъ провель еще около года въ Рязанской губерніи и участвовалъ въ губернскомъ земскомъ собраніи. Былъ онъ и въ составѣ комиссіи, избранной для выработки правилъ новаго дисциплинарнаго порядка въ земской семинаріи, занимался по прежнему училищнымъ дѣломъ, но доклада его собранію о состояніи училищъ въ губерніи больше не было. Собраніе 1876 года собиралось въ неурожайное время въ половинѣ ноября, когда на очереди стояли вопросы, вызванные потребностями военнаго положенія. Очень вѣроятно, что Дашковъ не имѣлъ времени приготовить своего доклада. Въ 1877 году его уже болѣе не было въ Рязанской губерніи. Его звали братъ къ себѣ въ Уфу, гдѣ занимая сразу и должность предсѣдателя губернской земской управы и должность директора распорядителя городского общественнаго банка, онъ не имѣлъ возможности заниматься еще и сложнымъ дѣломъ управленія принадлежавшимъ Дашковымъ заводомъ. Только въ Спасскомъ уѣздѣ долго еще продолжали считать Дмитрія Дмитриевича своимъ и выбирать въ почетные мировые судьи.

Осенью того же 1877 года отказался отъ занимаемой имъ должности и предсѣдатель Рязанской губернской земской управы князь С. В. Волконскій. Въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ скоро наступили другіе порядки. Работа по народному образованію надолго перешла въ уѣзды. Но въ уѣздахъ дѣло Дашкова продолжалось. Одинъ за другимъ различныя уѣзды приставали къ тѣмъ началамъ, которыя онъ первый проповѣдывалъ въ Рязанской губерніи и понемногу направленіе, провозвѣстникомъ котораго онъ былъ, дѣлалось всеобщимъ достояніемъ.

Само собою разумѣется, что и въ Уфѣ Дмитрій Дмитриевичъ Дашковъ не остался вдали отъ общественной дѣятельности. Благовѣщенскій механическій заводъ не приносилъ братьямъ Дашковымъ дохода и поддерживался ими исключительно для того, чтобы не лишить мѣстнаго заводскаго населенія привычнаго заработка. Доходность ихъ крупнаго имѣнія, за продажей значительной части земли крестьянамъ при посредствѣ крестьянскаго банка, состояла въ лѣсахъ и лугахъ. При такомъ положеніи, хотя было и не мало хлопотъ съ заводомъ, но всетаки онъ не лишалъ владѣльцевъ возможности удѣлять часть времени и на общественныя дѣла. Скоро Дмитрій Дмитриевичъ весь окупился въ эти дѣла, участвовалъ въ Уфимскомъ земскомъ собраніи, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ отстаивалъ интересы дорого ему просвѣщенія,

а потомъ, по происшедшемъ вскорѣ введеніи въ Уфимской губерніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II былъ выбранъ въ почетные мировые судьи и сдѣлался первымъ предсѣдателемъ мирового съѣзда въ мѣстѣ своего поваго жительства. Впрочемъ, въ этой должности онъ оставался не долго, одно только трехлѣтіе. Необходимость рѣшать многія дѣла формально тяготила его и не давала удовлетворенія его душѣ. Онъ вышелъ изъ предсѣдателей съѣзда, считавшійся только почетнымъ мировымъ судьей и гласнымъ земскихъ собраній, и поселился окончательно на заводѣ. Онъ излѣчился наконецъ и отъ своей болѣзни, по крайней мѣрѣ думалъ такъ, хотя, какъ было сказано выше, хорошаго здоровья всетаки не приобрѣлъ.

Не прерывалъ Дмитрій Дмитріевичъ вполне связи и съ Рязанью, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего пребыванія въ Уфимской губерніи. Пока жива была его мать Елисавета Васильевна Дашкова, онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Рязань повидаться съ нею. Не были забыты имъ и его знакомые между учителями Рязанской губерніи. Со многими изъ нихъ онъ переписывался, а нѣкоторымъ доставлялъ даже лучшія мѣста въ Уфимской губерніи.

Въ 1889 году Елисавета Васильевна Дашкова скончалась, Дмитрій Дмитріевичъ пріѣзжалъ ее хоронить и отвезъ ея тѣло въ Петербургъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ въ Рязани въ 1891 году въ трудное для меня время, когда въ качествѣ члена губернской земской управы я завѣдывалъ продовольственнымъ дѣломъ. Я нашелъ его, хотя и постарѣвшимъ, но бодрѣе и повидимому здоровѣе того, какимъ онъ былъ въ 70 годахъ. Онъ зашелъ въ земское собраніе, просидѣлъ въ немъ цѣлое засѣданіе среди публики за колонами и сдѣлалъ нѣсколько наблюденій за это время. По крайней мѣрѣ данныя мнѣ имъ совѣты, на основаніи выведенныхъ имъ за это время наблюденій, были мнѣ очень полезны. Таково уже было свойство этого человѣка, что всюду, гдѣ онъ ни появлялся, онъ оставлялъ по себѣ слѣдъ въ цѣломъ рядѣ поступковъ, полезныхъ для его ближнихъ.

Послѣдніе годы своей жизни Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ провелъ въ Уфѣ на Благовѣщенскомъ заводѣ. Въ 1900 году онъ сильно простудился, получилъ ревматизмъ и долго лѣчился въ Уфѣ. Лѣтомъ 1901 года онъ снова перебрался къ себѣ на заводъ, гдѣ незамѣтно для всѣхъ и подкралась къ нему болѣзнь, положившая конецъ его

жизни—діабетъ. 1 Октября того же года днемъ во время сна онъ тихо скончался, оставивъ по себѣ во всемъ окрестномъ населеніи память, какъ о благодѣтель мѣстности, безконечно добромъ и выдающемся человѣкѣ.

Въ Рязани въ числѣ памятниковъ, оставленныхъ имъ о своемъ существованіи, слѣдуетъ еще упомянуть объ устраненномъ по его почину, хотя открытомъ уже послѣ его отъезда въ Уфимскую губернію, приютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ.

III.

Въ 1900 году, перебирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти покойнаго Александра Дмитриевича Повалишина, я нашелъ въ нихъ начисто переписанные всѣ 6 отчетовъ Дмитрія Дмитриевича Дашкова по народному образованію въ Рязанской губерніи и при нихъ статью, озаглавленную „Дворянство и народъ (идиллія)“, писанную рукою Дашкова. Я тогда же списался объ этомъ съ авторомъ и отъ него узналъ, что по просьбѣ Повалишина онъ далъ свое согласіе на напечатаніе текста его отчетовъ въ Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ отчетами была напечатана и эта статья. Въ статьѣ этой излагался взглядъ автора на значеніе и роль, которую должно бы выполнить наше поземельное дворянство въ дѣлѣ общественнаго развитія русскаго народа, и желаніе Дмитрія Дмитриевича видѣть ее напечатанною вмѣстѣ съ текстомъ своихъ отчетовъ станеть понятнымъ, если принять во вниманіе, какъ многіе у насъ смотрѣли на него, какъ на человѣка прямого противника дворянства. Хотя я и просилъ Дашкова дозволить исполнить желаніе Повалишина, но Дмитрій Дмитриевичъ просилъ меня переслать рукопись къ нему: онъ желалъ пересмотрѣть свои отчеты и издать ихъ самъ. Выполнить этого ему однако не довелось.

Въ настоящее время, съ разрѣшенія его брата, Андрея Дмитриевича Дашкова, я рѣшился исполнить, какъ сумѣю, прежнее предположеніе, хотя по необходимости мнѣ приходится держаться текста отчетовъ такъ, какъ онъ изложенъ въ журналахъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Тѣхъ исправленій, которыя могъ сдѣлать авторъ, у котораго могли уцѣлѣть и конспекты его докладовъ, разумѣется, теперь не можетъ и не вправѣ сдѣлать никто.

Разсматривая отчеты Дмитрія Дмитриевича Дашкова о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи въ настоящее время въ ихъ совокупности, нельзя не замѣтить, что въ нихъ запечатлѣлось еще очень раннее время въ заботахъ земскихъ учреждений о народной школѣ. Это еще первые шаги земскихъ учреждений на поприщѣ попеченій о народномъ образованіи.

Въ 1867 году, всего за годъ до избранія Дашкова въ должность члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства, всего только 7 уѣздовъ въ Рязанской губерніи дѣлали какое либо назначеніе на нужды народнаго образованія, именно: Данковскій уѣздъ, ассигновавшій въ этотъ годъ на этотъ предметъ 800 рублей, Егорьевскій, назначившій 1500 р., Зарайскій и Касимовскій, ассигновавшіе, первый 1790, а второй 1720 руб., Ряжскій съ неизмѣнной цифрой смѣтнаго расхода въ 1745 руб., Сасожковскій, расходовавшій всѣхъ больше, 4500 р., изъ которыхъ однако 3000 руб. шли въ нособіе мѣстному уѣздному училищу, и Скопинскій — назначившій 300 руб. Итогъ всѣхъ ассигнованій на народное образованіе (кромѣ цифры губернской смѣты на Александровскую учительскую семинарію) составилъ скромную цифру 12355 рублей.

Въ 1869 году, первомъ, за который представилъ свой отчетъ Дашковъ, смѣта была уже значительно больше. Дашковъ опредѣляетъ общую сумму всѣхъ ассигнованій по уѣзднымъ смѣтамъ, сдѣланныя въ этомъ году, въ 28679 р. 26 коп., но онъ ошибся, просмотрѣвъ 2200 руб., опредѣленныхъ на этотъ предметъ Сасожковскимъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ собраніе этого уѣзда, разрѣшивъ расходъ, не внесло этой суммы въ смѣту, а отнесло его на остатки отъ того же назначенія за предыдущіе годы, которые были — неправильно, но это тогда дѣлалось. Если прибавить эту цифру, то общая сумма расходовъ на нужды народнаго образованія одиннадцати уѣздовъ губерніи (Михайловскій уѣздъ и въ этомъ году никакого назначенія на этотъ предметъ не сдѣлалъ) опредѣлится въ 30879 руб. 26 коп.

Вотъ распредѣленіе этого назначенія по различнымъ уѣздамъ въ сопоставленіи съ расходами тѣхъ же уѣздовъ по смѣтѣ на 1876 годъ, означенной отчетности Дашкова.

Назначено къ расходу:

На 1870 годъ.

На 1876 годъ.

Въ уѣздахъ:	На народное образование вообще.	На народное образование вообще.	Изъ нихъ на начальныя училища.
Данковскомъ .	4500 р.	10042 р. 58 к.	10042 р. 58 к.
Егорьевскомъ .	1550 р.	2900 р.	2900 р.
Зарайскомъ .	4323 р. 32 к.	5444 р.	5444 р.
Касимовскомъ.	4500 р.	11620 р.	6800 р.
Михайлов. .	—	800 р.	800 р.
Пронскомъ .	760 р. <small>(кромя 0/0 съ капитала А. Головинна.</small>	10180 р.	9980 р.
Равенбург. .	1000 р.	7412 р.	3912 р. 40 к.
Рязскомъ . .	1745 р. 94 к.	1400 р.	1400 р.
Рязанскомъ .	1100 р.	4775 р.	4775 р.
Сапожков. .	4900 р. <small>(въ то число 3000 р. на уѣздное училище).</small>	6250 р.	3330 р.
Скопинскомъ .	2200 р.	5000 р.	5000 р.
Спасскомъ .	4000 р.	7235 р.	6235 р.
<hr/>			
Всего. .	30879 р.	76058 р. 98 к.	60580 р. 98 к.

Такимъ образомъ смѣтныя назначенія уѣздовъ на народное образование увеличились за время, прошедшее между первымъ и послѣднимъ отчетами Дашкова слишкомъ въ двое, въ дѣйствительности же расходы увеличились еще больше, такъ какъ въ первые годы разсматриваемаго времени назначенія на народное образование не представляли устойчивыхъ строго опредѣленныхъ цифръ, но часто назначенныя деньги только числились на счетахъ, а не расходовались, такъ что одни и тѣ же деньги переносились изъ смѣты въ смѣту, оставаясь въ недоимкахъ, какъ это случилось напр. въ 1869 г. въ Скопинскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ изъ назначенныхъ по смѣтамъ на 1870 г. 30879 р. 66 к., какъ видно изъ Дашковского отчета за этотъ годъ, въ дѣйствительности было израсходовано лишь 26000 руб. Впослѣдствіи Дашковъ докладывалъ также о значительной недоимкѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, задолжавшемъ училищному счету 5000 руб.

Въ 1868—69 учебномъ году всѣхъ народныхъ училищъ въ губерніи числилось 390 съ 15280 учащимися, а въ 1874—75 году

было, какъ значится въ послѣднемъ отчетѣ Дашкова 397, училищъ съ 20939 учащимися. Именно: учениковъ и учащихся значилось:

въ 1868—69 году въ 1874—75 году

Въ уѣздахъ:	училищъ:		учащихся въ нихъ:	
	училищъ:	учащихся въ нихъ:	училищъ:	учащихся въ нихъ:
Данковскомъ . . .	16	623	49	2400
Егорьевскомъ . . .	27	1082	36	1836
Зарайскомъ . . .	56	2134	35	1971
Касимовскомъ . . .	67	2763	57	2443
Михайловскомъ . . .	17	609	15	753
Пронскомъ . . .	21	929	27	1434
Раненбургскомъ . . .	12	458	23	1258
Рязскомъ . . .	57	2059	23	1303
Рязанскомъ . . .	17	658	35	1490
Сапожковскомъ . . .	31	1234	27	1584
Скопинскомъ . . .	29	1004	25	1353
Спасскомъ . . .	40	1727	45	3014
<hr/>				
Всего . . .	390	15280	397	20839

Такимъ образомъ общее число училищъ увеличилось всего на 7 школъ, а учащихся прибавилось на $\frac{1}{4}$ ихъ общаго числа въ послѣдній годъ или на $\frac{1}{3}$ начала семилѣтія. Успѣхъ, повидимому, не блестящій. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число училищъ даже уменьшилось противъ прежняго. Но дѣло въ томъ, что въ то время задачей земскихъ дѣятелей по народному образованію было не столько устройство новыхъ училищъ, сколько приведеніе въ извѣстность и правильная постановка старыхъ. Всѣ отчеты того времени лицъ, въ первый разъ объѣхавшихъ училища для осмотра ихъ на мѣстѣ, удостовѣряютъ подобно отчетамъ князя С. В. Волконскаго въ 1870 г. по Раненбургскому уѣзду или отчетамъ А. П. Мансурова и А. А. Алянчикова по Касимовскому, невозможное положеніе этихъ числившихся школъ прежняго времени. Однѣ изъ нихъ существовали только на бумагѣ и ученія въ нихъ вовсе не происходило; въ другихъ оно было постановлено въ такія условія, что успѣхъ былъ положительно невоз-

можень. Неумѣлыя учителя, классныя комнаты, въ которыхъ чернила мерзли отъ холода, отсутствіе учебныхъ пособій или такое снабженіе ими училища, что каждый ученикъ, напр., учился по собственной, отличной отъ книжекъ другихъ учениковъ книжкѣ; въ видѣ понудительной мѣрѣ побой и т. д.— вотъ тѣ явленія, которыя встрѣчались въ такихъ школахъ на каждомъ шагу. При такихъ условіяхъ надо было прежде всего найти школу и сдѣлать ее въ дѣйствительности школою, т. е. мѣстомъ, гдѣ ученики выучиваются. Въ такихъ условіяхъ встрѣтитъ въ отчетахъ уменьшившуюся цифру училищъ было иногда даже признакомъ улучшения дѣла: это значило, что школы были осмотрѣны и теперь числятся только тѣ, которыхъ дѣйствительно идетъ ученіе.

Если разсматривать приведенныя въ отчетахъ Дашкова цифры съ этой точки зрѣнія, то можно указать на разницы въ числѣ школъ даже за самыя послѣдніе годы охваченнаго этими отчетами періода. Такъ, напр., если-бы вмѣсто данныхъ за послѣдній 1874—1875 г. нами было взято число училищъ за предшествующій учебный годъ, то мы бы встрѣтились съ цифрою 423 училищъ вмѣсто 397 послѣдняго года, что касается качества училищъ, то конечно 397 училищъ 1874—75 года были совѣмъ другія, чѣмъ 390 школъ 1868—69 г. Уже болѣе чѣмъ удвоенная цифра земскаго расхода на каждую школу свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ теперь школы были уже дѣйствительныя, въ которыхъ преподавали учителя, если не прошедшіе черезъ учительскую семинарію, то по крайней мѣрѣ прослушавшіе учительскіе курсы. Учебными пособиями училища эти снабжались уже отъ земства и по опредѣленному плану. Въ большинствѣ уѣздовъ были, наконецъ, свои дѣятели, которые заботились о школьномъ дѣлѣ и его нуждахъ, знали его, и умѣли его отстаивать и направлять. Если въ 1868 году, вначалѣ дѣятельности Дмитрія Дмитріевича Дашкова въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта, едва-ли не въ одномъ Данковскомъ уѣздѣ были такіе поборники народнаго образованія въ лицѣ Бибиковыхъ, то теперь ихъ много въ различныхъ уѣздахъ. Кромѣ И. П. Бибикова въ Данковѣ— были князь С. В. Волконскій въ Раненбургѣ, Н. П. Ржевскій въ Пронскомъ уѣздѣ, А. П. Мансуровъ и А. В. Алянчиковъ въ Касимовскомъ и многіе другіе, не говоря уже о самомъ Дмитріи Дмитріевичѣ въ Спасскомъ. Всѣ эти люди были до нѣкоторой степени

последователями Дашкова въ училищномъ дѣлѣ и проводили въ жизнь тѣ самыя начала, которыя онъ первой проповѣдовалъ въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, и за такими людьми можно было надѣяться, что дѣло народнаго образованія станетъ прочно въ губерніи. Чтобы вызвать такую дѣятельность, стать главнымъ сосредоточіемъ ея въ губерніи, надо было показать осуществимость завѣтныхъ желаній всѣхъ такихъ лицъ на практикѣ, вселить въру въ успѣхъ. Въ этомъ и заключалось главное дѣло Дашкова. Кто желаетъ узнать, какъ это было достигнуто, пусть прочтетъ по внимательнѣе его отчеты.

Я же съ своей стороны, перечитавъ ихъ теперь, кладу перо въ глубокомъ уваженіи передъ памятью этого человѣка:

„Deines geistes hab ich einen Hauch verspürt“.

Князь *Николай Волконскій*.

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЯ КНИГИ БОГОСЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ

съ 192 по 197 года

(1684—1689) *).

Книги приходныя Богословскаго монастыря казначья старца Иустина 192 г.

Книги Богословскаго монастыря казначья старца Иустина приходныя монастырской кознѣ с котораго числа и то писано ниже сего.

В нынѣшнем во 162 году еевраля три десятаго числа с субботы на воскресенье в начале втораго часа ноци разбойники многія люди приѣховѣ в сей Богословской монастырь разбили и козенныя денги и золотныя и серебряную и оловеную и мѣдную посуду и платья и всякия писма и крѣпости и книги приходныя и расходныя и с конюшеннаго двора стоялых коней и медвѣднн и полсти и войлыки и епончи сѣдла и орчаки и архимандрита Иосаѣа келейныя ево денги и рухлед и платья и ковры и попоны и ево ж архимандрита изрубили и ево ж козначья старца Иустина били смертным боем и везали и козенныя и ево козначья келейныя денги и рухлет все взяли.

А разбивъ разбойники монастырь из монастыря поѣхали через село Пошупова ис села вышли монастырския крестьяне против тѣх разбойников в погоню и отбили у них разбойников разбойничю лошед с санми и привели в монастырь и в тѣх санех монастырских козенных денег семьдесят два рубли и тѣ денги приняты у них у крестьян в монастырскую козну.

И после тѣх разбойников в кѣли в чюлане на полки за иконы осталось козенных денег десят рублевъ каторыя вынеты были ис козенной платы для близности на расход.

И марта въ 5 день принета у старца Саватья рубль двацат адин алтын что продал горох в Стрижняех.

*) Эти книги принадлежат Ильѣ Александровичу Шляпкину и печатаются благодаря его любезному разрѣшенію. А. Ч.

Богословскій монастырь лежитъ на правомъ берегу рѣки Оки, въ 25 верстахъ отъ г. Рязани. А. Ч.

Продал архимандрит извести Оедоту Каломънетину на четыре рубли.

Апрѣля в 10 ден принета села Высокаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег сто рублевъ прошлаго 191 г.

Маия въ 20 деп припета у негож Карпа пашенных и луговых денег сто рублевъ прошлаго 191 году.

Июня въ 20 ден принето села Высокаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег збору прошлаго 191 году двѣсте рублевъ.

Июня въ 10 день у него ж целовалника Карпа принета пашенных денег прошлаго 191 году сто рублевъ.

Августа в 7 день у него ж целовалника Карпа принето пашенных и луговых денег прошлаго ж 191 году сто девяносто пят рублевъ.

Книги приходныя Богословскаго монастыря монастырской кознѣ при козначѣи старце Иустине нынѣшняго 193 году сеньтября в 1 день.

Принета села Высокаго у мелника у Васки ветчины мелничных денег девет рублевъ тринадцать алтын две денги.

Октября въ 1 ден принета села Высокаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег сто рублевъ збору прошлаго 192 году.

Октября жъ въ 3 день принето Мурома города у Благовѣщенскаго строителя старца Феодосия по кобалѣ четыре рубли двацат три алтына две денги что он занимал у бывшаго козначѣя старца Ованасия во 191 году.

Декабря в 1 ден принета села Пощупова у крестьянина Данила Аверина рыбных денег два рубли двенацат алтын две денги что продал в Кузминсеу.

Марта въ 1 ден принето села Высокаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных денег семь десят рублевъ збору прошлаго 192 году.

Марта въ 30 ден принета села Пощупова у крестьяни у Карпа Ершева съ товарищи закречинское озера полтора рубли за прошлой 192 год.

Апрѣля въ 1 ден принета села Пощупова у старосты Степана Медвѣдѣва хмелевых и оброчных денег восемь рублевъ за прошлой 192 год.

Маия въ 19 ден принято Аграѣвнивай Пустыни девичя монастыря у крестьян у Силки Левонтьева да Ойрика Петрова за Вострое озера наиму денег два рубли за прошлой 192 год.

Июня въ 1 ден принято села Высокаго у мелничнаго целовалника у Васки Вечинина мелничных денег шесть рублевъ три алтына две денги.

Июня въ 3 ден продано монастырской мѣлкой источной рыбы три воза взята три рубли шесть алтын четыре денги.

Июня въ 8 ден принята села Городища да деревни Хавертовой у старосты Мокара Елисѣева мирских оброчных денег шестьдесят семь рублевъ збору 192 году.

Июня въ 24 ден взята за луг на Мотвѣю Алексѣеве сыне Иванчина что отдан луг на кѣ рекѣ на берегу на Кошкине в заводѣ за прошлой 192 год рубль шестнадцать алтын четыре денги.

Того ж числа у него ж Мотвѣя Алексѣева сына Иванчина взято за монастырскую драг пятнадцать алтын.

Июня въ 30 ден отдан луг закою рекою в штаниках крестьянину Оетки Кобузову деревни Ахмылаовой взята наиму тринадцать алтын две денги на 193 год.

Того ж числа принято села Высокаго у целовалника Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег четыре ста рублевъ збору прашлаго 192 году.

Июля въ 2 ден принято села Высокаго у целовалника Карпа Аввакумова пашенных денег сто рублевъ збору с выѣшняго 193 году.

Июля въ 4 ден по указу архимандрита Иосаѣа принято устряпчего Моисея Ласкина уплатных денег Василя Ахмылова пятнадцать рублевъ.

Августа въ 29 ден принято в козну села Высокаго у целовалника Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег збору выѣшняго 193 году двадцат рублевъ.

Августа въ 30 ден продан монастырской сад переславцу Богдану Дронову взята за тот сад три рубли.

Того ж числа принята села Высокаго у мелничнаго целовалника у Васки Вечины мелничных денег шесть рублевъ двадцат алтын збору 193 году.

Книги приходныя Богословскаго монастыря монастырской кознь при козначье старца Иустина нынешнего 194 году.

Сентября въ 1 ден принято в козну села Пощупова у старосты Лазыря Зайцава хмелевых и оброчных денег восемь рублей збору прошлаго 193 году.

Сентября въ 21 ден принято села Высокого у мелничнаго старца Кирила мелничных денег восемь рублей збору нынѣшняго 194 году.

Ноября въ 21 ден продано монастырскаго источнаго мѣлкаго молю асмина кузминской мѣры взята за тот мол двадцат алтын.

Декабря въ 20 ден принято села Высокаго у мелничнаго старца Кирила мелничных денег нынѣшняго 194 году.

Декабря въ 21 ден продан монастырскаго бык с монастырскаго с короля двора взята два рубли.

Генваря въ 27 ден отдан луг на Окѣ рекѣ Мотвѣю Алексѣеву сыну Иванчину на Копкине в заводѣ взята за тот луг найму рубль шестнадцать алтын четыре денги за прошлой за 193 год.

Феврала въ 10 ден принято села Высокого у целовалико у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег двѣсти рублей збору прошлаго 192 году.

Марта въ 11 ден принета в козну села Городища и деревни Хавертовой у старосты у Мокара Елисѣева оброчных денег семьдесят три рубли двадцат алтын збору 193 году.

Маия въ 9 ден принято Аграенинай Пустыни девычя монастыря за Вострое озера найму Івашки Беляева два рубли за прошлой 193 год.

Июня въ 18 ден отдан луг за рекою за Простью въ таниках крестьянину Федору Кобузову деревни Охмыловой взята найму тринадцат алтын две денги на 194 год.

Июня въ 20 ден принято в козну села Высокаго у мелничнаго старца Кирила мелничных денег шесть рублей шесть алтын четыре денги збору нынешнего 194 году.

Августа въ 11 ден принято села Высокого у мелничнаго старца Кирила мелничных денег семь рублей нынѣшняго 194 году.

Книги приходные Богословскаго монастыря монастырской козней при козначье старце Иустине нынешнего 195 году.

Сентября въ 1 ден принята в казну села Високаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег сто рублей збору прошлаго 193 году.

Октября въ 11 ден принята села Високаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег сто рублей збору прошлаго 193 году.

Ноября въ 20 ден принято села Високаго у целовалника у Карпа Аввакумова пашенных и луговых денег сто рублей збору прошлаго 193 году.

Ноября въ 27 ден принято села Високаго у мелничнаго старца Кирила мелничных денег семь рублей нынешняго 195 году.

Ноября въ 28 ден продано монастырскаго хмелю кина взята трицат пят алтын.

Генваря въ 15 ден принято села Високаго у целовалника у Карпа Аввакумова земляныя отдачи сто рублей 194 году.

Феврала въ 2 ден принята села Високаго у старосты Петра Иванова пашенных денег трицат рублей два алтына 2 ден. збору 194 году.

Продан монастырской козенной треух старцу Ееръму взято двацат алтын.

Феврала въ 5 ден принята в козну села Пошупова у старосты у Лазоря Зайцова со крестьян оброчных и хмелевых денег восемь рублей нынешнего 194 год.

Маия въ 1 ден принято села Високаго у мелника у Мишки Семенова мелничных денег пят рублей шестнадцать алтын четыре денги збору нынешняго 195 году.

Маия въ 13 ден отдан луг за Простью рекою в штаниках деревни Охмыловой крестьянину Оетки Кобузову взята найму тринацат алтын денги на нынешней 195 год.

Маия въ 28 ден продано монастырскаго бѣлато хмелю села Куз-

минска крестьянину Якову Андрѣву на церковное строение шестьдесят листов взята за то желѣза два рубли тринадцат алтынъ 2 ден.

Июня въ 1 ден принято в козну села Высокаго у целовалника у Еоима Ильина пашенных и луговых денег двѣсти рублевъ збору прошлаго 194 году.

Июня въ 13 ден принято села Высокаго у целовалника у Еоима Ильина пашенных и луговых денег сто рублевъ збору прошлаго 194 году.

Июля въ 6 ден принято села Высокаго у целовалника у Еоима Илина пашенных и луговых денег сто пятьдесят рублевъ збору прошлаго 194 году.

Августа въ 10 ден принято села Высокаго у целовалника у Еоима Илина пашенных и луговых денег сто рублевъ збору нынѣшняго 195 году.

Августа въ 20 ден принета села Высокаго у целовалника у Еоима Илина пашенных и луговых денег пятьдесят рублевъ збору нынешняго 195 году.

Августа въ 26 ден продан монастырской сад под березаю Каломтенину Ероѣю Скочкову взята четьри рубли шестнадцать алтын четьри денги.

Книги приходныя Богословскаго монастыря монастырской козиѣ при козначѣе старце Иустине нынѣшняго сто девеноста шестаго году.

Сентября въ 10 ден принета в козну села Пошупова у Оники Боголѣпова с товариши за Кречинское озера за рыбную ловлю сорок алтын на нынешней на 196 году.

Октября въ 20 ден принета села Высокаго у мелника у Мишки Семенова мелничных денег десят рублевъ на нынешней на 196 году.

Декабря въ 29 ден принета в уплатъ по заемнай кабалѣ столника князя Андрѣя княж Иванова сына Дашкова двацат рублевъ на нынешней на 196 год.

Генваря въ 17 ден принета в козну села Высокаго у целовалника у Еоима Илина пашенных и луговых денег шестьдесят семь рублевъ збору прошлаго 195 году.

Февраля въ 21 ден принято в монастырскую козну у старца Еерема села Городища и деревни Хавертовой оброчных денег со крестьян семьдесят пять рублей деветнацат алтын на прошлой на 194 году.

Таго ж числа принята в монастырскую козну села Високаго у целовалника Еейма Илина пашенных денег сто девят рублей прошлаго 195 году.

Февраля въ 22 ден принято в козну села Високаго у мельника у Мишки Семенова мелничных денег два рубли нынешнего 196 году.

Февраля въ 23 ден продана на Москвѣ монастырская лошед ворон мерин взято восемь рублей без дву алтын.

Того ж числа по кобалѣ взято в уплату Лукяна Иванова сына Талызина двацат рублей.

Марта въ 1 ден принято села Високаго у старосты Петра Иванова крестьянскихъ денег вмѣста оброчнаго масла два рубли села Бого-явленскаго у старосты у Василя Мокарова принята вмѣста масла два рубли.

Деревни Пупкиной у старосты у Григоря Микиеорова принято вмѣста масла шестнацат алтын четьра денги.

Апрѣля въ 1 ден принято села Високаго у старосты Петра Иванова со крестьян вмѣста масла денег три рубли за прошлой за 194 год.

Продано монастырской меины прошлаго 195, и нынешнего 196 годов взято два рубли трицат адин алтын четьра денги.

Да воцинныхъ и проварных и дрожених денег два рубли семь алтын четьра денги.

Апрѣля въ 5 ден принято в монастырскую козну у московска страпчава у Олексыя Бисерова по заемной кобалѣ у Лукяна Талызина в уплат денег десят рублей.

Маия въ 2 ден по приказу архимандрита Онтония козначей старец Иустин принял в козну у старца Еерема на прошлой на 194 год пашенных и луговых денег сто рублей да на 195 год пашенных и луговыхъ денег три ста рублей за печатю и за ерлыками села Високаго целовалника Еейма Илина.

Маия въ 16 ден принята в козну села Високаго и целовалника Еейма Илина пашенных денег девяноста девет рублей збору прошлаго 195 году.

Маия въ 20 ден принято Огрооениной Пустыни девичя монастыря у слуги у Івашки Беляева за озера Вострое найму за рыбную ловлю два рубли за прошлой за 194 год.

Маия въ 21 ден принято у чашника старца Сергия дрожженных денег сорок алтын.

Августа въ 26 день принято в козну села Високаго у целовалника Еоима Илина пашенных денег сто рублевъ збору прошлаго 194 и 195 годов.

Тогож числа у него же целовалника Еоима принято луговыхъ денегъ пятьдесят рублев збору нынешнего 196 году.

Книги приходныя Богословскаго монастыря монастырьской кознѣ при козначѣи старце Иустине нынешнего 197 году.

Сентября въ 6 ден принята села Високаго у мелничнаго целовалника у Мишки Семенова мелничныхъ денег рубль восемь алтын збору прошлаго 196 году.

Того ж числа принята села Високаго у мелничнаго старца Саватѣя мелничныхъ денег шесть рублевъ збору прошлаго 196 году.

Сентября въ 10 ден принято у старца Еорѣма масленыхъ денег полтора рубли что он збирал села Богоевленскаго.

Ноября въ 20 ден принята в козну села Високаго у мелничнаго старца Саватѣя мелничныхъ денег семь рублевъ нынешнего 197.

Декабря въ 1 ден принята в козну села Городища и деревни Хавертовой у старосты у Мокара Елисеѣва недоборныхъ оброчныхъ денег два рубли за прошлой сто 94 год.

Декабря въ 23 ден принято в уплату по кобалѣ у князь Андрѣя и княж Ивановича Дашкова десят рубль.

Декабря въ 29 ден принята у чашника у старца Корнилиа дрожженныхъ денег сорок алтын два алтына.

Февраля въ 2 ден принята в козну села Високаго у мелничнаго старца Саватѣя мелничныхъ денег восемь рублевъ с полтиною на нынешней на ста девяноста седмой год.

Февраля въ 5 ден принята в козну села Високаго у целовалника у Еоима Илина пашенныхъ денег на прошлыя на ста девяноста третей.

и на ста девятиста пятай году пядесят два рубли и на ста деве-
носта шестой год двацат два рубли.

Феврала въ 7 ден принято в козну у старца Дмитрия мекинных
денег двацат три алтына двѣ денги.

Книги розходныя 192 году послѣ разбою.

Марта въ 5 ден ѣздил старец Саватей в Стрежань для монастыр-
ской покупки куплены сто цеперей двѣ доли девятнацат цыновак
сто девят лапотницъ дватцат четьре решета дано за все шездесят
четьре алтына пошлицъ и по мѣре дано пят алтынъ.

Того ж числа дано кресляину пустыньскому Гурки Ежову шездесят
алтынъ четьре денги что ѣздил с старцемъ Еорѣмом в Тоньбовъ.

Марта въ 13 ден ѣздил Марка Боранов в Москве дано ему на
дорогу три алтына две денги.

Марта въ 15 ден призжали ис Переславля от воеводы подьячия
в монастырь к сыщюку на ноемной подводе дано подвотчюгу три ал-
тына две ден.

Марта въ 17 ден куплено масла конопляного на монастырской
обиход полведра дано с полугривною десят алтынъ.

Того ж числа подѣлованы пят замковъ в Переславлѣ дано от дѣла
три алтына.

Марта въ 28 ден куплено в Переславлѣ горшков да масла на мо-
настырской обиход дано девят алтынъ.

Апрѣля въ 1 ден куплено на монастырской обиход свѣжей мѣлкой
рыбы дано пятьвятьцат алтынъ.

Того ж числа приходил николаевской попъ Гаврил в монастырь з
Богородицею дано ему отъ молебна три алтына двѣ денги.

Апрѣля въ 2 ден куплено на монастырской обиход свѣжей рыбы
четьре щуки колодочных да созан да ушной всякой рыбы дано шезд-
нацат алтынъ.

Апрѣля въ 12 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы
дватцат пят лещей дано тритцат алтынъ.

Того ж числа куплено свѣжей рыбы щуки поровая да двѣ коло-
дочных два леща три судока да ушной всякой мѣлкой рыбы дано
десят алтынъ четьре денги.

Апрѣля въ 14 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дватцат восьмъ щукъ поровых и колодочных пятнатцат лещей дано за все без дву алтынъ тритцат.

Того ж числа куплено бѣлоя рыбаца дана тринацат алтынъ две денги.

Апрѣля въ 20 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы десят лещей да ушной свѣжей всякой рыбы дано восьмъ алтынъ.

Того ж числа куплено на монастырь овошных всяких сѣмен дано три алтына две денги.

Маия въ 1 ден куплено на монастырской обиход свѣжей всякой рыбы стерлядей и лещей и язей и судоковъ а всей той рыбы тритцать пят рыб дано тритцат три алтына пущена в пруд.

Того ж числа куплено на монастырь у Кондрашки у Мещерека дватцат четыре доски дано з гривною десять.

Маия въ 4 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дано десять алтынъ.

Маия въ 6 ден куплено на монастырской обиход в городе горшков дватцат три горшка дано шесть алтын четыре денги.

Того ж числа куплено в Кузминску рыбы свѣжей стерлядей песнатцат рыб дано четыре алтына две денги да дехтю на четыре денги.

С марта мѣсяца с четвертова на десят числа по первое число мѣсяца маия жил архимандритъ в городе для монастырских дѣл исхарчено про гостей на рыбу и на всякой мѣлеой харчъ три рубли дватцать алтынъ сыщику Ивану Ушакову куплено в Переславли два стога сѣна дано два рубли.

На преполовене в день соборные церкви протопопы з братиею приходили на монастырской двор со святою водою дано им восьмъ алтын две денги пономорем восьмъ денегъ.

В празнику Иоанну Богослову куплено живых стерледей поровых и ушных по счету двѣсте дано шесть рублей.

В козенном митрополичемъ приказе за великоденския золотыя пять рублей.

Июня въ 1 ден куплено в Переславле у Михайлы Немчинова соли сто девяноста восьмъ пуд дано девятънатцат рублей дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Июня въ 3 ден куплено про монастырской обиходу ж рыбков дватцеть стерлядей живых дано бездву дватцеть алтынъ пущени в пруд.

Того ж числа куплена ббляя рыба дана четыре гривны.

Июня въ 5 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы двенатцат лещей да соли дано без полугривны дватцат алтынъ.

Июня въ 8 ден по указу архимандрита Гоасаа выдано старцу Даниле Муромскому козених денег рубль на платья.

Июня въ 13 ден куплено свѣжей всякой рыбы послана со архимандритом к Москве а дана та рыба три рубли с полтиною.

Июня в 15 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано тритцат алтынъ.

Того ж числа куплены про монастырской обиход в Кузминску трой колеса даны семь алтынъ четыре денги.

Июня въ 16 ден куплено в городе про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы шукъ и стерлядей и лещей и судовок тритцат три рыбы дано сорокъ алтынъ три алтына две денги.

Июня въ 18 ден куплено на монастырской обиход свѣжей рыбы дватцат пять лещей дано дватцат алтынъ.

Июня въ 20 ден куплено на монастырской обиход свѣжей мблкой рыбы дано четыре алтына четыре денги.

Того ж числа куплено на монастырской обиход свѣжей рыбы всякой десят рыб дано восемь алтынъ.

Июня въ 28 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы по счету девяноста рыб дана два рубли.

А та рыба того ж числа послана ко архимандриту к Москве с крестьянином Данилкою Авериным да ему ж Данилке Аверину дано на дорогу три алтына две денги.

Июля в 1 ден куплено про монастырской обиход у рыбков свѣжей всякой рыбы дватцать две рыбы дано петнатцат алтынъ.

Июля въ 5 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы десять рыб дано восемь алтынъ две денги.

Июля въ 7 ден куплено про монастырской обиходу всякой рыбы дватцет рыб дано восемь алтынъ.

Того ж числа куплено про монастырской обиход живых восемь стерлядей дано пять алтынъ пущены в пруд.

Июля въ 10 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано десять алтынъ.

Того ж числа куплено тринадцать стерлядей живых дано шесть алтын четыре денги пущены в пруд.

Июля въ 11 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы без дву дватцат рыбъ дано пять алтынъ две денги.

Бздил архимандритъ Иоасаѣ к москве для монастырских дѣл бдучи исхарчено на перевозах и на мостах з дватцети подводъ восемь алтынъ две денги куплено бумаги пицей двѣ дести дано два алтына четыре денги кушинов и горшков на два алтына на две денги выменено три блюда да шесть торѣлей оловяных на старья ломанья блюда да куплено двой сутки да крушки а оловяныя ж дано за все два рубля шеснатцат алтын четыре денги выменено десять иконъ Ионна Богослова в поднось шести листовыя тѣж иконы обложены серебромъ венцы резныя позлощены за промѣн и за серебро и за золото и за дѣло дано за все дватцат рублей двенатцат алтынъ две денги куплена братина серебряная въсу в ней сорок золотников дана два рубля дватцетъ шесть алтынъ четыре ден куплено на московское подворе решеток драгичных к сѣнемъ на крылцо на десят алтын на четыре денги.

Куплено двѣ рюмки да стакан съ еляничныя даны три алтына дров на дватцат алтын жил на Москвѣ пять недѣль исхарчено на всякой мѣлкой харчь про себѣ и про гостей три рубля дватцет пять алтынъ четыре денги сѣна лопедямъ куплено на тритцат на два алтына на московскомъ подворе колодес чистили дано дватцетъ пять алтынъ старцу Иоасаѣу крылошенину дано два рубли в жалованя лотка куплена дана два рубля шеснатцат алтынъ четыре денги.

С Москвы бхаль лоткою исхарчилъ дорогою про себѣ и про работных на квась и на хлѣбы восемь алтынъ две денги бечева дана два алтына две денги.

Июля ж въ 23 ден по указу архимандрита Иоасаѣа дано московскому дворнику Волоцьки Савелеву за работу шеснатцат алтынъ четыре денги.

Того ж числа куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано четыре алтына.

Июля ж въ 25 денъ куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы колодочныхъ щукъ и ушныхъ дано шесть алтынъ.

Того ж числа куплена въ Кузминску избушка на монастырской пчелникъ дана тридцатъ алтынъ четыре алтына две де[нги].

Июля ж въ 30 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы дватцатъ рыбъ дано осмнатцать алтынъ.

Августа въ 1 денъ куплено про монастырской обиходъ мѣлкихъ ушныхъ стерлядей по счету всѣхъ стерлядей сорокъ пять стерлядей да судокъ дано тридцатъ алтынъ.

Августа ж въ 3 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы щукъ колодочныхъ и ушныхъ дано четыре алтына.

Августа ж въ 11 денъ куплено рыбы про монастырской обиходъ двѣ стерляди в три четверти семь полуаршинныхъ девять ушныхъ пущены в пруд да битой четыре щуки да яз да белень да судокъ дано все деветнацат алтынъ четыре денги.

Того ж числа куплено семь щукъ да два судака дано три алтына две де[нги].

Августа ж въ 12 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы десятъ рыбъ дано четыре алтына.

Августа ж въ 15 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы четыре стерляди поровыхъ до восьмъ лещей дано дватцатъ шесть алтынъ.

Того ж числа куплено живыхъ и ушныхъ стерлядей сорок четыре стерляди дано шеснатцат алтынъ двѣ денги пущены в пруд.

Августа ж въ 16 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы бѣлая рыбаца восьмъ лещей дано четырнотцать алтынъ.

Того ж числа куплена бѣлая рыбаца да шесть лещей поровыхъ дано дватцат алтынъ.

Августа ж въ 18 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжихъ щукъ поровыхъ и колодочныхъ дватцатъ двѣ щуки дано тридцатъ три алтына две денги.

№ Августа ж въ 19 ден куплено про монастырской обиход живой всякой рыбы дано десят алтынъ три алтына две денги пущены в пруд.

№ Того ж числа куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дватцат пять рыбы дано восем алтынъ две денги пущены в пруд.

№ Августа ж въ 20 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано четыре алтына четыре денги.

№ Августа ж въ 22 ден куплено про монастырской обиход живых стерлядей дватцат три стерляди дано тратцат три алтына две де[нги] пущена в пруд.

№ Августа ж въ 23 ден куплено про монастырской обиход живых стерлядей дватцат двѣ стерляди два язя да судок дано дватцать пят алтынъ.

Того ж числа куплена бѣлая рыбаца да щука дано семь алтынъ четыре денги.

№ Августа ж въ 25 ден куплено про монастырской обиход двѣ рыбицы бѣлых двѣ щуки три леща дано шеснатцать алтынъ две денги.

Посланъ Аника Боголѣпов на Воронеж за разбойниками дано ему на харчъ пять рублевъ двенатцат ал[тынъ].

Коротояцкой воевода Михаила Опухтин прислал челоуѣка своего Василя Елецкого с отпискою что розбойники переиманы на Коротояке дано челоуѣку ево два рубли да стрелцу осмь алтынъ две де[нги].

№ Посланъ на Коротоякъ ис приказные избы подячей Яков Гардѣевъ для монастырския рухледи и лошедей что розбойники взяли дано ему на харчъ шесть рублев да с ним же нането в провожатых до Коротояна три челоуѣка емшиковъ дано имъ шесть рублевъ десять алтынъ.

С Тумы призжал приказной избы подячей Василей Попов от воеводы с отпискою что на Туле тѣх же воров переимоны товарищи дано подячему три рубли стрелцу рубль емшикомъ дано за прогону двенатцат алтынъ.

По именному великих Государей указу прислан в Переславль для розыску розбою Богословского монастыря столник и подполковник Иванъ Ушековъ да подячей Алексѣй Дмитреев да с ними сто челоуѣкъ московскихъ стрелцовъ сыщичу куплено вина на полтора рубли на шесть алтынъ подячему Алексѣю на тратцат алтынъ осмь стрелцом дано

на вино рубль ему же сыщику и подячему куплено свѣжей всякой рыбы на тридцать на шесть алтынъ какъ поѣхал сыщикъ ис Переславля къ Москвѣ дано ему в почестъ пегнатчет рублевъ подячему старому десят рублевъ двумъ подячимъ молодымъ дано по три рубля сотскому Алексѣю Иванову дано три рубля посылал сыщикъ монастырскаго стряпчего Еоима Глазатого с московскими стрелцами в Раской за оговорными людьми дано ему на харчь рубль.

По указу великих Государе прислан в Переславль другой сыщикъ Иванъ Иванов сынъ Леонтъевъ да подячей Максимъ Булатовъ куплено имъ в почестъ три пуда меду дано рубль деветнатчат алтынъ да им же куплено рыбы бѣлая рыба да стерляд дано рубль да сыщику же купленъ боранъ данъ шесть алтынъ четыре денги.

Послал сыщикъ на Коротоякъ за оговорными людьми подячего Андрѣя Рогова а с ним служилых людей пять человекъ дано имъ на дорогу рубль дватцат три алтына две денги да с ними же послано монастырских шесть человекъ слугъ дано имъ на дорогу рубль девять алтын емшиком за подводы заплачено прогонных денегъ сорокъ алтынъ на свѣжей двор сыщику куплено пищей бумаги три дести дано пять алтынъ заплаченнымъ мастерамъ дано десят алтынъ.

Вздил архимандритъ Иоасаеъ в город к успеваю дню приходили на монастырской двор со святою водою протопоп з братиею да имъ восемь алтынъ две денги сторожемъ восемь де[негъ] на милостину роздано два алтына жил архимандритъ в городе две недѣли исхарчено на всякой мѣлкой харчь дватцат три алтына две де[нги].

На усекновение Иоанна Предотечев день приходили со святою водою на монастырской двор предотеченския попы дано имъ три алтына две денги дьячкомъ четыре денги.

Купленъ в Переславли у Благовѣщенскаго у дьякона Дмитрія нынешнего выгона конь темно соврасъ осми лѣтъ на девятое данъ шесть рублевъ куплен кумачъ красной в церковь на полой данъ сорокъ алтынъ.

Августа въ 27 ден куплено в монастырь у мещерека Кондрашки двѣ лавки трех сажень да пят дощокъ дано тринатцат алтынъ две денги.

Того же числа куплено про монастырской обиход тысяща сливъ дано девять алтынъ две денги.

Августа въ 28 ден пошли из монастыря два стрелца московскихъ Савка прозвища Сапѣга с товарищемъ дано имъ на дорогу шесть алтынъ четыре денги.

Книги росходныя 193 году.

Книги росходныя Богословскаго монастыря монастырской казнѣ при казначѣе старце Иустине нынешнего 193 году сеньтебря въ 1 ден что по указу архимандрита Иоасава роздано брати и монастырскимъ работникомъ денежного жалованья.

Архимандриту Иоасау десять рублевъ выдано келарю старцу Аео-насию пять рублевъ выдано казначѣю старцу Иустину пять рублевъ выдано черному попу Тимоѣю четыре рубли выдано черному попу Павлу четыре рубли выдано дьякону Мартину три рубли крылоше-номъ выдано уставщику старцу Фотию четыре рубли выдано старцу Филарету Ветъчинкину два рубли выдано старцу Шмину Елатомъ-скому два рубли выдано старцу Еерему Тириновскому три рубли вы-дано пономорю старцу Венедикту три рубли старцу Данилу Муром-скому два рубли выдано старцу Иосиоу Миромскому два рубли выдано старцу Гурию два рубли выдано старцу Корнилию полтора рубли вы-дано конюшему старцу Тихону три рубли выдано житенному старцу Иларинону три рубли выдано ключнику старцу Торасию два рубли выдано старцу Иоакиму полтора рубли выдано пчелинцу старцу Са-ватию три рубли выдано да тозарищемъ ево пчелинцу Триоону два рубли выдано пчелинцу Ратѣи два рубли

выдано невоичку старцу Герасиму два рубли

выдано садовнику старцу Фодосю два рубли

выдано архимандричью келейнику старцу Моисею два рубли

БОЛНИЧНЫМЪ

выдано старцу Кириле два рубли

выдано старцу Серапиону рубль

КОНАРХИСТОМЪ

Сеньки Бронъницкому рубль выдано

Гришки Петрову рубль выдано

Васки Боголѣпову два рубли выдано

П С А Л О М Ъ Ш И К О М

Куски Иванову полтина выдано

Захарки Корнилъеву полтина выдано

Чесовнику Петрушки Герасимову рубль выдано

П О В А Р О М Ъ

Авдюшки Осипову два рубли выдано

Ивашки Дмитрееву два рубли выдано

выдано Моисеики Алексъеву полтора рубли

выдано хлѣбнику Ларъки два рубли

выдано Ложкомой Акимъки рубль

К О Н Ю Х О М Ъ

выдано Матюшки Григореву полтора рубли

выдано да сыну ево Еоимъки рубль

выдано Гаврику Иванову два рубли

выдано Коондрашки два рубли

выдано коровнику Гераски Путилину полтора рубли

выдано да сыну его рубль

О Г О Р О Д Н И К О М Ъ

Карпику Безсонову два рубли выдано

Оомъ Иванову два рубли выдано

Терешки Илгину полтора рубли выдано

страпчему Ивану Черкасову пять рублевъ выдано.

Янъки Кузмину рубль выдано

старцу Анътону Бельницъкому рубль выдано

работнику Ивашки Еоеъеву рубль выдано

просвирицы вдовой дьяконицы Евдокѣи рубль выдано

выдано вдовѣ Евдокѣи Игнатовской женѣ дано на платья дватцат
шесть алтынъ четыре денги

выдано вдовѣ Сооиі Обросимовской женѣ коровницы дано дватцат
три алтына две денги.

Сентября въ 1 денъ ѣздилъ архимандритъ Иоасаеъ в городъ приходили на монастырской дворъ соборные церкви протопопъ з братиею сосвятою водою дано имъ осмь алтынъ две денги пономарем осмь денегъ.

Горшковъ куплено в монастырь на осмь алтынъ на две денги салных свѣчь на осмь денегъ.

Масла конопляного куплено два ведра дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Куплено сукна зеленого яренка дватцат три аршина в каменные вѣли на лавки дано четыре рубли осмь алтынъ две денги.

Куплено выбойки дватцат три аршина дано два рубли тринацат алтынъ.

Сентября въ 2 денъ куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы шездесять лещей дано два рубля.

Того ж числа куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы сорокъ пять рыб дано дватцать алтынъ десят денегъ.

Сентября въ 3 денъ куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дватцат шук поровых и колодочныхъ дано десят алтынъ шесть денегъ.

Сентября въ 4 денъ куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дватцат пят шукъ поровых и колодочных да мѣлкой рыбы дано за все четырнатцат алтынъ.

Сентября въ 20 денъ куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано тритцат девят алтын две денги.

Сентября въ 21 денъ куплено про монастырской обиход хмелю в Кузминску у Воскресенскава дьякона Кирила двѣ четверти кузминской мѣры с полуосминою дано сорокъ сем алтынъ четыре денги.

Того ж числа куплено у монастырского креслянина у Панки Чюлева хмелю три четверика кузминской мѣры дано осмь алтынъ.

Того ж числа куплено в Кузминску кадца дана два алтына две денги да луку на шесть денегъ.

Сентября въ 22 денъ куплено про монастырской обиход рыбы к празнику Иоанна Богослова пят рыбиць бѣлых сто стерлядей поровых и ветлюжныхъ и ушных сорок шукъ поровых и колодочныхъ двенатцат судокв дватцат язей шесть лещей семь окуней и ушной всякой рыбы дано за всю рыбы семь рублей тритцат адин алтынъ четыре денги.

У Того ж числа куплено в Переславли сто ложакъ десят блюд оунтъ сурику дано за все шеснатцат алтынъ четыре денги.

Сентября въ 23 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано тритцат два алтына две денги.

Сентября въ 24 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы бѣлая рыба дватцат четыре шуки поровых и колодочных дано за все дватцат восемь алтынъ.

Того ж числа куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано десят алтынъ две денги.

Октября въ 4 ден куплено про монастырской обиход в Кузминску двѣ кошмы чесноку на сѣмена дано тритцат алтынъ.

Октября въ 5 ден куплено в Кузминску церкви Воскресение Христова у вдовой попади вкратерьтъ в монастырь въ трапезу дано семнатцат алтынъ.

Того ж числа куплено в Кузминску про монастырской обиход свѣжей мѣлкой рыбы дано двенатцат алтынъ.

Октября въ 18 ден ѣздил из Переславля Резанского площадной полячей Семен Сарыков по челобитю архимандрита Иоасова з братиею в боръ досматриват рубленого дѣсу дано ему ѣзду рубль да стрелцомъ дано тремъ человѣком ѣзду рубль шеснатцат алтынъ четыре денги.

Октября въ 20 ден куплено в монастырь бревно на лодило дано восемь алтынъ две денги в селѣ Навоселках.

Октября въ 21 ден ѣздил келарь в Переславль Резанской для монастырскихъ дѣлъ писаны челобитныя и списанъ з грамоты дано от писма подячему пять алтынъ.

Куплено подячему Семену Сарыкову дестъ бумаги дано два алтына.

Да ему ж подячему ѣзду дано четыротцат алтынъ двумъ стрелцемъ шеснатцат алтынъ.

Воеводе куплено рыбы в почетъ на восемь алтынъ на две денги.

Жил в городе недѣлю исхарчилъ про себя и про гостей с полу-гривною десят алтынъ.

Октября въ 22 ден куплено в Кузминску про монастырской обиход свѣжей рыбы семдесят язей дано дватцат алтынъ.

Ноября въ 1 ден куплено в Переславли на монастырской двор у подячего у Матвѣя Макарова горница на глухомъ потѣльбѣ дана тринадцат рубль.

В той же горнице складена печь изрочатоя от дѣла рубль.

Да на ту же печь куплено проволокъ и кручьбов на двенадцат алтынъ.

Плотники дѣлали сѣни перед горницею издержано про них по всякой харчѣ дватцат пят алтынъ.

Куплено в Переславли свѣжей рыбы на рубль на дватцат алтынъ отнесена в почет воеводе Максиму Игнатовичу да писцу Ивану Шротасеву.

Жил архимандритъ в городе двѣ недѣли какъ келю оставили и печь клали исхарчено на всякой мѣлкой харчѣ про гостей и про себя рубль десат алтынъ.

Свѣч салных издержано на два алтына на две денги.

Ноября въ 3 ден пошел из монастыря отставной стрелець Оилка Яковлевъ приказу и полку Бориса Дементьева дано ему на дорогу пять алтынъ.

Того ж числа куплено про монастырской обиход осмина хмелю кузминской мѣры деревни Иванчиной у сына боярского Мины Иванчинова дано шесть алтынъ.

Ноября въ 14 ден поѣхалъ Аника Боголѣпов к Москве дано ему на дорогу четыре гривны.

Ноября въ 15 ден ѣздил келар в город Переславль куплено плотником мяса на два алтына.

Куплено горшков да рыбы просолной сурику на печь масла сѣменого дано за все шесть алтынъ две денги.

Сто салных свѣч дано шесть алтынъ четыре денги яиць на две денги.

Куплена дѣша белужины дана четыре алтына четыре денги отнесена в почет воеводе Максиму Игнатовичу Селиванову.

Дѣлоны к сѣнем и къ чуланом три чепи да три скобы да почи-неванъ замокъ да двенадцат двоздей пришивочныхъ дано от дѣла четыре алтына.

Салных свѣчь да соли на два алтына.

Ноября въ 21 ден куплено в Переславле горшков на монастырской обиход дано шесть алтынъ.

Декобря въ 1 ден купленъ в Кузминску монастырскому работнику Гришки Иванову шубной кованъ новой нагольной данъ дватцат алтынъ.

Того ж числа куплено в Кузминску про монастырской обиход трои сани пошевни да сукно шеснатцат аршинъ дано за все трицат три алтына.

Декобря въ 2 ден куплено в Переславли про монастырской обиход сто салных свѣчь дано шесть алтынъ.

Того ж числа приѣзжали ис Переславли в монастырь митрополей сынъ боярской да подячей повѣщали залотыя великоденския дано имъ два алтына.

Декобря въ 3 ден поѣхал Аника Боголѣлов к Москве дано ему на дорогу осмъ алтынъ две денги.

Того ж числа села Кузминска нанят кресьянин Гришка Игнатьевъ в монастырь пробиват конопляного сѣмя на масла дано ему за работу четыре алтына.

Декобря въ 4 ден по указу архимандрита Иоасава выдано из казны денежнаго жалованя стряпчему московскому Алексѣю Бисерову дватцет рублевъ.

Декобря въ 6 ден куплено в Переславли про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы шездесят четыре рыбы дано два рубли шеснатцат алтынъ четыре денги.

Куплено луку Переславской четверикъ дано пят алтынъ.

Сто салных свѣчь дано шесть алтынъ.

Декобря въ 25 ден ѣздил архимандрит Иоасава в город Переславль в празнику Рождеству Христову приходили на монастырской двор протопопъ з братиею дано имъ славленаго осмъ алтынъ две денги пономарем осмъ денегъ.

Пѣвчимъ и подякомъ на двѣ станицы дано полтора рубли.

Тремъ подякономъ дано десят алтынъ.

Арханъелекому попу да дякону и дячку дано четыре алтына.

Крестовымъ восемь алтынъ две денги.
Мирскимъ попомъ и дьячкомъ роздано рубль в работникомъ куплено мяса на два алтына.

Генвора въ 1 ден куплено в Переславли про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы по счету всей двѣ стѣ десятъ рыбъ дано пятъ рублевъ.

Генвора въ 3 ден куплено в Переславли у подячего у Ивана Морозова драви восемь тысящъ про монастырской расход дано девятъ рубль.

Того ж числа куплено в Кузминску хмелю три четверика кузминской мѣры да десять начовакъ два ушата да работнику Гришки Иванову новоя рубаха дано за все три гривною десять алтынъ.

Генвора въ 4 ден приѣзжал с Москвы пристав разбойного приказу Артемей Максимов в Переславль к воеводе с отпискою объ монастырском дѣле дано ему ѣзду шеснатцат алтынъ четыре денги.

Генвора въ 5 ден куплено в Кузминску про монастырской обиход двѣ бочки пивныя да кадца дано четырнотцат алтынъ.

Того ж числа по указу отца архимандрита Иоасаа выдано искозны часовнику Петрушки на плата рубль.

Генвора въ 6 ден куплено в Переславли воеводе два пуда меду дано рубль.

Того ж числа Ограбниной Пустыни крестьянин Тимошка Ежов дѣлалъ в монастырь быковыя четыре хороины дано от дѣла четырнотцатъ алтынъ.

Брылошенину старцу Иоасау дано за полгода рубль.

Монастырскимъ работникомъ Свирки Оролову Петрушки Леонтъеву дано им по палтине.

Генвора въ 7 ден куплена неводная матица семь дѣлей неводных же дано за все три рубли восемь алтынъ две денги.

Февроля въ 1 ден куплено в Переславли у подячего Ивана Морозова тысяча лупьков на монастырской расход дано пятнатцат рублевъ.

Февроля въ 2 ден приѣзжал с Москвы в монастырь подячей балшия казны Аeonасей Прокоев дано ему пятъ рублевъ.

Ѣздил архимандрит Иоасаеъ к Москве для монастырских дѣлъ дарою исхаръчено наслѣжного и пролубного два алтына две денги.

На Москвѣ куплено горшков и купинов на два алтына на две денги.

Сѣна воз данъ тринадцат алтынъ две денги.

Дров куплено на тридцат на два алтына на четыре денги.

Жил архимандритъ на Москвѣ три недѣли исхарчилъ на всякой мѣлкѣй харчъ про себя и про гостей и монастырским работником три рубли пятнадцат алтынъ четыре денги.

Свѣчь салных издержано на восемь алтынъ.

Выменены пять иконъ Иоанна Богослова пяти листовыя в поднос обложены серебромъ дано за промѣнъ и за серебро тринадцат рублевъ шеснатцат алтынъ четыре денги.

Заменял два котла поваренных да три сковоротки черных давал лудить дано за прибавочную мѣдь и за дѣло тридцат шест алтынъ четыре денги.

Куплено свѣжей рыбы два лосея шесть стерлядей десят шукъ пят лещей пять судоков дано три рубли дватцат девять алтынъ отнесена та рыба в почестъ приказу балшия казны околичему Алексѣю Ивановичу Ржевскому и разбойного приказу дѣяком.

Отставным московским стрелцомъ семи человекомъ которая по указу великих Государей в монастырѣ на корму дано имъ денежного жалованья тринадцат рублевъ десять алтынъ две денги.

Куплено про монастырской росход пять осетров свѣжих даны шездесять алтынъ.

Куплены сани красныя володимерского дѣла даны дватцат три алтына две денги.

Дуга два алтына.

Десять хвостов мѣ хомуту три алтына две денги.

Печь ценинная круглая дана четыре рубли.

Разбойного приказу подячему Ивану Яковлеву дана полтина что писал грамоту о Василе Охмылове.

От печати той грамоты дано дватцат пять алтынъ.

Отъ записки два алтына четыре денги.

Сторожаж и от воску четыре денги.

Емъшигу пять алтынъ.

Приставом двум человекъ дано хоженого два алтына.

Стряпчего брату Алексѣю дано на одежду рубль.

Турченину Федору дано на шубу рубль четыре алтына четыре денги.

Куплено пят тушь даны три рубли шесть алтынъ четыре денги роздавы в почестъ дьякомъ житенного приказу да помѣсного приказу подячимъ от земляного дѣла.

С Москвы фдучи ис харчено девят денегъ.

У Федора Филипова оставлено на Москвѣ на монастырския проходы пятнадцать рублей.

Февраля въ 4 ден куплено в Кузминску три четверика хмелю кузминской мѣры дано пять алтынъ.

Куплено в Переславли про монастырской обиход дватцат горшков да бочка медвеная десят ушатовъ двѣ коропки лубенья да карыта дано за все четырнотцат алтынъ.

Февраля въ 5 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дано четыре алтына.

Марта въ 1 ден куплено в Переславли про монастырской обиход сто дватцать рогож лапотницъ девяноста пещерей десят лопат два сита дано за все трицат адинъ алтынъ.

Марта въ 2 ден куплено в Ижевску про монастырской обиход хмелю три воспища дано за все два рубли трицат алтынъ две денги.

Марта въ 3 ден куплено в Кузминску про монастырской обиход четыре кадцы дано десять алтынъ две денги.

Того ж числа куплено в Переславли сто салных свѣчъ дано шесть алтынъ.

Марта въ 15 ден куплено в Переславле про монастырской обиход трицат рогожъ цыновакъ дватцат пещерей десят лопать дано за все рубль.

Того ж числа куплено въ Переславли про монастырской обиход дватцат горшковъ пят решетъ да сита дано за все семь алтынъ четыре денги.

Села Кузминска нанеть кресянинъ Оксенка Тимоѣев пробивать семеннаго масла про монастырской обиход дано ему за роботу четыре алтына.

в Марта въ 24 ден куплено в Переславли про монастырской обиход полчтверика лука дватцаторогож лапатыницъ дватцат пещерей два решета десят лаботъ реднины дватцат начовъ дано за все пятнатцат алтынъ две денги.

Марта въ 25 ден по указу архимандрита Гоасаѳа дано явленскому попу Никите в милостину шеснатцат алтынъ 4 де[нги].

Марта въ 28 ден куплено в Переславле про монастырской обиход росады тринацатъ крюков сосновых на хоромы пять хомутин дано за все семь алтынъ.

Марта въ 30 ден куплено в Кузминску про монастырской обиход три кадцы три горшка суравики три решета дано за все тринацат алтынъ две денги.

Того ж числа куплено в Переславли в монастырь лагунъ дехту дано дватцать алтынъ.

Апрѣля въ 1 ден куплено на монастырь семь делей неводных дано за все рубль пятнатцат алтынъ две денги.

Куплено в Переславли Резанскомъ в нутрѣ городѣ у Козмодемьянской часовни у подячего приказу болшия казны у Григоря Стефанова двор с хоромы ис садомъ из дворовымъ ис садовымъ мѣстомъ а длина дворовому мѣсту десят саженъ а полерекъ девять саженъ два аршина съ четвертью а садовому мѣсту длина четырнотцат саженъ а поперекъ тринацатъ саженъ в трехаршинною саженъ а в саду шездесятъ восьмъ яблоней а на дворѣ хоромы горница бѣлоя на глухомъ потъклѣте против ея изба черная с сѣнми а в сѣнхъ чюланъ да погреб с напогребицею оныбар з закромы баня с сѣнми а сеница а двор гороженъ заметом а окола двора и салу замету тритыцат шестъ звенъ а дано за тотъ дворъ с хоромы ис садомъ сто семьдесятъ рублевъ.

Апрѣля въ 7 ден куплена изба на монастырской двор в деревню Воронку у вдовы Евдокьи Ивановской жены Черкасова дана пять рублевъ.

Апрѣля ж въ 14 ден куплено в монастырь про братцкой обиход свѣжей рыбы бѣлая рыбаца семдесят лещей поровых дано за все два рубли.

Апрѣля ж въ 17 ден куплено свѣжей всякой рыбы про братцкой обиход дано двенатцат алтынъ 2 де[нги].

Апрѣля въ 20 ден в понедѣльник свѣтлыя недѣли приходили в монастырь з Богородицею николаевской попъ Гаврил дано ему от молебна три алтына двѣ денги.

Апрѣля ж въ 27 ден куплено про братцкой обиход свѣжей всякой рыбы дано пят алтынъ четыре денги.

Маия въ 1 ден куплено въ Переславли про монастырской обиход древяной посуду блюд і братинъ и ставцовъ да оунтъ древянова масла дано за все пятнатцать алтынъ четыре денги.

Дворнику Кузки дано на рогожи четыре алтына.

Маия въ 4 ден куплено к празнику Іоанна Богослова свѣжей всякой рыбы тритцать лещей дватцат два судока четыре шуки дано за все тритцать семь алтынъ.

Маия въ 5 ден куплено в Кузминку про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы сорокъ осемъ рыб дано за все тритцат алтынъ четыре денги.

Маия въ 6 ден куплено к празнику Іоанну Богослову свѣжей всякой рыбы сто тритцат рыбъ дано за все три рубли тринацат алтынъ.

Маия въ 8 ден куплено про монастырской обиход живой осетрь стерляди да осемъ дано рубль осемъ алтынъ две денги пущена в пруд.

Маия в 9 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы дано за все девят алтынъ четыре денги.

Маия въ 15 ден куплено про монастырской обиход живых стерледей дватцат двѣ стерледи дано осмнатцать алтынъ пущены в пруд.

Маия въ 16 ден купленъ бродникъ про монастырской обиход к істоку на сакъ дано пятнатцат алтынъ четыре денги.

Куплено про монастырской обиход двѣ стерледи в аршинъ шесть полуаршинных дано пятнатцать алтынъ.

Маия ж въ 19 ден куплено про монастырской обиход бѣлая рыбица два судока дано десят алтынъ.

Маия ж въ 21 ден куплено про монастырской обиход дрѣ бѣлая рыбицы двѣ стерледи дано шеснатцат алтынъ.

Куплено про монастырской обиход живых дватцатъ стерледей дано десять алтынъ.

Маия въ 27 ден куплено про братцкой обиход свѣжей всякой рыбы трицатъ семь рыб дано за все осмнатцать алтынъ.

Маия въ 29 ден куплено рыбы в поднос владыки і воеводе дано за тое рыбу трицатъ пять алтынъ колочей на десят денегъ.

Того ж числа по указу архимандрита Иоасава выдано из казны жалованных денегъ старцу Кирилу что живетъ на Глинищу на пчелнику два рубли.

Маия въ 30 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано дватцатъ три алтына.

Юня въ 1 ден куплено про монастырской обиход живых стерлядей дватцатъ четыре дано деветнатцатъ алтынъ пущены в пруд.

Юня въ 3 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы трицатъ четыре рыбы дано дватцатъ алтынъ осмъ денегъ.

Юня въ 8 ден куплено про монастырской обиход дватцатъ стерлядей живых дано дватцатъ три алтына две денги пущены в пруд.

Того ж числа куплено про братской обиход свѣжей рыбы трицатъ лищей дано дватцатъ шесть алтынъ четыре денги.

Юня въ 11 ден куплено про братской обиход свѣжей всякой рыбы дано за все дватцатъ адиятъ алтынъ.

Куплено про братской обиходъ свѣжей мѣлкой всякой рыбы дано десять алтынъ.

Юня въ 13 ден куплено про монастырской обиход бѣлой рыбаца да три стерляди десятъ ззей дано тринатцатъ алтынъ.

Юня въ 21 ден куплено живая стерлетъ пяти педей дана трицатъ алтынъ пущена в прудъ.

Того ж числа куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано пять алтынъ двѣ денги.

Юня въ 24 ден куплено про монастырской обиход бѣлой рыбаца да двенатцатъ лещей поровых да двѣ шуки поровых же да судакъ и всякой ушной рыбы дано за все дватцатъ семь алтынъ четыре денги.

Юня въ 26 ден куплено про монастырской обиход бѣлой рыбаца три леща поровых да осмъ да ушной всякой рыбы дано за все семнатцатъ алтынъ.

Июля въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы бѣлая рыба дватцать семь лещей поровых да сом дано за все тритцат семь алтынъ две денги.

Июля въ 5 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы шеснатцать лещей поровых да стерлядь дано шеснатцат алтынъ четыре денги.

Июля въ 10 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дано десять алтынъ две денги.

Июля въ 14 ден куплено свѣжей рыбы щука поровая да пять стерлядей шесть судаков шесть лещей поровых дано девятцат алтынъ.

Июля въ 19 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы четыре стерляди шесть лещей поровых дано шеснатцат алтынъ четыре денги.

Июля въ 21 ден по указу преосвященнаго Павла митрополита ѳздилъ архимандрит в Переславль куплено в Переславли свѣжая рыбы на тринацат алтынъ на две денги горшков куплено въ монастырь на четыре алтына на четыре денги.

Нищим на милостину роздано три алтына две денги.

Жил архимандрит в городе недѣлю исхарчил на всякой мѣлкой харчь про гостей и про свой расход тритцат адин алтынъ четыре денги.

Июля въ 24 ден куплено про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы дватцат стерлядей поровых и ушных два леща да сом дано дватцат пять алтынъ две денги.

Августа въ 1 ден на происхождение в день приходили на монастырской двор саборныя церкви ключар с товарищи со святою водою дано имъ осмь алтынъ две денги поварем шесть денегъ.

Августа въ 3 ден куплено про монастырской обиход живой осетрь шесть стерлядей дано рубль шесть алтынъ четыре денги пущена в пруд.

Того ж числа куплено свѣжей рыбы бѣлая рыба пять стерлядей поровых два судака щука поровая два леща поровых і всякой ушной рыбы дано за все рубль десять алтынъ четыре денги.

Августа въ 6 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы тритцать три рыбы дано тритцать алтынъ.

Августа въ 8 ден куплено свѣжей рыбы двенадцат лещей поровых дано дватцать шесть алтынъ четыре денги.

Августа въ 9 ден куплено про монастырской обиход рыбы свѣжей дватцат четыре рыбы дано шеснатцат алтынъ четыре денги.

Августа въ 10 денъ куплена про монастырской обиход петнатцат лещей живыхъ дано дватцат алтын пущены в прудъ.

Августа въ 12 денъ куплено всякой свѣжей рыбы про монастырской обиход тритцат четыре рыбы дано тритцат алтынъ.

Августа въ 15 денъ куплено всякой свѣжей рыбы дватцат шесть рыб дано девятнатцат алтынъ.

Того ж числа куплена свѣжей рыбы мѣлскй ушной дано четыре алтына две денги.

Августа во 18 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы шездесят рыб дано тритцат два алтына.

Августа въ 20 ден куплено про монастырской обиход бѣлой рыбы десяти лещей живых дано семнатцать алтынъ пущены в пруд.

Куплено свѣжой рыбы сомъ два ланя да судокъ дано пять алтынъ.

Августа въ 23 ден куплено про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы дватцат пят рыб дано рубль.

Куплено свѣжей рыбы про монастырской обиход двенадцат щукъ колочных дано сем алтынъ.

Августа въ 25 ден куплено про монастырской обиходъ хмело семь четвериковъ кузминской мѣры у монастырского кресянина у Панки Чулева дано девят алтынъ.

Чулева дано девят алтынъ.

Августа въ 26 ден куплено про монастырской обиход в Переславле Резанскомъ на кружечномъ дворѣ вина сорокъ восемь вѣдръ дано десять рублевъ три алтына две денги.

Августа въ 29 ден приходили на монастырской двор предотеченские поны со святою водою дано имъ пят алтынъ пономорю четыре денги.

По указу архимандрита Иоасава выдано казенному дьячку Васки Богольпову за писмо шеснатцат алтынъ четыре денги.

В митрополичей казенной приказ за великоденский золотыя пять рублевъ.

Бежалъ изъ монастыря ис под башни розкольникъ старецъ Саватей нанеты в погоню переславльския емшики дано им найму рубль дватцать алтынъ.

Поймали розкольщика у вдовы Григоревския жены Лепунова дворовые люди Тараска с товарищем дано им за переемъ рубль.

По отписки архимандрита Иосаеа выдана ис козны козенныхъ денегъ сто рублевъ посланъ к нему архимандриту в село Плахина старцамъ Θεодосиемъ Михайловскимъ на церковное строение.

Книги расходныя 194 году.

194 году сентебря с первого числа роспис, что роздано ис казны денегъ братиі на всякую одежду и на сопоги и на свитки.

Келарю старцу Аѳанасію четыре рубли.

Казначею старцу Иустину четыре рубли.

Ч Е Р Н Ы М Ъ П О П О М

попу Тимоѳею три рубля

попу Павлу три рубля.

Дьякону Мартину три рубля.

Дьякону Максиму три рубля.

К Р Ы Л О Ш А Н О М

Устаошику старцу Ѳотию три рубля

головшику старцу Варламу два рубля с полтиною

старцу Ѳиларету Ветчинкину полтора рубли

старцу Еѳрему два рубли с полтиною

старцу Пѣмину Елатомскому полтора рубли.

Сенодичному старцу Монойле полтора рубли.

Пономорю старцу Венедикту на одежду и что он часы водить и свечи сучит два рубля с полтиною.

Поселскому старцу Гурію два рубля.

Влючнику старцу Савотью два рубля.

Пчелинцу старцу Тихону два рубли да товарищемъ ево Родки Леонтьеву полтора рубли Янки Микулину рубль

Неводчику старцу Герасиму полтора рубли

Садовнику старцу Федосею полтора рубли.

Болничному старцу Кирилу рубль.

Старцу Ерасиму рубль.

Старцу Александру за прошлой за 193 год и за нынѣшней 194 год три рубли.

П О В О Р О М Ъ

Авдюшки Осипову два рубли

Ивашки Дмитреву два рубли

Моисейки Алексѣеву полтора рубли

Ивашки Евсеѣву рубль.

Хлѣбнику Ларки два рубли

К О Н Ю Х О М Ъ

Конюшему Федору Турченину три рубли

Гаврилки Иванову полтора рубли

Ееимки Матееву полтора рубли

О Г О Р О Д Н И К О М

Терешки Ильину полтора рубля

Просвирице вдовой попадьи Дарьи рубль

Казенному дьячку Васки Боголѣпову полтора рубля.

Дьячку Григорью Петрову дано на одежду рубль

Ключнику Василью Сазану выдано ис казны шеснатцат алтынъ четыре денги

Головнику старцу Иринарху борковскому выдано на платья денежного жалована за шесть мѣсяцовъ тридцатъ алтынъ.

Дьячку Куски Иванову выдано на платья полтина.

Попу Троюму съ сыльному дано на плата шеснатцат алтынъ четыре денги.

Боровнику Гараски Путилину дано рубль *).

*) Въ приходо-расходной книгѣ вырѣзано восемь слѣдующихъ четвертушекъ и запись расхода начинается съ 23 сентября. А. Ч.

Сентября въ 23 ден куплено к празднику Иоанна Богослова свѣжей всякой рыбы щукъ поровых и колодочных дватцат пят рыбы и ушной всякой рыбы дано за все дватцат пят алтынъ.

Куплено в Переславли осмуха оунта гвзздики сто салных свѣж дано адиннатцат алтынъ две денги.

Сентября въ 25 ден куплено стерлят в аршинъ дано дватцат три алтына две денги.

Того ж числа куплено свѣжей всякой рыбы тритцат четыре рыбы дано дватцат алтынъ шесть денегъ.

Сентября въ 27 ден куплено про монастырской обиход двѣ рыбыци бѣлых пят щукъ поровых и колодочных да ушной всякой рыбы дано за все осмнатцат алтынъ две денги.

Того ж числа куплено про монастырской обиход щука пяти пядей восьм стерледей десят судовоь дано дватцат три алтына две денги.

Сентября въ 28 ден куплено в Кузминску про монастырской обиход двѣ кошмы чесноку на сѣмена дано сорокъ алтынъ.

Того ж числа куплено в Кузминску в монастырь двѣ катцы на копусту дано адиннатцат алтынъ.

Да лошкой Юдки куплена рубаха да портки дано четыре алтына две денги.

Сентября въ 29 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы девят щукъ поровых и колодочных и всякой ушной рыбы дано десять алтынъ.

Октября въ 1 ден куплено про монастырской обиход три рыбыци бѣлыя судаъ да лещъ дано рубль.

Куплено про монастырской обиход четыре сома да стерлят дано осмнатцатъ алтынъ.

Октября въ 3 ден куплено про монастырской обиход бѣлая рыбаца пят щукъ поровых и колодочных и ушной всякой рыбы дано шеснатцат алтынъ четыре денги.

Того ж числа поѣхал из монастыря в Москве Аника Боголѣпов для монастырских дѣл дано ему на дорогу шесть алтынъ четыре денги.

Октября въ 9 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дватцат пят рыб дано дватцат три алтына четыре денги.

Того ж числа куплено свѣжей всякой рыбы дватцат рыб дано дватцат алтынъ.

Октября въ 10 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы тритцат четыре рыбы дано деветнацат алтынъ две денги.

Октября въ 11 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы дватцат пять рыб дано дватцат восемь алтынъ.

Октября въ 15 ден куплено про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы тритцат рыб да ушной мѣлкой рыбы дано за все дватцат четыре алтына четыре денги.

Того ж числа куплено в Кузминску холстъ семнатцат локот монастырским работникомъ на рубахи Юдки да Тимошки дано шесть алтынъ.

Куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы ушной дано восемь алтынъ.

Октября въ 26 ден поѣхол изъ монастыря Марко Боранов к Москве дано ему на дорогу три алтына две денги.

Вздил архимандритъ в город в Переславль куплено воеводе Лаврентью Усову свѣжей рыбы на дватцат алтынъ.

Плотноком Гаврилу Васильеву с товарищи дано три рубля тринацат алтынъ две денги что в Переславли на новомъ дворѣ кѣблю Переславливоли в той же кѣбли складена печь ценинная круглоя дано от дѣла каменшикомъ рубль.

По указу преосвященного Павла митрополита жил архимандрит в городе двѣ недѣли исхарчано прогостей и про себя на рыбу и слугам на мяса дватцат девят алтынъ две денги свѣчь салных издержано на восемь денегъ.

Октября въ 28 ден куплено въ Переславли про монастырской обиход дватцат два горшка четыре кушина тринацат аршинъ крашенины на епанчи на потѣлотки и на опушки дано за все четырицат алтынъ четыре денги.

Ноября въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы восемьдесят пять рыб и ушной всякой рыбы дано за все рубль тритцат алтынъ четыре денги.

Ноября въ 3 ден села Кузминска кресьянин Гришка Кунѣгин нанет в монастырь пробиват конопляного сѣмя на масла дано ему за роботу три алтына четыре денги.

Ноября въ 5 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы тритцат три рыбы дано пятнатцать алтынъ.

Ноября въ 7 ден куплено в Переславли два портища пуху три сурка шолоковых на шубы дватцат пят аршин крашенины на епанчи на потелатки и на санныя полсти на опушки дано за все дватцат пять алтынъ четыре денги.

Того ж числа куплено двой рукавицы на монастырской расход дано семь алтынъ четыре денги.

Куплен холсть монастырским работником двенатцат аршинъ на рубахи дано четыре алтына две денги.

Ноября въ 9 ден по указу архимандрита Иоасаа переславскому площадному подъячому Куски Сооронову дано за писмо шесть алтынъ четыре денги.

Прикуплено в Переславли в нутрѣ городе в монастырскому подворью у князя Андрѣя Иванова сына Дашкова огородного ево мѣста длиннику десят сажен с оршином поперек четырехъ сажен в трехаршинною сажень а дано за то мѣста ему князю Андрѣю дватцать рублевъ денегъ и купчая на то мѣста взята.

Декабря въ 1 ден куплено в Переславли монастырскимъ работником тритцат авчинъ на шубы да двѣ телятины на шубы на опушки дано за все три рубли четыре денги.

Купленъ новой шубной коетаянъ ногольной конюху Матюшки дано рубль.

Декобря въ 4 ден куплено в монастырь двѣ кипе хмелю на пиво дано за две кипы три рубли пят алтынъ.

Декобря въ 6 ден приходил в монастырь со святою водою николаевской пощъ Гаврилъ дано ему десят дерегъ.

Куплено в Кузминску сани пошавни дано три алтына две денги.

Декобря въ 21 ден куплено в Переславли два сукна дватцат четыре аршина дано двацат шесть алтынъ две денги.

Декабря въ 23 ден куплено в Переславли про братской обиход воз свѣжей рыбы шукъ и язей и лещей дано за тое рыбу два рубли дватцат шесть алтынъ две денги.

Того ж числа куплено на епанчи четверы нашивки дано четыре алтына четыре денги.

в Декабря въ 25 ден приѣзжали в монастырь ис Переславля соборныя церкви попы славит дано имъ славленого восемь алтынъ две денги подьяконом дано славленого десять алтынъ пѣвчимъ и подьякомъ на все станицы дано славленого рубль шеснатцат алтынъ четыре денги монастыреким чорным попом и дякономъ дано славленого и крылошаном восемь алтынъ две денги.

Ис Переславля съѣзжей избы подьячому Василей Мухин славил дано ему славленого восемь алтынъ две денги.

Митрополю дому казенного приказу подьячимъ Григорю да Евсѣграту дано славленого три алтына две денги.

Николаевскому попу Гаврилу дано славленого десять денегъ.

Декабря въ 27 ден приѣзжали ис Переславля митрополи дѣти боярския Аонасий Озеров с товарищем повещали из залотых дано имъ повѣстного ѣзду два алтына.

Куплено в Переславлѣ про монастырской обиход дватцат горшковъ дано пят алтынъ.

Куплено в Переславлѣ про брацкой обиход просолная белуга дано тритцат алтынъ десят денегъ.

Декабря въ 28 ден куплено в Переславлѣ про монастырской обиход двѣсте салных свѣчь дано адинотцот алтынъ две денги.

Куплено в Переславлѣ про монастырской обиход полчетверика луку дано шесть алтынъ.

По указу архимандрита Иоасафа выдано подначалному муромскому попу Федору в милостину пять алтынъ.

Генвора въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы всякой полвоза дано тритцать алтынъ.

Генвора въ 5 ден приѣзжал с Москвы в монастырь молитца боярин князь Василей Василевичъ Голицынъ.

Куплено про монастырской обиходъ два воза свѣжей всякой рыбы шукъ и лещей и язей и сазановъ и коросей дано за два воза шесть рублевъ дватцат алтынъ четыре денги.

Генвора въ 7 ден по указу архимандрита Иоасафа в братию выдано изъ казны денежного жалованя московскому стряпчему Алексѣю Бисерову дватцать рублевъ.

Генвора въ 17 ден куплено про монастырской обиход хмелю на пиво четыре кшы дано четыре рубля дватцат шесть алтынъ четыре денги.

По указу архимандрита Иоасава выдано ис казны конюху Матюшки Новому шеснатцат алтынъ четыре денги.

Генвора въ 20 ден куплено в Переслави про монастырской обиход воз свѣжей рыбы дано два рубли шесть алтынъ четыре денги.

Того ж числа села Кузминска портной мастер Антошка Арѣхов шиль в монастырю монастырским работникомъ два зипуна да обдѣлал три епанчи да полсть санную дано ему за роботу семь алтынъ четыре денги.

Генвора въ 21 ден куплено в монастырь сто салных свѣчъ дано шесть алтынъ.

Феврала въ 4 ден куплено в Переслави на монастырской двор шесть столов дубовых дано адиннатцат алтынъ.

Феврала въ 7 ден куплено въ монастырь груздей двѣ кадки дано шеснатцат алтынъ четыре денги.

Феврала въ 9 ден куплено в Переслави про монастырской обиход дватцать рогожъ цыновокъ сито решето два корца дано дватцать два алтына две денги.

Того ж числа куплено в Переслави про монастырской обиход ведро сѣменного масла дано тритцат шесть алтынъ четыре денги.

Феврала въ 11 ден куплено в монастырь две кипе хмелю на пиво дано за две кшы два рубли осмнатцат алтынъ четыре денги.

Феврала въ 13 ден куплено в Старой Резани про монастырской обиход семь кадецъ десят бочакъ болших и малых четыре ведра с кровлями сто рогож лапатницъ резанской четверик луку дано за все два рубля дватцат три алтына две денги.

Куплено в Переслави про монастырской обиход тритцат лопать да лошкемой Екимки рубаха новоя дано шесть алтынъ четыре денги.

Феврала въ 15 ден куплено на Москвѣ в монастырь для приѣзду преосвященного митрополита боченокъ ренского дано два рубли восемь алтынъ две денги.

Куплено про монастырской обиход четыре кипы хмелю на пиво дано четыре рубли тритцат алтынь две денги.

Февраля въ 20 ден куплено в монастырь шесть делей неводных да да брадникъ дачо за все рубль дватцать пять алтынь.

Марта въ 1 ден куплено в Переяслави про монастырской обиход сто рогож лапатницъ сто пещерей дано за все дватцать шесть алтынь.

Куплено в Переяслави дватцат золотников всякого шолку два золотника в церковь на ризы и на стихари дано адиннатцат алтынь четыре денги.

Горшков куплено про монастырской обиход тритцат пят горшков болшихъ и малыхъ дано семь алтынь.

Куплено в Переяслави монастырскимъ роботником на рубахи два холста мѣроу дватцат четыре аршина дано восемь алтынь.

Ѣздил к Москве старецъ Еоремъ для монастырскихъ дѣл ѣлучи дорогою до Москвы исхарчить про себя и про роботников и лошадям на кормъ пят алтынь две денги.

Жил на Москве дватцат недѣль исхарчилъ казенныхъ денегъ на всякою харчъ и на поукпу

Куплено катка груздей кушинов горшков дано за все шесть алтынь две денги.

Соли куплено на два алтына на четыре денги.

Куплено хлѣба и кваса на адиннатцать алтынь на две денги.

Сѣна куплено лошодям на два рубля на адиннатцать алтынь на две денги.

Куплено овса на тринадцать алтынь на две денги.

Дров куплено на полтора рубля.

Игры куплено на дватцат алтынь на десят денегъ.

Куплено масла конопляного на шесть алтынь на две денги.

Куплено меду на тритцат алтынь на восемь денегъ салныхъ свѣчь и лука на адиннатцат алтынь.

Куплено писчей бумаги полдевяты дести дано дватцат алтынь две денги.

Куплено кулковъ на четыре алтына на четыре денги.

Свѣчь восковыхъ куплено на четыре алтына.

Куплено огурцовъ три тысячи дано четыре алтына.

Куплено осмина муки на квас дано восемь алтынъ.

Приходили никитинския попы на монастырской двор со святынею дано им на собор два алтына четыре денги да николаевскому попу дано на собор десят денегъ.

За книгу вечерю дано два рубли дватцат пять алтынъ.

От грамоты и от печати что посылали к пицу Тимоѣю Грекову пошлин и от записки и за воскъ дано дватцать семь алтынъ.

Помѣсного приказу подъячему Алексію Бушѣву от грамоты от писма дано восемь алтынъ две денги.

Присланы к Москве с отпискою обыски и чертеж от записки дано три алтына две денги.

Хоженова дано приставом два алтынъ.

Отъ Охмылова дѣла четцу Якову Никитину дано полтина.

Поѣхал с Москвы Аника Боголѣпов дано ему на дорогу три алтына две денги.

Стряпчему Алексію Бисерову дано на копусту десят алтынъ.

Сыскных дѣл дьяку Борису Остолопову от дворового дѣла от поѣзды дано два рубли людем ево алтынъ.

Куплено в монастырь церковного вина девят галенков дано тритцат алтынъ.

Звал обѣдат подъячих Ивана Стеанова с товарищи куплено про них к обѣду всякой рыбы свѣжей и соленой везиги хлѣбов и колочей на дватцат на шесть алтынъ на две денги.

Куплено два стакана да окончина дано три алтына две денги.

Ренского скляница дано полтина.

Звал помѣсного приказу да стрелецкого приказу дьяков Василья Ремезова Анисима Невѣжина с товарищи куплено про них свѣжей и соленой всякой рыбы везиги хлѣбов и колочей на дватцать на четыре алтына на четыре денги.

Куплено четверикъ рѣпы труду сѣры дехтю дано два алтына две денги.

Куплены сани пошавни дано двенатцат алтынъ.

Куплено свѣжей всякой рыбы отнесена в почесть Матвѣю Бову дано дватцать алтынъ.

Дьяку Анисиму Невѣжину поднесено в почесть свѣжей всякой рыбы дано осмнатцат алтынъ две денги.

Бичь данъ десят денегъ.

Болшия казны приставом дано хоженова десять денегъ.

Помѣсного приказу дьяку Антому Ивану поднесено в почесть свѣжей всякой рыбы дано шеснатцать алтынъ четыре денги.

Дьяку Анисиму Невѣжину поднесено в почесть свѣжей всякой рыбы дано пятнатцат алтынъ две денги.

От грамоты что от Охмылова дѣла подьячему Василию Калинину да двум молодым подьячимъ дано два рубля четцу Якову Микитину полтина.

Дьяку Анисиму Невѣжину куплено в почесть туша да гус дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

В печатномъ приказе пошлинъ дано рубль шеснатцат алтынъ четыре денги.

Отъ записки в книги пищева и за воскъ и придверного дано три алтына две денги.

О Тишном озере бита челом подьячему Ивану Протопопову от выписки из книг и от грамоты дано за работу рубль.

В печатномъ приказе пошлинъ дано дватцат пять алтынъ.

От записки в книги и за воскъ и придверного дано два алтына две денги.

Отставнымъ стрелцом шести человекомъ дано адиннатцат рублевъ тринатцат алтынъ две денги.

Куплено про монастырской обиход свѣжей осетръ четыре стерледи полсотни везиги дано за все рубль дватцат пять алтынъ четыре денги.

Куплено сальной белужины и осетрины про гостей и про себя звенами дано дватцать осмъ алтынъ две денги.

Куплено в монастырь попона косматая дано четырнотцать алтынъ.

Бисага дана четыре алтына четыре денги.

Дьячку Гришки Петрову куплены сапоги да портки дано десят алтынъ две денги.

Куплено в почесть княгини Анне Миклеоровной Лобановой шесть стерлядей лосос судокъ десят окуней лещъ за все дано полтора рубли к ней же пятьдесят яблокъ дано дватцат алтынъ скляница, ренского дано пятнатцать алтынъ.

Куплено дров два воза дано четыре алтына четыре денги.

Воз сѣна дано восемь алтынъ.

Куплено дверь к онбару к полатем дано три алтына две денги.

Куплено в монастырь шесть еунтов игры дано четыре алтына четыре денги.

Куплено звено рыбы дано два алтына две денги.

Бдучи с Москвы дорогою издержано себѣ на харчъ и лошадем корму и наслѣжного семь алтынъ.

Куплен шубной коетан бобраней под китайкою дано два рубли с полтиною.

Куплен трех лисей под чернымъ сукном дано дватцат алтынъ.

Куплены сапоги дано шеснатцать алтынъ.

Апрѣля въ 1 ден куплено в Переславли про монастырской обиход двѣ матицы да три дѣли неводных дано рубль дватцат три алтына четыре денги.

Куплено в монастырь в трапезу скатерть десят аршин дано шесть алтынъ две денги.

Сто салных свѣчъ дано пять алтынъ две денги.

Апрѣля въ 4 ден куплено свѣжей всякой рыбы щукъ и язедъ полтора ста рыб дано тритцат адин алтынъ.

Куплено катка суровики на лотки дано пять алтынъ.

Бздилъ архимандритъ к Москве для монастырскихъ дѣлъ и покуупки выменено десят иконъ Иоанна Богослова дано промѣну и за оклад и за дѣло дватцат адин рубль тринацат алтынъ две денги.

Куплено на ризы пять аршинъ обьяри дано семь рублевъ.

Оплечья по черному бархату шита золотом и серебромъ дано двенатцат рублевъ.

Трои дороги дано шесть рублевъ.

Три аршина отласу дано шездесят алтынъ.

На подылатку к ризам куплен киндякъ дано дватцать шесть алтынъ четыре денги.

Куплено кадка меда дано сорокъ шесть алтынъ две денги.

Куплено три седла дано два рубли восемь алтынъ две денги.

Узда оправной дано дватцать три алтына две денги

Куплено четыре попоны дано четыриотцать алтынъ.

Десят хомутия опиты кожей дано дватцать три алтына.

Куплен у Михайла Титова кон бур данъ двенатцат рубль.

Куплено про монастырской обиход пят осетров свѣжих дано рубль десят алтынъ.

Сорокъ ложакъ дано шесть алтынъ четыре денги.

Починивали кунганъ крушку два ставца от дѣла дано пят алтынъ.

Куплено шесть ножей дано пять алтынъ.

Четыре десятка стрѣл дано пятнатцать алтынъ.

Оунтъ росады дано четыре алтына четыре денги.

Куплено два воза сѣна дано тритцать алтынъ.

До Москвы наслѣжнова и на Москвѣ себѣ харчу и на дрова издержано рубль адиянотцать алтынъ пять денегъ.

За укропник дано восемь алтынъ.

Апрѣля въ 6 ден куплено к свѣтлой недѣли про брацкой обиход свѣжей великой рыбы двѣсте дватцат рыб дано три рубля тринаццать алтынъ.

В поведѣльник свѣтлой недѣли приходил в монастырь николаевскій попь з Богородицею дано ему от молебна три алтына две денги.

Котел желѣзной дан четыриотцат алтынъ.

Два лука старых давал дѣлат залучен за дѣла дано два рубли.

Козенному дьечку Василью Вогольпову дано за писмо шеснатцат алтынъ четьри денги.

Апрѣля въ 26 день приѣзжал с Москвы в монастырь с отъписками московской дѣворникъ Оилка Сазанов на наемной лотке дано найму пят алтынъ две денги.

Отраеѣнниой Пустови дѣвѣица монастыря кресянин Тимошка Ежевъ дѣлал в монастырь воловоу кожу дано ему за дѣло пять алтынѣ.

Куплен живой осетръ дано рубль пущен в пруд.

Куплено к празнику Иоанна Богослова свѣжей всякой рыбы лещей шукъ и язей и судаков и ушной дано рубль дватцат три алтына.

Куплено в Переславлѣ свѣжей всякой рыбы лещей стерлядей и шукъ и язей дано за все трицат семь алтынѣ две денги.

Маия въ 1 ден по указу великих Государей Царей і великихъ Князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и Благовѣрныя Государыни Царевны і великой Княжны Сооиі Алексѣевны всеа великия і малыя и бѣлыя Росіи Самодержцовъ приѣзжал в Богословской монастырь столник Ѳеодор Стеанов сынъ Чириков да приказу болшаго дворца подьячей Иванъ Протопопов а с ними прислана великихъ Государей грамота за приписю діака Тимоѣѣя Литвинова а по той грамоте велено имъ взят из монастырской казны в запрос ратнымъ людемъ на жалованя двѣсте три рубли девят алтынѣ две денги и тѣ денги столнику Ѳеодору Чирикову и подьячему Ивану Протопопову отданы того ж числа і о томъ писано к великимъ Государемъ в приказъ болшаго дворца.

Куплено к празнику Иоанна Богослова свѣжей всякой рыбы трицатъ шесть рыб дано трицатъ адин алтынѣ четыре денги.

Маия въ 4 ден куплено про монастырской обиход двѣ рыбыцы бѣлыя четыре стерледи одна в оршин три полуаршинныхъ дано за все сорокъ алтынѣ пущены стерледи в пруд.

Маия въ 8 ден приѣзжали к празнику Иоанна Богослова митрополи пѣвчие в монастырь пѣли всенощная и обѣдню дано имъ шеснатцат алтынѣ четыре денги.

Маия въ 9 ден приходил в монастырь николаевской попъ Гаврил со святынею дано имъ десят денегъ.

Купленъ киндякъ в монастырь на ризы на опушки дано дватцат девят алтынѣ.

Куплено в монастырь двѣ кожи красныя на колеску на покрышку дано трицатъ шесть алтынѣ четыре денги.

Куплено двѣ бечевы к лоткомъ дано пять алтынѣ четыре денги.

Куплено в Переславли про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы дано шеснатцать алтынъ четыре денги.

По указу великих Государей и по грамоте приѣзжал с Москвы в монастырь для денежныя казны столникъ Ѳеодоръ Степановъ сынъ Чириковъ да приказу болшаго дворца подъячей Иванъ Протопоповъ дано имъ в почестъ пят рублевъ да людемъ его рубль шеснатцат алтынъ четыре денги.

Маия въ 10 ден куплено в Переславли про монастырской обиходъ свѣжей всякой рыбы сто дватцат рыб дано два рубля.

Воеводе куплено бѣлая рыбица да лещъ живой дано дватцат три алтына две денги.

Июня въ 11 день куплено в Переславле про монастырской обиходъ росады дано дватцат шесть алтын две денги.

Куплено про монастырской обиходъ всякой свѣжей рыбы на шеснатцат алтын на четыре денги.

Июня ж въ 13 день куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы всякой стерледей лещей шукъ езей по счету семьдесят рыбъ дано тритцат девят алтын две денги.

Того ж числа куплена бѣлая рыбица дано тринацат алтын две денги.

Куплено про монастырской обиходъ двѣ рыбицы бѣлыя три судока десят стерледей живыхъ дано за все дватцат семь алтынъ четыре денги.

Июля въ 1 ден куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы дватцат лещей дано пятнатцать алтынъ четыре денги.

Того ж числа Ограбниной Пустони дѣвича монастыря кресянинъ Гурка Ежовъ дѣлал в монастырь двѣ кожи воловыхъ дано ему за дѣло пять алтынъ.

Куплено в Переславли шесть аршин крашенины на ризы и на стихар на обдѣлку дано шест алтынъ.

Июля въ 5 ден куплен в Переславли у еросалимского попа Ѳеодосия погреб полутрета сажени на монастырской двор в село Високое два рубли десят алтынъ.

Куплено про монастырской обиходъ пят стерледей живыхъ дано двенатцат алтынъ пущены в пруд.

Куплено про монастырской обиход пят стерледей живых дано двенадцат алтынъ пущены в пруд.

Куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы стерледей и лещей щуки и судоков тритцат три рыбы дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Июля въ 20 ден куплено в Переславли в монастырь пять аршинъ крашенины два пуда груздей три карчаги два горшка дано за все шеснатцат алтынъ.

Августа въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы пят стерледей двѣ щуки поровня четыре судака три леща дано за все дватцат алтынъ четыре денги.

Куплена стерледь у рыбака у Демитки Благова пяти педей да ушныхъ двенадцат стерледей да у Елисеики рыбака стерледь въ аршинъ три ушныхъ дано за все рубль дватцат три алтына две денги.

Двѣ рыбицы бѣлыя куплены два судака да лещь дано за все дватцат адин алтынъ две денги.

По указу преосвященного митрополита жил архимандрит в городе две недѣли изхарчано на всякой харчъ дватцат семь алтынъ.

Августа въ 6 ден куплено про монастырской обиход щука пяти педей дано дватцат пят алтынъ.

Августа въ 23 ден куплено про монастырской обиход живья рыбы четыре щуки семь судоковъ шесть лещей дватцат стерледей дано дватцат пят алтынъ пущена в пруд.

Куплено бѣлая рыбица стерлет в аршин четыре леща шесть судоковъ дано дватцат три алтына две денги.

Куплено про монастырской обиход живья рыбы стерлет в аршинъ двѣ в три четверти меншихъ петнацат стерледей четыре судака два леща дано за все тритцат пять алтынъ.

Бздил архимандрит в город к усневеу дню приходили соборныя попы на монастырской двор со святоу водою дано им восемь алтынъ две денги.

Пономаремъ шесть алтынъ.

Жил в городе с усневева дни севтебря по пятое число по указу преосвященного митрополита для домовыхъ ево дѣл изхарчил на мѣлкой

всякой харчь про себя и служебником на мяса дватцат пят алтынъ четыре денги.

Бумаги пищей куплено на шесть денегъ.

Салныхъ свѣчь на осмь денегъ.

Яблакъ куплено въ монастырь на три рубли на двенатцат алтынъ.

Крашенины зеленой на подклатву к стихору куплено четырнцат аршин дано четырнцат алтынъ.

Горшок меду куплен дан шеснацат алтынъ четыре денги отнесен воеводе в почестъ.

Просвириць взята новичной память заплочено десат алтынъ.

Дьячку Васки Боголѣпову дано за козенное писмо полтина.

В митрополе казенномъ приказе заплочено за великоденския золотыя пять рублей.

Книги роеходные 195 году.

Книги росходные Богословского монастыря монастырской казнѣ при казначѣ старце Иустине нынешнего 195-го году.

Сентебря въ 1 ден что роздано ис казны брати денежнаго жалованья.

Архимандриту Иосаѣу десат рублей.

Келарю старцу Аванасию пят рублей.

Казначью старцу Иустину пят рублей.

Черному попу Тимоѣю три рубли с полтиною.

Черному попу Павлу три рубли с полтиною.

Дьякону Мартину три рубли.

К Р Ы Л О Ш А Н О М .

Уставшику старцу Отию четыре рубли.

Старцу Еѳрему три рубли.

Старцу Оиларету два рубли.

Старцу Александру три рубли.

Старцу Пимину два рубли.

- Житенному старцу Илариону три рубли.
Понормю старцу Венедикту три рубли.
Старцу Герасиму два рубли.
Старцу Саватѣю два рубли.
Старцу Тихону два рубли.
Сенадичному старцу Монойле полтора рубли.
Старцу Кириле Коростовскому полтора рубли.
Старцу Корнилю полтора рубли.
Старцу Ѳедосью полтора рубли.

Б О Л Н И Ч Н Ы М Ъ.

- Старцу Кирилу рубль.
Старцу Герасиму рубль.
Старцу Аврамию рубль.

П О В О Р О М Ъ.

- Авдюшки Осипову два рубли.
Ивашки Дмитреву два рубли.
Моисейки Алексѣеву два рубли.
Хлѣбнику Ларки два рубли.

К О Н Ю Х О М Ъ.

- Гаврилкѣ Иванову полтора рубли.
Матюшки Стефанову полтора рубли.
Ееимки Матвѣеву полтора рубли.
Белейнику архимандричю Михайлу два рубли.
Кенархисту Васки Боголѣпову два рубли.

П Ч Е Л И Н Ц Е М Ъ.

- Ротки Леонтьеву два рубли.
Янкя Козмину полтора рубли.
Просвирнице вдовой попади Дари рубль.
Коровнику Гераски Путилину рубль.

Лошкой Екимки рубль.

Коровнице вдовѣ Ссоби дватцат три алтына две денги.

По указу архимандрита Иоасафа выдано московскому стрипчому Алексѣю Бисерову казенных денегъ в жалованя дватцат рублевъ.

Псаломшику Ивашки Петрову рубль.

Псаломшику Тимошки Иванову полтина.

Хлѣбнику Ивашки Евсѣеву рубль.

Сентября въ 1 денъ ѣздил архимандритъ в городъ а жил в городе до 21-го числа изхарчано на всякой мѣлкой харчъ тринацат алтынъ две денги.

Да куплено бѣлая рыбаца да сто яблукъ да перепеча дано за все рубль поднесено в почестъ вижегородцкому митрополиту Павлу.

Сентября въ 5 денъ куплено про брацкой обиходъ свѣжей всякой рыбы тринацат руб дано дватцат адин алтынъ две денги.

Куплено живая стерлет в аршин двѣ полуаршинныхъ у рыбака у Демитки Благава дано четырнацат алтынъ.

Сентября въ 8 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы тринацат лещей десят судоков дано тринацат восемь алтынъ куплено живая стерлед в аршин дано двенатцат алтынъ пушена в пруд.

Сентября въ 12 денъ куплено про брацкой обиходъ свѣжей рыбы бѣлая рыбаца четыре стерледи двѣ шуки поровья десят судоков четыре леща дано за все рубль.

Куплено бѣлая рыбаца да судоковъ да лещъ дано сем алтынъ.

Сентября въ 16 денъ куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы шука пяти педей три шуки поровья десят судоков дано дватцат три алтына две денги.

Куплено свѣжия рыбы три шуки поровья шесть судоков дано восемь алтынъ.

Сентября въ 22 денъ куплено к празнику Иоанна Богослова свѣжей всякой рыбы бѣлая рыбаца шесть стерледи поровыхъ десят шукъ двенатцат судоков восемь лещей и ушной всякой рыбы дано за все сорокъ восемь алтынъ.

Куплено в Переславль сто мозжакъ карѣлчатыхъ дано шесть алтынъ четыре денги.

Куплен живой осетръ семи педей дано рубль дватцат адин алтынъ четыре денги пушен в прудь.

Куплено сорокъ пят корасей дано два алтына четыре денги.

Куплено про монастырской обиход полведра сѣменного масла дано пятнацать алтынъ.

Куплено пят рыбиць бѣлых дано полтора рубли.

Сентября въ 24 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы пядьдесят шукъ поровых и колодочных и ушной всякой рыбы дано за все тритцать чегыре алтына две денги.

Сентября въ 25 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы семдесят шукъ поровых и колодочных десят линей дано за все дватцат три алтына.

Октября въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжей рыбы бѣлой рыбаца шеснацат лещей дано дватцат шесть алтынъ.

По указу святѣйшаго Иоакима патриарха московскаго і всеа Росіи жил архимандрит в городе Переславлі три недѣли как описывал митрополичю ризницу і всякую домовую казну изхарчилъ в тѣ числа на всякой мѣлкой харчѣ про гостей и про свой обиход и служебником на мясо и на салныя свечи рубль двенатцат алтынъ две денги.

Октября въ 4 ден куплено въ Кузминску про монастырской обиход двѣ кошмы чеснока на сѣмена дано рубль.

Того ж числа куплено в Кузминску в монастырь двѣ кадцы на копусту дано адиннацат алтынъ.

Октября въ 16 ден куплено про монастырской обиход свѣжей всякой ушной рыбы телѣга дано рубль дватцат алтынъ.

Куплено про монастырской обиход девяноста корасей дано пят алтынъ.

Октября въ 17 ден поѣхал из монастыря стрянчей Оедор Бохолдин к Москвѣ дано ему на дорогу шеснацат алтынъ четыре денги.

Куплено в Кузминску луку четвѣрка дано четыре алтына.

Октября въ 20 ден куплено про монастырской обиход четыре рыбицы бѣлых дано рубль шеснацат алтынъ четыре денги.

Куплено про брацкой обиход свѣжей рыбы дано пят алтынъ две денги.

Куплено про брацкой обиход свѣжей всякой ушной рыбы дано адиннацат алтынъ четыре денги.

Ноября въ 7 ден куплено про монастырской обиход свѣжей ушной рыбы дано пятнацат алтынъ.

Матюшки конюху дано в прибавокъ жалованя шеснацат алтынъ четыре денги.

Куплено про монастырской обиход яблакъ в сель Окоемове у монастырскаго кресянина у Кирилки кузпеца дано рубль.

Похомки Матюшкину дано десят алтынъ на рубахи.

Ноября въ 10 ден дано переславскому стрелцу Петруши Мамонову восемь алтынъ две денги что ѣздил с подьячим с Петромъ Яковлевымъ для обыску про рыбную ловлю.

Куплено в Переславли в монастырь сто салных свѣчь дано шесть алтынъ.

Ноября въ 11 ден куплено в Переславли про монастырской обиход двѣ белуги соленныя дано сорокъ алтынъ.

Того ж числа куплено в Переславли про монастырской обиход переславской четверикъ лука дано шесть алтынъ четыре денги.

Ноября въ 24 ден по указу архимандрита Иоасава выдано казенному дьячку Васки Боголѣпову за писмо рубль.

Села Кузминска креслянин Егорка Аксеновъ нанет в монастырь пробивать конопляного сѣянного масла дано ему за роботу шесть алтынъ.

Декобря въ 1 ден куплено в Переславли про монастырской обиход соленая белуга дано два рубли тринацат алтынъ две денги.

Того ж числа куплено в Переславли про монастырской обиход воз свѣжия рыбы дано два рубли восемь алтынъ.

Куплено четыре колотки лужевых гвоздей да придѣлал к замку ключ дано за все два алтына.

Декобря въ 6 ден приходил в монастырь николаевской попь Гаврил со святою водою дано ему десят денегъ.

Декобря въ 11 ден свѣхол с Москвы монастырской слуга Аника Боголѣповъ на ноемной подводе дано найму пят алтынъ.

Куплено в Переславля про монастырской обиход дватцать горшков сто салных свѣчь да лошкой Юдки портки дано за все двенатцат алтынъ.

Декобря въ 25 ден приходили на Рожество Христова черныя священники в орхимандричю кѣлю славит дано им славленого восьм алтынъ две денги.

Славили в монастырѣ изъ Переславля соборныя церкви священники дано им славленого восьм алтынъ две денги.

Митрополим пѣвчим и подьякомъ на всѣ станицы дано славленого рубль шеснатцат алтынъ четыре денги.

Подьяконом дано славленого десят алтынъ да извощиком их дано два алтына.

Послан к Москве конюх Гаврилка дано ему на дорогу три алтына две денги.

Куплена неводная матица дано семнатцат алтынъ две денги.

Генвоя въ 4 ден куплено в Переславля про монастырской обиход свѣжия рыбы сто тринацат рыб дано рубль.

Куплено в Кузминску двоя сани пошевни одни красныя дано десят алтынъ.

Куплено в Переславля десят аршинъ крашенины на садныя подсти на опушки дано шесть алтынъ четыре денги.

Генвоя въ 17 ден по указу преосвященного Аврама митрополита Резанского и Муромского призжали в монастырь митрополды дѣти боярския Иля Петров сынъ Клементьева с товарищем з богомодную грамотою дано им шеснатцат алтынъ четыре денги.

Генвоя въ 19 ден куплено в Переславля про монастырской обиход воз свѣжия рыбы по счету шесть сот дватцать рыб дано четыре рубли шеснатцат алтынъ четыре денги.

Куплено сани пошевни даны пят алтынъ.

Генвоя въ 20 ден куплено въ Переславля про монастырской обиход двѣ белуги соленныя да две теши белужих дано рубль.

Того ж числа куплено свѣжия рыбы полвоза дано тритцать алтынъ.

Куплено про монастырской обиход резанской четверикъ лука дано шесть алтынъ четыре денги.

Куплено дивная бочка въ монастырь дано четыре алтына.

Куплено въ монастырь сто салных свѣчъ дано шесть алтынъ.

Приѣзжали ис Переслави в монастырь митрополей сынъ боярской с товарищем Лев Захаревъ сынъ Поемов повѣщали залатыя великоденския дано имъ повѣсту десят денегъ.

Ѣздил архимандрит в город жил четыре дни исхарчил на всякую харчь пятнатцат алтынъ четыре денги.

Куплено в Переслави десят аршин крашенины на подклатки к потрахилемъ и к поручам дано десят алтынъ.

Ѡевраля въ I ден Ѣздил архимандрит к Москве к благословению къ пресвященному Авраию митрополиту Резанскому и Муромскому.

Запложено на Москвѣ Ѡедору Ѡеилову сорокъ рублей что он исхарчилъ своихъ денегъ отъ монастырскихъ дѣл дватцат четыре рубли да что стряпчей Алексѣй займал у него в рублевыхъ денги шеснатцат рублевъ.

Да сыну ево Ивану запложено дватцать два рубли двенатцать алтынъ что у тестя ево Павла имано всякого пойда в прошлыхъ годѣхъ в рознос околничим и дьяком от монастырскихъ дѣл и для приѣзду в монастырь боярина князя Василя Василевича Голицына.

Да отставным стрелцом семи человеком запложено денежного жалованя и за хлѣбныя всякие запасы дватцат три рубли дватцать шесть алтынъ четыре денги.

Заменял поваренной котел да ввѣ ендовы вѣсу в них тригнат четыре фунта да путной котел три сковоротки черных довал лудит дано за дѣло и за прибавочную мѣд и за полулу два рубли два алтына.

Куплено ладону пут дан четыре рубли дватцат алтынъ вина церковного восемь галенков дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Пищей бумаги три стопы дано два рубли восемь алтынъ двѣ денги.

Десят осетров свѣжихъ дано три рубли дватцать алтынъ.

Двѣсте пуконъ везики десять лодугов десят сигов дано два рубли.

Пуговицъ мѣдныхъ шесть портищъ на поручи дано шесть алтынъ.

Коробя куплена на посуду дана пят алтынъ двѣ денги четыре стакана стекляничныхъ две рюжки даны три алтына двѣ денги.

Катка меду куплено в поднос преосвященному митрополиту Аврамию три пуда с четвертью дано два рубли пять алтынь перепеча дава три алтына две денги.

На Москвѣ жил ведѣлю исхарчано конем на сѣно и на дрова и на салныя свечи и на всякой мѣлкой харчѣ сорокъ три алтына четыре денги.

Къ Москве ис Москвы ѣздучи изхарчано на нослѣжное и на сѣно четыре алтына четыре денги.

Да с Москвы же ѣздучи куплено на Белѣомуте свѣжей рыбы про монастырской обиход на сорокъ на три алтына на две денги.

Февраля въ 11 ден куплено в Переславли про монастырской обиход дватцать рогошѣ цыноватых дано дватцат адин алтынь.

Куплено в монастырь девят золотников шолку на стихори и на потрахили и на поручи дано шесть алтынь.

Куплено дватцат гнѣздъ горшков дано шесть алтынь четыре денги.

Села Кузминска кресавин Юрка Аксеновъ нанет в монастырь пробиват конопляного сѣмя на масла дано ему за роботу шесть алтынь.

Марта въ 1 ден куплено в Стружанех на монастырской обиход двѣ матицы неводных да десят делей неводных же дано два рубли тринацат алтынь две денги.

Куплено двенатцат решет десят пещерей четыре лопаты дано четыре алтына.

Марта въ 4 ден куплен кон пѣгъ рыжъ у переславцовъ у Епифана Гаврилова с товарищи в монастырь семи лѣтъ данъ двенатцат рублев шеснатцат алтынь четыре денги.

Марта въ 8 ден куплено на Москвѣ двѣ нечи изросчатых в монастырь в кѣли дано пят рублевъ.

Марта въ 11 ден заплочено в домовую митрополию казну за великоденския за золотыя пять рублевъ девят алтынь.

Того ж числа куплено в Переславли про монастырской обиход сто рогож да потницѣ дано шеснатцат алтынь четыре денги.

Куплено в монастырь медвѣдна дана тритцат пят алтынь.

Куплено красная кожа в церковь на нолой дано пят алтынь.

Куплено в монастырь сто салных свѣчь дано шесть алтынъ.

Куплено въ монастырь два фунта анису да сито дано три алтына четыре денги.

Приходили на Свѣтлая Воскресения Христова черныя священники съ крестом в архимандричю кѣлю дано им три алтына две денги.

В понедѣльникъ Свѣтлыя недѣли приходил в монастырь николаевской попь Гаврил з Богородицею дано ему отъ молебна три алтына две денги.

Апрѣля въ 1 ден куплено про монастырской обиход у рыбовов свѣжия рыбы лещей и судоков семдесят рыб дано сорокъ алтынъ.

Апрѣля во 2 ден послан из монастыря к Москве вресянин Данилка Аверинъ с митрополею рыбою дано ему на дорогу пят алтынъ.

Куплено три горшка суровики на лотки дано семь алтынъ четыре денги.

Куплено в Кузминску про монастырской обиход паренцу луку да росады дано за все пят алтынъ двѣ денги.

Апрѣля въ 28 ден куплено про монастырской обиход свѣжия рыбы сто шеснатцать лещей дано три рубли.

Куплено свѣжия ушной рыбы дано девят алтынъ четыре денги.

Куплено вару на присадочныя яблони дано два алтына.

Маия въ 1 ден куплен стругъ на монастырь в Дѣднове у Нозара Вотолина дан четыре рубли дватцат три алтына двѣ денги.

Куплено в Переславли к празнику Иоанна Богослова всякой свѣжия рыбы лещей и судоков стерледей и шукъ двѣсге рыбъ дано за все пят рублевъ шесть алтынъ четыре денги.

Маия въ 3 ден куплено в Переславли соли про монастырской обиход восемь мехов а в них вѣсом сто пяддесят шесть пуд у Михайла Немчинова дано двенатцат рублевъ дватцат семь алтынъ четыре денги.

Куплено свѣжия рыбы про монастырской обиход стерледей и лещей и судоковъ дано за все четырнотцат алтынъ четыре денги.

Маия въ 10 ден вѣдил к Москве козначѣй старецъ Иустин к пресвященному Аврамию митрополиту со святинею влучи к Москве

и с Москвы и на Москвѣ исхарчано на всякую монастырскую мѣлкую покудку и на всякую харчъ на мостовшину и лошадям на сѣно тритцат восемь алтынъ.

Маия въ 13 ден куплено в монастырь тудьскова желѣза пятнатцать связокъ вѣсомъ тритцат девят пуд за все дано десят рублей адинатцать алтынъ четыре денги.

Куплено про монастырской обиход свѣжия всякой рыбы тритцат шесть рыб дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Куплено шесть стерледей живых в три четверти два судока дано за все семнатцат алтынъ двѣ денги стерледи пущены в пруд.

Июня въ 1 ден куплено про монастырской обиход свѣжия всякия рыбы сорокъ четыре рыбы дано дватцат шесть алтынъ четыре денги.

Бздил архимандрит в Переславль к десятой пятници для ходу обѣдол у него на монастырском дворѣ преосвященного митрополита приказныя и соборныя церкви священники куплено про них свѣжей рыбы всякой на тринацат алтынъ на две денги да в село Високое куплено в Переславли на конюшви сто бревен лѣсу трехсаженного с локтем дано два рубли.

Куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы тритцат четыре алтына.

Куплено живая стерледь в аршинъ да созан дано дватцат пят алтынъ пущены в пруд.

Куплено свѣжей рыбы сомъ два леща судакъ да стерлет дано алтынъ.

Июня въ 21 ден куплено про монастырской обиход живых стерледей поровых и ушных тритцат двѣ стерледи дано дватцат три алтына двѣ денги пущены в пруд.

Куплено про монастырской обиход ббляя рыбаца щука да судокъ в аршин дватцат лещей паровых да сом дано тритцат алтынъ четыре денги.

Июня въ 26 ден куплено про монастырской обиход свѣжия рыбы ббляя рыбаца дватцат лещей поровых дано дватцат восемь алтынъ.

Куплено севрюга живая шести педей стерлет живая в аршин четыре стерледи вертловых да четыре ушных дано за все тритцат восемь алтынъ пущены в пруд.

Июля въ 1 ден куплено про монастырской обиход живых стерледей двѣ стерледи в аршин шесть стерледей трехчетвертей пятнадцат ушных дано тридцать семь алтынъ пущены в пруд.

Куплено бѣлая рыбаца десят лещей поровых дано осмнатцат алтынъ.

Июля въ 10 ден куплено про монастырской обиход двѣ рыбаца бѣлая дватцат стерледей живых поровых и ушных два судока дано за все тридцат восемь алтынъ двѣ денги стерледи пущены в пруд.

Куплено про монастырской обиход свѣжей всякой рыбы стерледей лещей и щукъ тридцат четыре рыбы дано тридцат адинъ алтынъ двѣ денги.

Ѣздил архимандрит в Переславль на соборъ куплено в Переславли свѣжия рыбы бѣлая рыбаца три леща стерлетъ щука поровыя да ушных стерледей дано рубль поднесена в почестъ столнику Михайлу Василевичу Сабакину да ему ж куплено перепеча дано три алтына двѣ денги.

Приходили соборныя священники со святою водою на монастырской двор дано им восемь алтынъ двѣ денги пономарем шесть денегъ.

Куплено живая стерлет в аршинъ дано десять алтынъ пущена в пруд.

Куплено дѣль неводная дано восемь алтынъ двѣ денги.

Куплено про монастырской обиход свѣжия рыбы четыре щуки поровыя десят колодочных двенатцат стерледей ушных восемь язей да судокъ дано за все дватцат три алтына двѣ денги.

Августа въ 1 ден куплено про монастырской обиход всякой свѣжей рыбы тринацат рыб дано девят алтынъ четыре денги.

Да куплен кушан малины дано десят денегъ.

Августа въ 11 ден по указу архимандрита Иоасава з братиею Ѣздиль к Москве казначѣй старецъ Иустинъ строит монастырской дворъ.

Куплено на Москвѣ на монастырской дворъ дватцат столбов за-мостныхъ еловыхъ дано сорокъ алтынъ.

Куплено на замет лѣсу двѣстѣ семдесят бревен дано за тот лѣс шесть рублевъ десят алтынъ.

Наймал плотников огородит заборомъ монастырской дров на дватцат звенъ дано им за роботу три рубли шесть алтынъ четыре денги.

Куплено в монастырь церковного вина тринадцать галенков дано
трубля десят алтынъ.

Куплено три оунта проволоки на часы дано шесть алтынъ.

Боченокъ куплен на церковной вишю дан десят денегъ.

Куплено дватцат блюдъ красныхъ деревяныхъ дватцат тарелей дре-
вяныхъ же сто ложка карблчатыхъ десят солоновъ деревяныхъ дано за
все пятнатцать алтынъ две денги.

Куплен горшокъ меда пятдесят гривенокъ дано дватцат осмь алтынъ
четыре денги.

Куплено короба дано пят алтынъ.

Куплено два сабына зеленой да лазеревой дано рубль пят алтынъ.

Августа въ 25 ден куплено живой рыбы двѣ стерледи по десяти
вершковъ пушены в пруд дано три алтына двѣ денги.

Августа въ 26 ден куплено живой рыбы стерлет в три четверти
дватцат одна стерлет ушныхъ пушены в пруд дано тринатцат алтынъ
двѣ денги.

Того ж числа куплено про монастырской обиходъ свѣжей рыбы де-
вят шукъ колодочныхъ да шездесят лаксирей дано четыре алтына двѣ
денги.

Августа въ 27 ден куплено на Москвѣ два блюда да болшия
зборныя дано шесть алтынъ четыре денги.

Починивал двои судки оловяныя бѣлыя променил мѣдную сково-
ротку два стокана оловяныхъ дано за дѣло и за прибавочную мѣд и
олово десят алтынъ четыре денги.

Куплено телѣга сѣна дана десят алтынъ.

Куплено два зомка немецкихъ вислыхъ дано шесть алтынъ.

Августа въ 28 ден куплено дехтю бочка дано дватцат семь алтынъ.

(Продолженіе будетъ).

Июня въ 26 ден куплено

Куплено

Куплено

Куплено

Куплено

КУЛАКОВСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ

и

Тородище Старой Рязани.

Въ февраль мѣсяцѣ 1903 года В. В. Полуницъ прислалъ въ Рязанскую Архивную Комиссію нѣсколько бронзовыхъ женскихъ украшеній и бусы собранныхъ въ 1902 г. на песчаномъ бугрѣ, въ его имѣніи Кулаково, въ Спасскаго уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Шилова. Присланы явнѣи, — браслеты, серги, иривѣски, колечки и разной величины красныя бусы изъ композиціи имѣи и полное сходство съ однородными украшениями, найденными въ изслѣдованныхъ Окскихъ могильникахъ, (и несомнѣнно относяиь къ VII—VIII вѣст. Отвергався новый могильникъ финской народности, о которомъ ранѣе ничего не было извѣстнае. Кузон Попинелъ въямо до то зря отивалъ въ Рязанская Архивная Комиссію обратилась къ В. В. Полунину съ просьбою — разрѣшить членамъ Комиссіи въ его имѣніи производство раскопокъ для изслѣдованія обнаруживагося древняго могильника. В. В. Полуницъ любезнымъ письмомъ извѣстилъ Комиссію, что онъ охотно представляетъ Комиссіи право производить раскопки на бугрѣ и съ своей стороны окажетъ содѣйствіе членамъ Комиссіи какъ въ ихъ работахъ, такъ и удобствахъ помѣщенія во время раскопокъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ (16 числа) я и В. Н. Крейтонъ вечеромъ пріѣхали въ село Шилово; здѣсь распорядились относительно найма рабочихъ такъ какъ въ Кулаковѣ не было свободныхъ людей; и на другой день утромъ отправились на хуторъ Кулаково. Близъ с. Шилова переправились на паромѣ черезъ р. Пару, впадающую съ правой стороны въ р. Оку.

Тутъ же, къ С.В. отъ села Шилова с. Борокъ, при которомъ находится имѣніе Оатова. По рассказамъ покойнаго владѣльца въ границахъ его имѣнія есть городокъ и курганы и онъ неоднократно приглашалъ меня захватить къ нему для осмотра остатковъ старины; къ сожалѣнію, при поѣздкахъ въ эту сторону, обстоятельства такъ

складывались, что я не могъ удѣлитъ время на обследованіе окрестностей с. Борокъ.

Не говоря уже о живописныхъ видахъ, берега Оки очень интересны въ археологическомъ отношеніи, особенно правый, нагорный ея берегъ. На всемъ протяженіи праваго берега Оки въ Рязанской губерніи довольно часто, а мѣстами — и непрерывно встрѣчаются остатки болѣе или менѣе отдаленной старины какъ изъ міра растений и животныхъ ближайшихъ къ намъ геологическихъ періодовъ, такъ и изъ быта мѣстнаго населенія, занимавшаго Рязанскій край съ глубокой древности, въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Въ берегахъ Оки на разной глубинѣ отъ поверхности ихъ, обнаруживаются разнообразныя морскія раковины, какъ несомнѣнныя свидѣтели того, что когда то вся сѣверная и средняя Европейская Россія представляла сплошное море; кости ископаемыхъ животныхъ (маманта, лугошерстаго носорога, гигантскаго оленя, первобытнаго быка и др.), обитавшихъ здѣсь около пятнадцати тысячъ лѣтъ тому назадъ; стоянки мѣстнаго каменнаго вѣка съ обломками глиняной посуды, каменными орудіями и оружіемъ, того времени, когда здѣшнее населеніе совсѣмъ не знало еще мегалловъ и не умѣло ихъ добывать и обработывать; городки и городища; могильники VII — VIII ст.; курганныя кладбища X — XII ст.; слѣды татарщины, и остатки болѣе близкаго къ намъ времени.

По пріѣздѣ въ Кулаково мы прямо отправились осматривать бугоръ, лежащій къ С.В. въ 1½ верстахъ отъ усадьбы хутора. По словамъ хуторянъ и мѣстныхъ крестьянъ, — уже года три тому назадъ на бугрѣ стали находить разныя бронзовыя украшенія, бусы, глиняные черепки, желѣзныя вещи какъ въ обломкахъ, такъ и цѣлыя, также — человѣческія кости. Очень вѣроятно, что все это обнаружилось на бугрѣ уже не три года, а гораздо раньше, но не было обращено вниманія на эти находки, такъ какъ хуторъ расположенъ въ сторонѣ отъ провѣзжихъ дорогъ и сюда не заглядывали люди, интересующіеся стариною.

Бугоръ песчаный, дюннаго происхожденія; началомъ своимъ онъ несомнѣнно обязанъ р. Окѣ, которая протекаетъ невдалекѣ отъ него. Въ древнее время Ока была ближе къ бугру, — до сихъ поръ сохранились глубокія и широкія лощины въ близи бугра. Можно полагать, что эти лощины представляютъ остатки бывшаго русла р. Оки. Бугоръ тянется съ сѣвера на югъ саженъ на сто и затѣмъ сливается

съ полями, прилегающими къ лѣсу. Сѣверная, болѣе узкая часть бугра упирается въ видѣ клина въ лощины; въ этомъ мѣстѣ ширина бугра имѣетъ 13 сажень, при отвѣсной высотѣ посреди въ 5 аршинъ; песчаная поверхность его лишена растительности, и только мѣстами, на наносахъ весеннимъ разливомъ ила встрѣчаются небольшія кочки покрытыя травою. Къ югу бугоръ постепенно расширяется, въ 30 сажняхъ отъ начала его, ширина бугра уже 20 сажень, а въ 40 сажняхъ — достигаетъ 35 сажень и затѣмъ въ 60 сажняхъ отъ начала бугоръ сливается съ полями.

Могильникомъ была занята сѣверная часть бугра, на протяженіи 30 или 35 сажень отъ начала его. Разрушеніе могильника началось, повидимому, очень давно. Судя по истлѣвшимъ корнямъ деревь, которыя мы довольно часто находили при рытьѣ пробныхъ траншей, бугоръ въ прежнее время былъ покрытъ лѣсомъ, а песчаный грунтъ его былъ прикрытъ слоемъ растительной земли. Когда же лѣсъ былъ уничтоженъ пожаромъ или срубленъ, растительный слой земли, лишенный своей защиты, въ болѣе или менѣе продолжительное время снесло съ бугра весенними разливами, дождями и вѣтрами; съ этого времени началось разрушеніе могильника: песчаную поверхность бугра понижалась и пониженіе это дошло до могилъ и многія изъ нихъ совсѣмъ уничтожило. На бугрѣ, исключая самую сѣверную часть его, произвѣдилась съ давнихъ временъ пахота. Распахива содѣйствовала естественнымъ причинамъ и ускорила разрушеніе бугра. Могилы, начиная съ болѣе мелкихъ, постепенно обнажались, — остатки востяжковъ, украшеній, оружія, горшковъ лежали на поверхности и растаскивались мѣстными крестьянами и ихъ дѣтьми. Такимъ путемъ исчезновеніе могильника шло нѣсколько лѣтъ и коснулось уже самыхъ глубокихъ погребеній. Мы застали, можно сказать, послѣдніе остатки древняго могильника. На бугрѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сохранились еще слѣды могилъ въ видѣ темныхъ пятенъ на песчаной поверхности; въ этихъ пятнахъ, вмѣстѣ съ обломками глиняныхъ горшковъ, попадались остатки разрушенныхъ тлѣніемъ человѣческихъ костей, мелкія бронзовыя украшения и поломанныя части ихъ, а также обломки отъ желѣзныхъ ножиговъ, удиль, наконечниковъ копій, дротиковъ и пряжекъ.

Осмотрѣвши бугоръ и опредѣливши его положеніе и размѣры, мы собрали болѣе сохранившіяся вещи, лежавшія на поверхности, и за

тѣмъ приступили къ проложенію траншей, начиная съ сѣверной части бугра, и постепенно подвигались къ югу. Съ нами было 14 рабочихъ. Дѣло шло быстро, благодаря песчаному грунту бугра. Къ вечеру того же дня было проложено 12 большихъ траншей и почти вся площадь бугра занятая могильникомъ была изслѣдована. Намъ удалось открыть только семь погребеній, лежавшихъ отъ 1 до 3 вершковъ ниже поверхности бугра. Эти могилы были наканунѣ своего уничтоженія, такъ какъ находились подъ тонкимъ слоемъ сыпучаго подвижного песку и къ концу нынѣшняго жаркаго лѣта этотъ легкій покровъ былъ бы спесенъ вѣтрами и остатки погребеній оказались бы раскрытыми. Съ уничтоженіемъ послѣднихъ могилъ была бы утрачена возможность составить опредѣленное понятіе объ этомъ древнемъ памятникѣ. Сплошная раскопка могильника — въ перевалъ, по моему мнѣнію, — едва ли дала бы настолько лучшіе результаты, какими мы были бы вознаграждены за потерянное время и лишнія затраты. При особенной удачѣ, при сплошномъ вскрытіи могильника, быть можетъ, нашлось бы еще два, три погребенія, кромѣ изслѣдованныхъ нами; но эта прибавка вѣроятно, не внесла бы ничего новаго въ матеріалъ, извлеченный нами изъ могилъ и полученный отъ В. В. Полунина. Характеръ могильника вполне опредѣлялся содержаніемъ семи погребеній, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ бугра. Могильникъ имѣлъ полное и несомнѣнное сходство, по времени своего образованія и по народности оставившей его, съ Борковскимъ, Кузьминскимъ, Старорязанскимъ и другими, открытыми за послѣднія 14 лѣтъ на берегахъ Оки. Стало быть, нѣ сколько могилъ и другихъ бытовыхъ вещей ничего существеннаго не прибавили бы къ тѣмъ даннымъ, которыя были добыты при раскопкахъ цѣлаго ряда другихъ, однородныхъ съ Кулаковскимъ, могильниковъ.

Семь найденныхъ нами погребеній представляли такое содержаніе:

№ 1. Судя по украшеніямъ, первое погребеніе было женское. Остатки сильно истлѣвшаго костяка лежали на глубинѣ 2-хъ вершковъ отъ поверхности; голова обращена на С. В., руки и ноги протянуты вдоль. О формѣ черепа ничего сказать нельзя, такъ какъ удалось только небольшія части его; не было возможности измѣрить и длину костяка вследствие разрушенія позвонковъ. Очертанія

могилы не сохранилось, на песок лишь выдѣлялось слабое пятно овальной формы, съ неясными контурами. Изъ вещей найдены:—возлѣ головы—двѣ парныхъ бутылкообразныхъ бронзовыхъ привѣски, 4 привѣски въ видѣ коническихъ трубочекъ въ 2 сантим. длиною, съ отверстиемъ въ узкомъ концѣ, черезъ которое проходило маленькое колечко изъ тонкой мѣдной проволоки; разной толщины и длины слитки плотно свернутыя изъ проволоки, внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились обрывки тонкаго ремешка. Возлѣ оконечностей рукъ поднято два бронзовыхъ (гладкихъ) браслета изъ проволоки съ расплюснутыми концами; обрывки узкаго ремешка въ $\frac{7}{8}$ сант. шириною, на лицевой сторонѣ ремня вытѣснены три параллельныя углубленныя полоски, ремень на концѣ имѣлъ бронзовый наконечникъ съ прорѣзомъ посрединѣ; двѣ пряжки, одна бронзовая, другая—железная; тутъ-же найдены клочки тонкой кожи и небольшія части полуистлѣвшаго луба.

№ 2. Почти на самой поверхности бугра, рядомъ съ первымъ погребеніемъ (въ разстояніи 6 вершковъ къ востоку отъ него) оказались остатки другого совершенно разрушеннаго тлѣніемъ костяка. По формѣ темнаго пятна на песокъ можно полагать, что костякъ лежалъ въ томъ-же направленіи, въ какомъ и въ могилѣ № 1, а по незначительной величинѣ темнаго пятна можно думать, что здѣсь была похоронена дѣвочка подростокъ. Вѣсть съ слѣдами отъ истлѣвшаго костяка, здѣсь собраны: спиральное бронзовое колечко, два большихъ гладкихъ бронзовыхъ браслета съ расплюснутыми концами, обломокъ небольшой бронзовой пряжки, 4 пластинчатая привѣски съ отверстиемъ въ узкомъ концѣ и десять красныхъ бусъ разной величины, изъ композиціи.

№ 3. На той-же поперечной линіи бугра, ближе къ восточному краю его, на самой поверхности подняты: шейная бронзовая гривна съ круглою коробкою (діаметръ ея—19 сантиметровъ), поверхность коробки украшена 5-ю выпуклыми кружками, на нижней поверхности отверстие для застежки, помощью согнутаго крючкомъ конца гривны; кольцо гривны по обѣимъ сторонамъ коробки перевито сплюсненною проволокою, перевивы посрединѣ раздѣлены бронзовою бусою; по такой-же бусѣ надѣто на кольцо гривны вершица на $1\frac{1}{2}$ отъ перевивовъ; пластинчатая и коническія бронзовыя привѣски, разной величины красныя бусы изъ композиціи, отъ просянаго зерна до круп-

ной горошины; въ некоторыхъ бусахъ сохранились обрывки тонкаго шерстяного шнурка, три бронзовыхъ пряжки съ такими же иглами; два спиральныхъ кольца; четыре бронзовыхъ гладкихъ браслета съ расходящимися расширенными концами, безъ орнамента; два височныхъ кольца ($3\frac{1}{2}$ сант. въ діам.), согнутыхъ въ видъ овала изъ бронзовой проволоки, одинъ изъ концовъ заостренъ, другой — тупой; обрывки ремня (въ $1\frac{1}{2}$ сант. шириною) съ ажурными сердцевидной формы бляшками, каждая изъ нихъ прикреплена къ ремню двумя штифтами; желѣзный ножикъ (10 сант. длиною), небольшое глиняное пряслице, обломокъ деревянной палочки ($3\frac{1}{4}$ сантиметра длиною) съ пропущеннымъ сквозь нее желѣзнымъ стержнемъ, поверхность палочки плотно обвита бронзовой проволокою; узкое бронзовое обоймице (4 сантим. длиною), обломки металлическаго наконечника отъ пояса, куски тонкой кожи и небольшой обломокъ днаща глинянаго горшка. Отъ костяка сохранились только части позвонковъ.

№ 4. На 6 сажень къ сѣверо-западу отъ погребенія № 3, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ вершковъ отъ поверхности обнаружены незначительные остатки истлѣвшаго костяка; на мѣстѣ груди поднята бронзовая фибула (длина ея $10\frac{1}{2}$ сантим., ширина верхней части $5\frac{3}{4}$ сантим., ширина нижней части $1\frac{1}{3}$ сантим.); обрывки кожанаго пояса (шириною въ $2\frac{1}{2}$ сантим.) съ наборомъ изъ продолговатыхъ серебряныхъ пластинокъ (въ $2\frac{1}{2}$ сант. длины и $\frac{1}{8}$ сантим. ширины), украшенныхъ на концахъ по одному выпуклому кружечку, вмѣстѣ съ остатками пояса подняты пучокъ черныхъ конскихъ волосъ; два гладкихъ бронзовыхъ браслета съ расплюснутыми концами; три бронзовыя круглыя пряжки, двѣ пряжки желѣзныхъ, бронзовыя спирали разной величины, пластинчатая и коническія бронзовыя привѣски и красныя бусы изъ композицій.

№ 5. Въ 2 аршинахъ къ востоку отъ могилы № 4 обнаружены слѣды погребенія. Остатковъ костяка не оказалось, найдены пластинчатая привѣска, браслетъ обычной формы и пряжка бронзовая.

№ 6. На той же поперечной линіи, на которой были найдены могилы №№ 1, 2 и 3, въ разстояніи 9 аршинъ къ востоку отъ могилы № 2, оказались слѣды погребенія, повидимому мужскаго; отъ костяка уцѣлѣла часть нижней челюсти, изъ вещей найдены: обломанный желѣзный наконечникъ дротика (длинною въ 13 сантим.),

железные удила, состоящая из одного кольца и двух колец (длин. 15 сент.), часть железной пряжки, квадратная медная пряжка без иглы (длиною $2\frac{3}{4}$ сент., шириною $3\frac{1}{4}$ сентим.) и железный боевой топоръ съ продольною втулкою для насадки на кривую рукоятку (длиною 19 сентим., диаметръ отверстія для насадки $4\frac{1}{2}$ сент.).

№ 7. Въ сѣверо-востоку отъ могилы № 6, въ 10 аршинахъ отъ нея, подъ тонкимъ слоемъ недавно нанесеннаго песку оказались слѣды мужского погребенія, — въ темномъ пятнѣ подняты: обломокъ железнаго наконечника копья, удила, состоявшія изъ двухъ равной длины колецъ, оканчивающихся кольцами (длина перваго кольца $12\frac{1}{2}$ сентим., втораго съ обломаннымъ концомъ — 11 сент.), железный ножикъ (длина лезвія 10 сент.). Отъ костяка не найдено остатковъ.

С л у ч а й н ы я н а х о д к и .

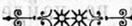
Во время раскопокъ, на поверхности бугра, занятой могильникомъ, собраны отдѣльныя украшенія и части железныхъ вещей:

Два небольшихъ бронзовыхъ браслета, три пластинчатыхъ привѣски, дужка ($1\frac{1}{2}$ с. въ диаметрѣ) отъ серебряной круглой пряжки, обломокъ отъ втулки железнаго наконечника копья, обломокъ железной пряжки и нѣсколько мелкихъ частей отъ бронзовыхъ украшеній.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда приказчикомъ, живущимъ на хуторѣ, подняты на бугрѣ: односторонній железный мечъ длиною, съ частью стержня для укрѣпленія рукоятки, въ 84 сентим. (длина клинка 73 сент. и остатки стержня — 11 сент.), ширина клинка въ концѣ меча $2\frac{1}{2}$ сентим., по срединѣ и у рукоятки 3 сент.; железный наконечникъ копья длиною въ $37\frac{1}{2}$ сент., длина втулки 16 сент., диаметръ втулки въ широкомъ концѣ — 3 сент., длина узкаго ланцетовиднаго пера копья — 17 сент., ширина его посрединѣ — 3 сентим.; железный боевой топоръ длиною $21\frac{1}{2}$ сент., диаметръ втулки въ широкомъ концѣ 4 сент., острый конецъ топора — $4\frac{1}{2}$ сентиметра. Это оружіе г. Палуинъ передалъ намъ для Рязанскаго музея.

При осмотрѣ песчанаго бугра на поверхности его намъ попадались обломки кремневыхъ стрѣлокъ, ножей и скребковъ, а въ одномъ мѣстѣ, въ 43 сажняхъ отъ сѣвернаго конца бугра, на западномъ скатѣ его, нашли площадку, диаметромъ въ 5 сажень, на которой оказалось большое количество цѣлыхъ и обломанныхъ кремневыхъ но-

жиковъ и скребковъ, а также осколковъ отъ кремней; въ восточной сторонѣ этой площадки найдены очагъ, состоящій изъ круглаго пласта обожженной глины (діаметромъ въ 1 аршинъ), покрытаго золою, пепломъ, частями углей и черепками глиняной посуды древняго типа. Можно предполагать, что эта находка относится къ эпохѣ каменнаго вѣка и входила въ составъ стоянки мѣстнаго населенія каменнаго вѣка. При всѣхъ извѣстныхъ мѣстностяхъ Окско-Рязанскихъ могильникахъ постоянно обнаруживаются каменные орудія и оружіе, а иногда и обломки глиняныхъ сосудовъ того-же времени. Нерѣдко случалось находить возлѣ могильниковъ или вблизи отъ нихъ — остатки отъ стоянокъ каменнаго вѣка или ясно выраженные слѣды отъ нихъ.

СТАРОРЯЗАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

Изъ хутора „Кулаково“ мы направились въ главный пунктъ на-ходокъ мѣстной стороны, — въ село Старую Рязань, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки укрѣпленій столярнаго города великаго княжества Рязанскаго, въ видѣ валовъ и рововъ, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ сряду поверхность валовъ распаиваютъ и засѣваютъ рожью и овсомъ. На моей памяти распашка замѣтно понижаетъ высоту валовъ и въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, отъ нихъ останутся едва замѣтные слѣды. Хозяйственная утилизація валовъ начата покойнымъ А. Ф. Стерляговымъ, богатымъ мѣстнымъ помѣщикомъ. Такое небрежное отношеніе интеллигентныхъ представителей нашего общества къ дорогимъ памятникамъ родной старины ярко характеризуетъ низкій уровень нашей культуры даже среди богатыхъ классовъ мѣстнаго населенія.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ городище Старой Рязани каждый годъ даритъ намъ что нибудь изъ своихъ богатыхъ запасовъ старины, скрытыхъ въ землѣ. Для членовъ Рязанской Архивной Комиссіи, посвятившихъ свою дѣятельность изученію отдаленныхъ эпохъ Рязанскаго края, это историческое городище служитъ мѣстомъ ежегоднаго помолничества. За послѣдніе годы, каждое лѣто двое или трое членовъ Архивной Комиссіи пріѣзжаютъ въ село Старую Рязань для производства раскопокъ, археологическихъ изслѣдованій и приобрѣтенія

случайныхъ находокъ, которыя выносятся изъ нѣдръ земли на ея поверхность потоками весеннихъ водъ и размывомъ высокаго праваго берега р. Оки во время ея разлива.

Въ Старой Рязани уже нѣсколько лѣтъ живетъ членъ нашей Архивной Комиссiи, А. Ф. Федоровъ. Онъ постоянно принимаетъ участiе въ нашихъ работахъ на городищѣ и ближайшихъ окрестностяхъ; въ другое-же время внимательно слѣдитъ за находками мѣстныхъ крестьянъ. Такъ что въ послѣднiе годы почти ни одна интересная находка не исчезаетъ безслѣдно, какъ это часто случалось ранѣе, когда А. Ф. Федорова не было въ Старой Рязани. Много предметовъ найденныхъ здѣсь въ разное время и имѣющихъ высокое научное значенiе — разошлись по рукамъ невѣжественныхъ скупщиковъ, преслѣдующихъ только денежную наживу. До сихъ поръ еще сохранилась память между здѣшними старожилами о цѣнныхъ находкахъ, перешедшихъ въ руки евреевъ или торгашей, которые ломали и сплавляли древнiя серебряныя и золотыя вещи, нерѣдко украшенныя драгоценными камнями или жемчугомъ.

Городище Старой Рязани лежитъ на правомъ нагорномъ берегу Оки, въ 3 верстахъ отъ г. Спасска и въ 50 верстахъ отъ г. Рязани. Въ прежнее время оно представляло замкнутый со всѣхъ сторонъ земляными валами неправильный пятиугольникъ; площадь котораго имѣла около 49 десятинъ, а протяженiе наружныхъ валавъ равнялось тремъ верстамъ. Сѣверная сторона городища, образующая въ своемъ конечномъ сѣверо-западномъ пунктѣ довольно острый уголъ (около 45°), упирается въ глубокой съ обрывистыми берегами оврагъ, по дну котораго протекаетъ рѣчка Серебрянка, впадающая въ Оку. Западную сторону городища составляетъ высокiй берегъ Оки, представляющiй въ этомъ мѣстѣ два уступа или террасы. — На первой террасѣ, отстоящей саженъ на дватцать отъ рѣчки, расположены слободы; эта терраса узкою лентою саженъ въ 40 ширины тянется по берегу версты на двѣ, начиная отъ перевоза черезъ Оку до села Шатрищи; вначалѣ высота ея незначительна, — аршина три, но, приближаясь къ устью рѣчки Серебрянки, подъемъ ея быстро увеличивается и достигаетъ 7 аршинъ. Эта высота перваго уступа съ небольшими колебанiями сохраняется вплоть до села Шатрищи. За первымъ уступомъ, отъ 30 до 45 саженъ отъ края его, поднимается второй, высотой отъ 15 до 20 саженъ. На этомъ второмъ уступѣ были

расположены укрѣпленія Старой Рязани. Южная сторона городища примыкает къ правому берегу Черной рѣчки, протекающей въ высокихъ, крутыхъ берегахъ. Съ трехъ сторонъ Старая Рязань хорошо было защищена высокими и крутыми берегами, а искусственныя укрѣпленія, возведенныя на этихъ сторонахъ, дѣлали ее непреступною. Только восточная сторона городища, прилегающая къ открытому полю, отъ котораго отдѣляется валомъ и широкимъ ровомъ, представляла болѣе слабую защиту.

Въ настоящее время наружные валы сохранились собственно только съ двухъ сторонъ,—восточный и южный, и только незначительныя части ихъ уцѣлѣла—въ сѣверо-западномъ и въ сѣверо-восточномъ углахъ городища. Всѣ сохранившіеся до настоящаго времени остатки наружныхъ валовъ имѣютъ протяженіе около 700 сажень. Наружные же валы, ограждавшіе городъ съ запада по высокому берегу Оки на 600 сажень, и—съ сѣверо-востока, по лѣвому берегу Серебрянки на 180 сажень,—безслѣдно исчезли: они осыпались вмѣстѣ съ крутыми берегами Оки и Серебрянки въ теченіи послѣднихъ 120 лѣтъ. На специальномъ планѣ Переяславскаго уѣзда, Старорязанскаго стана, на горной стороны села Старой Рязани, снятомъ въ 1774 году мая 31 дня землемѣромъ Александромъ Протасовымъ, всѣ наружные валы были обозначены и представляли замкнутую линію неправильной формы пятиугольника¹⁾. Повидимому разрушеніе значительной части наружныхъ валовъ произошло уже давно, потому что старики изъ мѣстныхъ крестьянъ не помнятъ западнаго вала; а отъ сѣвернаго вала уцѣлѣли лишь незначительныя части его,—въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточныхъ углахъ. Между тѣмъ, на планѣ городища Старой Рязани, приложенномъ Д. Тихомировымъ къ его книгѣ— „Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани“,—обозначена въ юго-западномъ углу городища небольшая часть вала съ замѣтнымъ загибомъ южнаго вала на западъ. Стало быть, въ юго-западномъ углу южный и западный валы представляли неразрывную линію, образуя уголъ. Раскопки-же на городищѣ Д. Тихомировъ производилъ въ 1836 году.

По измѣренію землемѣра Протасова площадь городища, обнесенная земляными валами, содержала болѣе 48 десятинъ; протяженіе самыхъ

¹⁾ Планъ 1774 года хранится въ архивѣ Губернской Рязанской Межевой канцеляріи.

наружныхъ валовъ достигало 1480 сажень, имѣвшихъ въ основаніи пять сажень ширины. На его планѣ не обозначенъ внутренній валъ, сохранившійся до сихъ поръ; онъ пересѣкаетъ городище въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ и тянется изъ сѣверо-восточнаго угла наружнаго вала, прилегающаго къ полю, къ высокому берегу Оки, образуя нѣсколько вогнутую линію. Сохранившаяся часть этого вала почти посредию пересѣчена проломомъ, гдѣ теперь проходитъ большая дорога; часть вала, лежащая къ С.В. отъ дороги, имѣетъ 57 сажень длины, а другая половина—только 40 сажень; ширина дороги пролегающей въ проломѣ между валами—14 сажень. Конечныя части внутренняго вала какъ сѣверо-восточная, такъ и юго-западная совершенно разрушены обвалами въ глубокія промоины, образовавшіяся за послѣднее столѣтіе на лѣвомъ берегу Серебрянки и въ крутомъ берегу Оки. На всемъ протяженіи этого вала сохранился широкій ровъ, прилегающей къ сторонѣ вала, обращенной на юго-востокъ.

Назначеніе внутренняго вала съ его ровомъ становится вполне понятнымъ, если мы отнесемъ происхожденіе земляныхъ валовъ Старой Рязани къ двумъ разнымъ эпохамъ: сначала здѣсь возникъ небольшой укрѣпленный пунктъ, занимающій сѣверо-западный уголъ теперешняго городища. Внутренній валъ защищалъ этотъ городокъ съ юго-восточной стороны, со стороны поля, отъ котораго отдѣлялся наружнымъ ровомъ; сѣверная сторона городка, обнесенная валомъ, упиралась въ лѣвый обрывистый берегъ Серебрянки; западная-же сторона также была защищена валомъ, часть котораго еще сохранилась, и высокимъ крутымъ выступомъ, гдѣ теперь находится кладбище. Площадь этого городка не превышала семи десятинъ. Незначительные размѣры городка указываютъ уже на большую древность его, а отсутствіе остатковъ каменныхъ храмовъ на немъ подтверждаетъ наше предположеніе. На городищѣ Старой Рязани открыты основанія двухъ каменныхъ храмовъ въ 1836 и 1888 г.г. Изъ лѣтописей-же извѣстно, что въ Старой Рязани два каменныхъ храма были сооружены въ XII ст. Развалены обоихъ храмовъ находятся въ той части городища, которая охвачена валами болѣе поздней насыпки. Очень вѣроятно, что въ XII ст., вслѣдствіе разростанія города, явилась необходимость укрѣпить его новыми земляными валами и рвами. Вновь насыпанные валы окружили большую площадь—свыше 40 десятинъ и шли на югъ по

крутому берегу Оки до Черной рѣчки, затѣмъ по высокому правому берегу ея, образуя защиту южной стороны города, и наконецъ почти подъ прямымъ угломъ направлялись на сѣверъ и соединялись съ валомъ древняго городка въ сѣверо-восточномъ углу его.

По лѣтописнымъ указаніямъ основаніе Старой Рязани можно отнести къ половинѣ XI ст. Первоначально это былъ небольшой укрѣпленный городокъ, какіе южно-русскіе князья обыкновенно строили вблизи большихъ селеній покоренныхъ ими финскихъ племенъ, съ отдаленныхъ временъ обитавшихъ по всему теченію Оки. Эти городки служили наблюдательными и опорными пунктами въ только что завоеванныхъ областяхъ и упрочивали господство южно-русскихъ князей на Окѣ. Возлѣ Старой Рязани также было многолюдное финское селеніе, о времени возникновенія котораго мы ничего опредѣленнаго не знаемъ, но несомнѣнно оно существовало за нѣсколько вѣковъ до занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями. Въ заселенности этого мѣста съ глубокой древности насъ убѣждаютъ находки орудій и оружія каменнаго вѣка и затѣмъ остатки обширнаго финскаго могильника, одна часть котораго входила въ теперешнее городищѣ, а другая сохранилась до настоящаго времени на полѣ крестьянъ села Шатрицы.

Благодаря своему удобному положенію, Рязань росла и богатѣла и въ XII ст. становится столбнымъ городомъ великаго княжества Рязанскаго. Въ XIII ст. ужасное бѣдствіе постигло Русь, — полчища татаръ, какъ всеокрушающая на своемъ пути лавина, обрушились на русскія княжества. Первый ударъ татары нанесли Рязанскому княжеству. Въ 1237 году 16 декабря Батый обложилъ Старую Рязань. Не смотря на отчаянное сопротивленіе и безпримѣрное мужество защитниковъ, отражавшихъ подъ предводительствомъ вел. кн. Юрія Игоревича приступы враговъ, на шестой день осады, 21 декабря татары зажгли деревянныя укрѣпленія и ворвались въ городъ. Защитники пали подъ ударами мечей, городъ былъ разграбленъ и сожженъ.

Въ лѣтописяхъ разореніе Старой Рязани Батыемъ такъ описано: „Оттолѣ Батый поидоша ко граду Рязани, и обступиша градъ Рязань и начаша битися прилѣжно, и биаша у града пять дней неотступно. Батыевы воины премѣняшися, а граждане непремѣнно бѣахуся и многихъ гражданъ побиа, а инѣхъ извиша, а инѣи отъ великихъ трудовъ изнемогоша. А въ шестый день рано придоша поганіи ко граду, овіи соогни, а инѣи съ пороки (стѣнбитныя орудія), а инѣи съ много-

численными лѣствицами. И взявъ бысть градъ Рязань мѣсяца декемврія въ 21 день, и пожгоша весь градъ, и княгиню великую Агрипину со снохами и прочими княгинями въ церкви соборной мечи изсѣкоша, іереи и черноризцевъ до остатка изсѣкоши и все узорочье нарочитое, богатство черниговское и кievское поимаша, и храмы Божіи разориша, и въ святыхъ олтарѣхъ много крови проліяша и инѣхъ многихъ въ водѣ истопиша, и иніи мнози въ полонѣ поведени быша и не оста въ живыхъ не единъ во градѣ, вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша“.

Послѣ татарскаго разгрома, хотя Рязань и была восстановлена, но уже не имѣла ни прежней обширности, ни богатствъ, ни значенія и въ XIV ст. уступила свое первенство Переяславу Рязанскому (теперешней Рязани), куда переселились великіе князья и была перенесена епископская кафедра. Въ книгѣ большого чертежа Старая Рязань обозначена городищемъ, а въ окладныхъ книгахъ XVII ст. названа селомъ.

На городищѣ издавна находили различныя древнія вещи; о нѣкоторыхъ изъ находокъ сохранилась память. Калайдовичъ, бывшій въ Старой Рязани въ 1822 году, между прочимъ говоритъ: „Здѣсь я узналъ, что извѣстная Вамъ золотая корона выпажана въ городкѣ въ 1792 или 1793 году, и не дойдя до рукъ начальства, изломана и распродана по частямъ: камни, если вѣрить слуху, достались одному изъ тамошнихъ помѣщиковъ. Тутъ-же, въ берегу Оки, найденъ золотой обручъ съ камнями, неизвѣстно куда дѣвавшійся; а лѣтъ за 30-ть Зарайскій мѣщанинъ И. С. Перекисловъ, торговавшій въ Старой Рязани, купилъ тамъ у крестьянина выпажанную золотую вещь, подобную звѣздѣ съ колечками, украшенную камнями, которыхъ было 24, и жемчугомъ истлѣвшимъ отъ времени. Изъ сей драгоцѣнности крестьянинъ выломалъ камни и продалъ ихъ на мѣстѣ неизвѣстному Старорязанскому помѣщику, а золото за 160 рублей Перекислову, который перепродалъ оное въ Москвѣ за 360 рублей“¹⁾.

Самый цѣнный и важный кладъ случайно найденъ былъ на городищѣ 6-го іюня 1822 г. Вотъ какъ Калайдовичъ описываетъ открытіе знаменитой находки: „Я направилъ путь къ мѣсту драгоцѣнной

¹⁾ Письма К. Калайдовича объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи. Москва 1823 г., стр. 27.

находки. Меня сопровождали старцы селенія и крестьяне г. Шестакова, Устинъ Ефимовъ, сынъ его Моисей и Яковъ Петровъ, которымъ случай открылъ сія сокровища. Двое первыхъ, будучи высланы іюня 6-го, для обработыванія дороги, наняли къ своему участку стороннихъ людей. Сія послѣдніе, дошедши до мѣста находки, остановились, не хотя продолжать далѣе. Тогда Моисей при самомъ откосѣ, сдѣланномъ не глубже $\frac{3}{4}$ аршина, началъ сохою вспахивать землю, и первый открытъ два круглыхъ золотыхъ украшенія. Показавъ отцу, они дождались вечера. Когда всѣ ушли съ работы, Ефимовъ нѣсколько разъ водилъ сохою по мѣсту, заключавшему въ себѣ драгоценности: большая бляха попала на сошникъ. Въ слѣдъ за симъ вещи открывались одна за другою, но не въ одномъ мѣстѣ, а на нѣкоторомъ разстояніи. Ими найдено 28 украшеній. Яковъ Петровъ, вѣроятно за ними примѣчавшій, тутъ-же присоединился и открылъ 6 вещей... По словамъ Устина Ефимова, въсу во всемъ сокровищѣ было $7\frac{3}{4}$ фунта¹⁾.

1) Тамъ-же, стр. 23 и 24.

При этомъ считаю не лишнимъ привести описаніе найденныхъ вещей, сдѣланное Калайдовичемъ:

«1) Двѣ стороны круглой бляхи, самой большой (которой діаметръ $4\frac{5}{8}$ дюйма) и дугой, съ выемкою вверху оной и проушинами по сторонамъ для цѣпи. Съ лица представленъ поясной юный князь (можетъ быть Глѣбъ) въ вѣнцѣ, изображаемомъ на иконахъ, держащій въ правой рукѣ звѣздообразный крестъ; одѣяніе его крестчатое; по бокамъ два украшенія, подобныя цвѣтамъ. Вѣнецъ, одежда и цвѣты синей финифти, обведенные по мѣстамъ золотомъ. Изображеніе унизано вокругъ жемчугомъ. По полямъ бляхи вдѣлано 6 большихъ камней: 2 рубина, 1 сапфиръ и 1 изумрудъ, и 2 верхніе утратились. На оборотной сторонѣ въ срединѣ весьма большой бѣлой камень (вѣроятно, какой-либо хрусталь), унизанный вокругъ жемчугомъ, за коимъ также на поляхъ 5 рубиновъ, 2 сапфира, 1 изумрудъ и 1 выпадшій камень. У самага бордюра окружено жемчугомъ».

«2) Односторонняя бляха, въ діаметрѣ 4 дюйма, съ большимъ сапфиромъ въ срединѣ, окруженнымъ жемчугомъ и 4-мя меньшей величины камнями (2 рубинами и 2 утратившимися, 4-мя средними сапфирами, 8-ю небольшими рубинами (изъ коихъ одинъ утраченъ) и 8-ю такими-же камешками, расположенными по краямъ бляхи, между коими пространство по бордюру унизано жемчугомъ».

«3) Односторонняя бляха, въ діаметрѣ $3\frac{1}{8}$ дюйма. На ней представленъ поясной ликъ Богоматери въ одеждѣ изъ синей финифти, окруженный жем-

Старорязанскій кладъ, безспорно самый драгоценный изъ всѣхъ извѣстныхъ русскихъ кладовъ, былъ подробно описанъ Калайдовичемъ, Оленинымъ и Кондаковымъ. По мнѣнію первыхъ двухъ археологовъ, одиннадцать круглыхъ золотыхъ медальоновъ и бляхъ входили въ составъ княжескаго одѣянія, и потому этимъ драгоценнымъ украшеніямъ было присвоено названіе „рязанскихъ бармъ“. По объясненію же Н. Кондакова, пара большихъ дутыхъ круглыхъ бляхъ должна быть отнесена къ *подвѣснымъ колтамъ*, по своему устройству совершенно тождественныхъ съ полыми кievскими серебряными подвѣсками, но почти втрое крупнѣе обычныхъ кievскихъ эмальированныхъ серегъ. Затѣмъ остальные девять медальоновъ г. Кондаковъ рассматриваетъ какъ два подбора княжескихъ бармъ или нагрудныхъ украшеній; первый подборъ состоялъ изъ трехъ медальоновъ, а второй изъ шести;

чугомъ и 9-ю небольшими рубинами (2 утрачены). По краямъ бляхи 9-ть такихъ-же камешковъ (съ потерей двухъ), между которыми пространство было унизано жемчугомъ, который весь утратился».

«4) Односторонняя бляха, въ діаметрѣ $2\frac{7}{8}$ дюйма, съ большимъ рубиномъ въ срединѣ, унизаннымъ жемчугомъ, вокругъ 8 меньшихъ камней (4 сафира и 4 рубина); ближе къ среднему рубину расположено 8 мелкихъ рубиновъ и 7 такихъ-же камешковъ (2 потеряны) по краямъ бляхи, между которыми былъ опавшій жемчугъ. Къ бляхамъ, означеннымъ подъ №№ 2, 3 и 4, вверху придѣланы ушки, украшенные мелкими рубиками, внизу коихъ продѣтъ тонкой шпенецъ (видѣнъ у двухъ), безъ сомнѣнія для цѣпочки, которою сіи вещи прикрѣплялись къ оплечьямъ. Каждого номера по три штуки».

«5) Односторонняя бляха съ ушками, въ діаметрѣ $1\frac{1}{2}$ дюйма, представляющая ликъ Богоматери съ надписью: «Марія». Одежда и вѣнецъ изъ синей финифти».

«6) Бляха, образующая эллипсисъ, съ двумя ушками, въ діаметрѣ $2\frac{1}{4}$ длины и $1\frac{7}{8}$ дюйма ширины. На ней, въ гладкомъ полѣ, изображенъ распятый Спаситель, съ стоящими у креста Богоматерію и Іоанномъ Богословомъ. Вверху два Херувима. Крестъ и одежда на предстоящихъ, а также и Херувимы изъ синей финифти. По бокамъ самаго Распятія греческая надпись, сверху внизъ идущая (се сынъ твой, — се мати твоя). Изображеніе по полямъ бляхи усажено 12-ю мелкими рубинами».

«7) Яйцеобразное, испещренное разнообразными мелкими углубленіями украшеніе, съ двумя вверху и внизу крючками, въ діаметрѣ длины $1\frac{5}{8}$, въ поперечникѣ $\frac{7}{8}$ дюйма. На семь украшеній видѣнъ поясной ликъ съ книгою; и съ прочихъ трехъ сторонъ, какъ замѣтно, должны быть изображенія. Подъ каждымъ ликомъ находятся крючечки».

«8) Крестъ яшмовый продолговатый съ проушиною, въ длину $1\frac{7}{8}$, въ ши-

къ нимъ-же относятся и одиннадцать золотыхъ ажурныхъ бусинъ или репій, а можетъ быть и два золотыхъ сіонца, имѣющихъ видъ небольшого храма ¹⁾.

Затѣмъ, въ 1836 году Д. Тихомировъ произвелъ раскопки одного изъ двухъ большихъ кургановъ, находящихся на Сторорязанскомъ городищѣ, и нашель остатки каменнаго храма съ гробницами, повидному, князей и княгинь рязанскихъ; въ гробницахъ и развалинахъ храма было открыто большое количество доскутовъ золотой парчи, шелковыхъ тканей, серебряныхъ пуговицъ, крестиковъ и другихъ предметовъ.

рину $1\frac{1}{8}$ дюйма, съ четырехъ концовъ оправленный золотомъ и мелкими рубинами».

«9) Крестъ яшмовый меньшей величины, въ длину $1\frac{1}{8}$, въ ширину 1 дюймъ. Золотая оправа съ мелкими рубинами видна только на правомъ и лѣвомъ концахъ; съ двухъ прочихъ, безъ сомнѣнія, утратилась».

«10) Продолговатое украшеніе съ крестообразнымъ углубленіемъ и 4 рубинами. На верхнемъ и нижнемъ концахъ оного замѣтны отверстія. Длинною въ 2 дюйма, въ поперечникъ $1\frac{1}{8}$ дюйма. Пять штукъ (бусы)».

«11) Продолговатое украшеніе съ разнovidными [мелкими углубленіями и большимъ крестообразнымъ, по которому мѣсто рубиновъ занимаетъ жемчугъ. На верхнемъ и нижнемъ концахъ замѣтны отверстія. Длинною въ $1\frac{7}{8}$ дюйма въ поперечникъ 1 дюймъ. Шесть штукъ (бусы)».

«12) Широкая сквозная пластинка золота. Круглыя петли въ срединѣ сего украшенія, соединяясь между собою, могутъ закрѣпляться шпенькомъ и тѣмъ связывать обѣ части пластинки. Подъ нижнею петлею находится колечко. Ширина пластинки $\frac{7}{8}$ дюйма».

«13) Длинная цѣпочка составленная изъ мелкихъ колечекъ и разнообразныхъ пластинокъ.... Кругловатая пластинка, оканчивающая цѣпочку украшена бирюзами».

«14) Золотой крестообразный перстень, украшенный однимъ большимъ и четырьмя малыми изумрудами. Двѣ штуки».

«Во всѣхъ вещахъ камней разной величины 286; въсу въ золотѣ съ камнями 5 ф. 95 золотн., и особо въ мелкой серебряной вызолоченной чешуѣ 84 золотника».

«Всѣ драгоценности изъ самаго чистаго золота хорошо сохранились; финифтяныя изображенія нимало не пострадали отъ времени, и сканная работа на № 1, 2, 3, 4, 6 и 10-мъ осталась въ первоначальномъ видѣ; одинъ только жемчугъ измѣнился, потерялъ блескъ и у большей части вещей осыпался».
(Стр. 10—15).

¹⁾ Русскіе клады. Томъ I, стр. 83—96.

Привожу выдержки изъ дневника раскопокъ Д. Тихомирова: „Съ 15 мая 1836 года мы приступили къ разрытію, со входа въ городобъ, второго холма, гдѣ по предположенію нашему существовалъ въ древности Борисоглѣбскій соборъ; поросшій травою холмъ имѣлъ длины отъ востока къ западу 30, ширины отъ сѣвера къ югу 22 саж., а высота его поверхности отъ земли около 2, а окружность всего холма простиралась до 90 сажень. Когда начали копать, сперва являлся лишь одинъ обмелевшій кирпичъ, а потомъ, когда вырыли канаву до двухъ аршинъ глубины, то съ сѣверной стороны обнаружилась каменная стѣна толщиной въ $2\frac{1}{2}$ арш. Тогда продолжали рыть съ противоположной стороны, и открыли точно такую-же стѣну съ крыльцами, колоннами и тумбами. Послѣ того 4 дня продолжалась разработка и отысканы были, на равной глубинѣ отъ концовъ стѣнъ, три полукружія на востокъ, образовавшія алтари. Часть пола средняго алтаря состояла изъ плоскихъ кирпичей, верхняя поверхность которыхъ была покрыта зеленою глазурью. И такъ наше предположеніе подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Остатки зданія древняго Борисоглѣбскаго собора, бывшіе нѣсколько вѣковъ подъ кровомъ неизвестности, нынѣ обнаружены. Затѣмъ продолжали открытіе стѣнъ. Зданіе имѣло въ длину $44\frac{1}{2}$, въ ширину 28 аршинъ, главный алтарь 9, а придѣльные по $5\frac{1}{2}$ арш., стѣны сложены изъ плитнику (кирпичей) мѣрою въ длину 6 вершк., поперекъ 4 и толщиною $1\frac{1}{4}$ верш.“

„Въ сѣверо-западномъ углу собора, глубиною около трехъ аршинъ, найдена каменная гробница, изсѣченная изъ цѣльнаго известкового камня, мѣрою: въ длину— $2\frac{3}{4}$, ширину—1, глубину— $\frac{3}{4}$ арш. и толщина стѣнокъ— $1\frac{1}{2}$ верш. Въ гробницѣ, по святіи крыши, оказалось 10 человѣческихъ головъ со множествомъ костей, съ остатками богатой одежды, состоявшей судя по полуистлѣвшимъ лоскутамъ, изъ сквозной парчи, шелковыхъ тканей, разноцвѣтной камки и проч.“

„Тамъ-же находили обломки рѣзныхъ камней, вѣроятно бывшихъ капителями на внутреннихъ колоннахъ; вырывали куски раскрашенной различными колерами штукатурки. На одной изъ обрушившихся арокъ сохранились остатки образа какого-то св. угодника“.

„14 іюня, въ юго-западномъ углу храма, въ открытомъ склепѣ найдены еще двѣ точно такіа-же каменные гробницы одинаковой величины, въ нихъ оказались останки 16 человѣкъ¹⁾“.

¹⁾ Одна изъ этихъ трехъ гробницъ съ частью верхней плиты, служившей

„Кромѣ каменныхъ гробницъ, было открыто нѣсколько истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ остатками костей, найдены лоскуты полустлѣвшей парчи, позументовъ, золотистыхъ сѣтокъ, шелковыхъ тканей съ вышитыми на нихъ золотомъ драконовъ, птицъ, крокодиловъ, грифоновъ и проч. Сверхъ того, золотая повязка, перевитая мелкими выпуклостями и лоскутъ парчи съ изображеніемъ веруководнаго образа св. Спаса. Между прочимъ найденъ металлическій литой образокъ, кажется, Михаила Архангела ¹⁾“.

Между находками, собранными Д. Тихомировымъ во время раскопокъ Борисоглѣбскаго соборнаго храма, ему попались двѣ металлическія вещи: мѣдная круглая блиха со скважиною и проушиною, и крышкою, хранится въ Рязанскомъ историческомъ музеѣ съ 1885 года. Другія же гробницы долгое время оставались на мѣстѣ раскопокъ и затѣмъ были зарыты въ землю, на близъ лежащемъ кладбищѣ. Мѣсто ихъ нахожденія неизвѣстно.

¹⁾ Д. Тихомировъ. «Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани». 1844 г., стр. 8—17.

Вотъ подробный перечень остатковъ тканей и другихъ вещей, выпутыхъ Д. Тихомировымъ изъ каменной гробницы, найденной имъ 28 мая въ сѣверо-западной части храма и вскрытой въ томъ-же 1836 году іюня 9 дня: «Сквозная шелковая матерія, шахматнымъ узоромъ, свѣтло-каричневая; золотая парча съ зелеными шелковыми узорами разныхъ видовъ; парча сквозная, темно-желтая; шелковая вязаная матерія; два шелковыхъ косника или плетеницы; въ видѣ женскихъ косъ (богатыя женщины того времени носили косники на головѣ при недостаткѣ собственныхъ волосъ); плетенныя узорчатыя пелтицы; кожаный верхъ сапоговъ или туфель краснокоричневый, шитый шелками разными узорами; шелковая плетеница, обшита золотымъ позументомъ; тонкая шелковая дымка, обвита золотомъ; дымчатая сквозная тканьъ съ узорами; золотая узорчатая камка; остатки шелковаго чулка; шелковая темно-желтая матерія; такая-же матерія темно-розовая; шелковая матерія сложенная мелкими складками; лоскутъ шелковой матеріи похожій на отласъ; кожаная туфля выкроенная изъ пѣлаго лоскута; нѣсколько мелкихъ кусковъ золотыхъ позументовъ; множество кожаныхъ лоскутовъ, вѣроятно, остатки обуви».

Въ шести деревянныхъ гробахъ, вмѣстѣ съ истлѣвшими костяками, найдены были слѣдующіе остатки одежды:

«Золотая узкая головная повязка, перевитая мелкими выпуклостями; золотой позументъ; золотая сѣтка искусной работы, съ золотыми выпуклостями, въ видѣ малыхъ пуговицъ; сквозная золотая тканьъ по дымчатой матеріи, изображающая грифоновъ; такая-же матерія, представляющая золотомъ вышитыхъ или вытканыхъ сплетшихся змѣй; золотая тканьъ, представляющая дра-

такой-же обручъ съ застежкой, обѣ эти вещи, вѣроятно, остатки латы 1)“.

Такъ поясняетъ Д. Тихомировъ значеніе найденныхъ металлическихъ вещей. На самомъ-же дѣлѣ эти предметы не имѣютъ никакого отношенія не только къ латамъ, но и ко всему, что удалось Д. Тихомирову открыть въ развалинахъ древняго храма. Изображенія бляхи и обруча, помѣщенные Тихомировымъ на IV рисункѣ, наводятъ на мысль, что Борисоглебскій храмъ былъ построенъ на мѣстѣ древняго финскаго могильника, принадлежавшаго коренному населенію Рязанскаго края. Могильникъ, какъ оказалось впоследствии, занималъ большую площадь; южная часть его сохранилась до сихъ поръ на лѣвомъ берегу Черной рѣчки, на полѣ крестьянъ села Шатрицы, расположенномъ къ юго-востоку отъ южнаго вала Старорязанскаго городища. Сѣверная-же часть могильника, повидимому, простиралась до того мѣста, гдѣ въ XII стол., въ Старой Рязани былъ сооруженъ каменный храмъ. Снимая землю при раскопкахъ развалинъ храма, Д. Тихомировъ, какъ я полагаю, случайно достигъ остатковъ одного изъ погребеній на языческомъ могильникѣ и нашелъ нагрудную бронзовую бляху, вмѣстѣ съ обломкомъ бронзовой шейной гривны. Едва-ли можно отнести эти находки къ случайнымъ.

Не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста бывшаго храма, въ оврагѣ возлѣ Черной рѣчки уже славнаго времени находятъ истлѣвшія человѣческія кости, разнообразныя бронзовыя украшенія и желѣзное оружіе, выпадавшія изъ разрушающихся языческихъ могилъ. Образование этого могильника относится къ VII—IX ст., т. е. къ тому отдаленному времени, когда здѣсь не только не было каменныхъ храмовъ, но и не зарождалось еще княжество Рязанское.

Въ Старой Рязани, въ 1868 году крестьянинъ, копавшій землю у большой дороги, въ концѣ вала, вблизи остатковъ храма, открытаго Тихомировымъ въ 1836 году, нашелъ кладъ серебряныхъ вещей. Кладъ состоялъ изъ пяти серебряныхъ круглыхъ медальоновъ: большого срединнаго съ изображеніемъ креста на разводахъ, двухъ мень-

коновъ: такая-же ткань, изображающая страусовъ; золотая ткань съ изображеніемъ крокодила: такая-же золотая ткань, изображающая четвероногое животное въ родѣ грифона; на такой-же золотой ткани изображены двѣ птицы» (Тамъ-же, стр. 29—30, 34—35).

1) Тамъ-же, стр. 19.

шихъ съ погрудными фигурами Спаса благословляющаго и Богородицы, и двухъ малыхъ съ крестами; одного аграфа изъ лигатурнаго золота съ тремя бусами и двумя ушками для проволоки; пары серебряныхъ подвѣсокъ изъ конусообразной воголки, украшенной зернью — городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и зернью; двухъ мѣдныхъ крестиковъ; трехъ великолѣпныхъ бусъ, украшенныхъ тончайшею сканью и зернью; тонкой, на четыре грани плетеной, цѣпочки изъ серебра съ наглавниками, держащими проволочное кольцо съ бусиною, и наконецъ — пяти отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ блестяекъ, въ видѣ трехъ орнаментальныхъ крестовъ на подножии и пары треугольничковъ; по краямъ всѣхъ блестяекъ есть дырочки для ихъ пришиванія ¹⁾).

И въ послѣдующіе годы въ Старой Рязани попадались разныя древнія вещи, большею частію исчезавшія неизвѣстно куда. Мнѣ былъ извѣстенъ крестьянинъ села Старой Рязани, Иванъ Михайловъ Ермолаевъ, онъ много лѣтъ разыскивалъ и собиралъ старину какъ на городищѣ, такъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ его; кромѣ того, скупалъ всѣ находки, какія случайно попадались мѣстнымъ крестьянамъ и ихъ дѣтямъ.

Въ 1876 г. И. Ермолаевъ, выбирая бутовый камень изъ развалинъ древняго храма, находившихся на Старорязанскомъ городищѣ подъ вторымъ холмомъ, который Д. Тихомировъ не успѣлъ изслѣдовать, — наткнулся на основаніе одной изъ колоннъ храма и между плитами изъ бѣлаго камня, въ выдолбленномъ углубленіи одной изъ нихъ нашелъ 17 серебряныхъ слитковъ (понизовыхъ монетныхъ гривенъ), вѣсившихъ около 8½ фунтовъ. На одномъ слиткѣ, по его словамъ, была надпись „матфеи“, на другихъ — насѣчки. Ермолаевъ продалъ находку въ Москвѣ на вѣсь. Имъ же, близъ сѣверной наружной стороны развалинъ храма, былъ найденъ кладъ мелкихъ серебряныхъ денегъ съ изображеніемъ птицы на одной изъ сторонъ. Вѣроятно это были деньги вел. кн. Рязанскаго Василія Ивановича, княжившаго съ 1456 по 1483 г.

Тамъ же Ермолаевъ нашелъ двѣ золотыя пряжки, нѣсколько серебряныхъ блестяекъ, одна изъ нихъ съ эмалью, серебряное витое колечко и три бусы. Часть найденныхъ и скупленныхъ имъ вещей поступила

¹⁾ Н. Кондакова Русскіе клады. Т. I, стр. 111 - 112.

въ Рязанскій музей, остальные имъ были проданы въ Москвѣ или стороннимъ торговцамъ пріѣзжавшимъ въ Старую Рязань на ярмарку.

Въ 1887 году въ Старой Рязани, возлѣ усадьбы черничекъ оказалась находка разныхъ серебряныхъ вещей. Рязанская Ученая Архивная Комиссія поручила А. В. Селиванову произвести на мѣстѣ открытія вещей раскопки и пріобрѣсти находку для Рязанскаго музея. А. В. Селивановъ скупилъ всѣ найденныя вещи и, произведя раскопки и тщательно обслѣдую обвалившуюся землю, нашель три каменныхъ обдѣланныхъ въ серебро креста, серебряныя и каменные бусы, остатки золотой парчи и куски повязки обшитой серебряными бляшками.

Мѣстность, — говоритъ А. В. Селивановъ въ своемъ докладѣ, — гдѣ были найдены всѣ эти предметы, представляетъ высокій бугоръ на берегу рѣки Оки, за Благовѣщенской церковью. На вершинѣ бугра въ настоящее время находится новое кладбище, а на противоположномъ отъ церкви склонѣ бугра, близъ дороги, ведущей отъ усадьбы г. Стерлигова въ древнее Старорязанское городище, имѣется нѣсколько усадебныхъ построекъ, примыкающихъ къ самому бугру, который такимъ образомъ постепенно закапывается по мѣрѣ расширения построекъ. Въ отдѣльной земляной стѣнѣ, примыкающей къ одной изъ этихъ построекъ и отдѣленной отъ нея узкимъ корридорчикомъ, 12 мая образовался отъ дождя обвалъ и обнаружили на высотѣ отъ поверхности бугра, приблизительно, на три аршина, сложенные въ кучу различныя серебряныя вещи, при чемъ часть ихъ обсыпалась вмѣстѣ съ обвалившейся землей. Грунтъ земли глинистый и весьма твердый, но мѣстами, въ особенности надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обнаружили вещи, рыхлый, ничто указываетъ на то, что вещи эти по всей вѣроятности были спрятаны когда нибудь, можетъ быть передъ нашествіемъ непріятеля, на глубинѣ выкопанной ямы, и затѣмъ засыпаны землею. Только счастливая случайность могла привести къ открытію ихъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ были они спрятаны, не представляло никакихъ признаковъ которые могли бы служить указаніемъ къ производству раскопокъ. Сдѣланное мною изслѣдованіе близъ самаго мѣста находки не обнаружили еще никакихъ предметовъ, но за то въ обсыпавшейся землѣ я нашель нѣсколько вещей, которыя вѣроятно были спрятаны вмѣстѣ съ прежде найденными, будучи завернуты въ какую нибудь ткань. Впрочемъ недалеко отъ мѣста нахождения вещей въ томъ-же бугрѣ были найдены слѣды жженохъ зеренъ ржи или пшеницы, а также ближе къ дорогѣ

остатки большого мѣднаго котла и куски небольшого мѣднаго таза съ изображеніемъ женскихъ фигуръ и надписями. Кромѣ того, отъ одного изъ крестьянъ былъ мною пріобрѣтенъ найденный на вершинѣ бугра, при копаніи могилы, за нѣсколько дней до моего пріѣзда, костяной ножъ съ вырѣзаннымъ на немъ узоромъ“.

„Почти все найденныя 12—23 мая вещи представляютъ собою различнаго рода женскія украшенія, т. е. остатки головного убора, ожерелья изъ бусъ и крестовъ, серьги или, вѣрвѣе, височныя привѣски и т. п.“.

„Большая часть височныхъ или ушныхъ привѣсокъ состоитъ изъ серебрянаго кольца, на которое продѣто три шарика, спаянныхъ изъ двухъ половинокъ тонкаго серебрянаго листа. Между шариками на-вернутая проволока держитъ ихъ въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого. Шарикъ украшенъ зернистыми филигранными узорами, напоминающими на однихъ привѣскахъ георгіевскіе кресты, и на другихъ — шестиконечную звѣзду“.

„Другія двѣ пары ушныхъ привѣсокъ не большого размѣра имѣютъ чрезвычайно своеобразную форму и принадлежать къ болѣе рѣдкимъ типамъ украшеній этого рода. Одна пара этихъ привѣсокъ имѣетъ видъ семиконечной звѣзды съ гладкими шариками на концахъ лучей и съ конусообразнымъ выступомъ въ центрѣ, оканчивающимся такимъ же шарикомъ. Поверхность привѣсокъ густо усеяна множествомъ зернышекъ, расположенныхъ группами. Привѣски чрезвычайно массивны и имѣютъ въ поперечникѣ $1\frac{5}{8}$ вершка. Другая пара привѣсокъ имѣетъ видъ гладкихъ чечевицеобразныхъ съ выемкой на верху дисковъ, окаймленныхъ по окружности гладкими шариками, нанизанными на тонкую прикрѣпленную къ краямъ дисковъ особыми ушками проволоку. Съ обѣихъ сторонъ имѣется изображеніе чернью двухъ голубей, обращенныхъ другъ къ другу головами и соединенныхъ узорчатымъ сплетеніемъ. Привѣски имѣютъ въ поперечникѣ $1\frac{3}{8}$ вершка“.

„Въ числѣ найденныхъ вещей было шесть довольно крупныхъ бусъ, сдѣланныхъ изъ серебра, съ зернисто-филигранными украшениями; онѣ имѣютъ форму двухъ соединенныхъ основаніями конусовъ. Затѣмъ шесть поплавоквидныхъ бусъ изъ синяго стекла, обдѣланныхъ съ обоихъ концовъ въ серебро. Наконецъ нѣсколько бусъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго глинянаго состава, а также одна изъ горнаго хрустала“.

„Крестовъ найдено четыре; всѣ они каменные, четырехконечные. Два изъ нихъ гладкіе, безъ оправы; одинъ маленькій оправленный въ серебро и одинъ довольно крупный крестъ изъ яшмы обдѣланъ на концахъ серебряными пластинками, украшенными узорами изъ припаянныхъ зернышекъ“.

„Интересъ представляютъ также найденные лоскутки золотой парчевой ткани и галуна съ хорошо сохранившимся узоромъ изъ кружковъ и полосокъ, а также кусковъ шелковой ленточки, обшитой серебряными позолоченными четырехъ-угольными бляшками съ вдавленнымъ узоромъ въ видѣ буквы „X“, окаймленными по краямъ мелкимъ бѣлымъ бисеромъ 1)“.

Въ 1888 году А. В. Селивановъ произвелъ раскопки второго холма на Старорязанскомъ городищѣ, который не былъ изслѣдованъ Д. Тихомировымъ въ 1836 году, и открылъ остатки развалинъ другого древняго храма. Въ самомъ храмѣ и возлѣ него было обнаружено много могилъ и найдено значительное количество разныхъ мелкихъ вещей и 12 мѣдныхъ византийскихъ монетъ XII ст..

„Совершенно ясно обнаружился, — отмѣчаетъ А. В. Селивановъ въ своемъ дневникѣ раскопъ, — всѣ стѣны или вѣрнѣе слѣды стѣнъ, такъ какъ на мѣстѣ ихъ сохранились лишь глубокія канавы наполненныя мусоромъ. Произошло это потому, что изъ всѣхъ стѣнъ бутъ тщательно выбранъ, при чемъ выбранныя мѣста заваливались мусоромъ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣлъ не только бытовой камень, но и кирпичная кладка самыхъ стѣнъ. Какъ внутри храма, такъ и внѣ его найдено было значительное количество могилъ съ остовами, а также множество различнаго рода предметовъ: украшеній, монетъ, орудій и проч. Судя по способу погребенія остововъ, а также по найденнымъ въ могилахъ предметамъ и нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ (края нѣкоторыхъ могилъ, находившихся внутри храма, какъ-бы подходили подъ стѣну, что указываетъ на то, что стѣны возводились уже надъ существующими въ данномъ мѣстѣ могилами), я пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что большая часть могилъ, а можетъ быть и всѣ, принадлежать эпохѣ болѣе древней чѣмъ та, къ которой относится храмъ. По всей вѣроятности, храмъ былъ построенъ на мѣстѣ древняго могильника“.

1) Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Томъ II, стр. 101—102.

„Планъ храма представляетъ собою форму четырехконечнаго креста, въ который вписанъ четырехугольникъ. Найденный мною храмъ имѣлъ въ длину— $39\frac{1}{2}$, а въ ширину— $36\frac{1}{2}$ аршинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что измѣреніе это не вполне точное, такъ какъ ширина стѣнъ измѣрена по бутовымъ канавамъ, которыя обыкновенно бываютъ шире са-мыхъ стѣнъ. Бутъ состоялъ изъ крупнаго бѣлаго камня мѣстами съ явными слѣдами заливки. Уцѣлѣвшая мѣстами кладка стѣнъ состоитъ изъ кирпичей или плитъ большаго формата, крѣпко связанныхъ известью. Такія-же четырехугольныя плиты устилали и полъ внутри церкви. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились слѣды такого пола. Кирпичныя плиты выстилались прямо на землѣ въ одинъ рядъ и заливались известью. Въ мусорѣ стѣнъ и внутри церкви найдено нѣсколько образцовъ штучныхъ кирпичей довольно разнообразныхъ формъ. Фигурные кирпичи, вѣроятно, служили для наружныхъ украшеній, для колоннъ, пилястръ и т. п. Размѣръ большихъ кирпичныхъ плитъ слѣдующій: длина—отъ 6 до $6\frac{1}{2}$ вершк., ширина—отъ $4\frac{1}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ вершк. и толщина—отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ вершк.; попадались также обломки кирпичей меньшаго формата... Въ средней части храма, близъ переднихъ столбовъ, въ слоѣ, гдѣ сохранились слѣды кирпичнаго пола, были найдены мѣдныя византійскія монеты, относящіяся ко времени импер. Іоанна II Комнина, стало быть—къ первой половинѣ XII в. Кроме того, найдена одна монета Іоанна Цимисхія (965—976) и нѣмецкій денаръ XI в... Непосредственно подъ верхнимъ слоемъ мусора, въ центральной части храма были найдены двѣ серебряныя звѣздчатыя привѣски (серьги) и серебряная чашка съ изображеніемъ, на внутренней поверхности дна, животного похожаго на оленя. Въ мусорѣ внутри храма часто попадались небольшіе мѣдныя обломки, наименовающіе части изломанной рѣшетки, куски сплавленнаго стекла, мѣди, олова, угли и зола“.

„Раскопки были начаты 30 мая 1888 г.; 31 мая по расчисткѣ внѣшняго края стѣны, подъ слоемъ мусора оказалось четырехугольное пространство изъ чистой насыпной глины. Въ центральной части глинистой насыпи въ 2 арш. глубины обнаружился вертикально стоящій небольшою обрубокъ сгнившаго дерева, отъ верхняго конца котораго отпала небольшая бронзовая женская фигура, въ видѣ бюста (хранится въ Рязанскомъ музеѣ). Подъ слоемъ глины, пространство котораго суживалось книзу, оказался слой плотной примятой черной

земли, глубиною на 1 арш., на поверхности этой земли, покрытой остатками рыбы (рыбья чешуя, свиные зубы, косточки разных животных и пр.), найдены осколки глиняного горшка, витое каменное колечко и бронзовый крестикъ.

При расчисткѣ земли съ вѣшной стороны восточной стѣны храма, на глубинѣ 1 арш. найдены двѣ могилы. Остовы лежали прямо на грунту головами на западъ. По бокамъ остововъ слѣды деревянныхъ гробовъ. У одного изъ костяковъ руки сложены на груди, лицо повернуто на югъ, подъ головою кирпичъ четырехугольной формы. 15 июня за среднимъ выступомъ алтаря найдено два остова. Одинъ лежалъ головою на западъ и съ лицомъ обращеннымъ на югъ, на голой землѣ, безъ признаковъ дерева; руки сложены крестообразно; вещей не оказалось. Далѣе отъ стѣны другой остовъ, направленіе тоже; лицо обращено на сѣверъ; руки сложены на груди, подъ головою и ногами по кирпичу, дерева нѣтъ; въ ногахъ найдена серебряная пуговка. Расчищена внутренность сѣвернаго алтарнаго выступа; около загиба стрѣлки, отдѣляющей алтари, на глубины около 1¹/₂ арш. отъ поверхности оказался истлѣвшій остовъ. У головы найдено 3 стеклянныхъ бусинки, одна серебряная ажурная и около лѣваго уха—стеклянная серьга; сохранились слѣды деревяннаго гроба. Въ углу между алтарями съ вѣшной стороны стѣны найдень остовъ съ головою на западъ; подъ головою и ногами по половинѣ кирпича. Снаружи у сѣвернаго алтаря найдень остовъ, направленіе тоже, руки сложены, вещей нѣтъ. Вблизи найдень остовъ, направленіе тоже, подъ головою камень, вещей не оказалось. Внутри, въ сѣверо-западномъ углу храма найдень остовъ ребенка; кости истлѣли, слѣды деревяннаго гроба; найдены бусы, раковинка, обломки желѣзнаго ключа и мѣднаго небольшого бубенчика съ слѣдами холщевой ткани, бронзовый браслетъ и колечко. Тутъ-же внутри храма, въ слое насыпной земли найдень остовъ на глубинѣ 1¹/₄ арш.; голова обращена на западъ, правая рука протянута, лѣвая согнута; слѣды дубоваго гроба; по сторонамъ черепа 4 серьги, на мѣстѣ шеи—стеклянное ожерелье, на груди пуговица, кольцо и перстень. Рядомъ оказался другой, плохо сохранившійся остовъ, на той же глубинѣ и въ томъ-же положеніи; вещей приемъ не было. Внутри храма, противъ крайней стѣны лѣваго алтаря найдень остовъ въ выдолбленномъ дубовомъ гробѣ, ногами на востокъ, кости истлѣли; вещей не было. Внутри храма, у сѣверной стѣны найдено два остова,

ногами на востокъ, съ остатками деревянныхъ гробовъ; вещей не оказалось. Тамъ-же, въ юго-западномъ углу храма, подъ поломъ, на глубинѣ 1 арш. найденъ остовъ головой на западъ, подъ головой и ногами по кирпичу, руки сложены на груди, слѣдовъ гроба нѣтъ; вещей не оказалось“.

„Внутри храма, противъ стрѣлки южнаго алтаря найденъ остовъ на глубинѣ 1 1/2 арш., головой на западъ, лицомъ вверхъ, руки сложены на груди; подъ головой и ногами по кирпичу, слѣды деревяннаго гроба, вещей нѣтъ. Въ южной части храма оказалась четырехугольная могила, въ которой найдено 25 череповъ, лежащихъ рядами и одинъ на другомъ; костей не много, все засыпано пескомъ и заложено сверху кирпичами. Большая часть головъ распалась, нѣкоторыя изъ нихъ какъ будто были изрублены. Въ нижнемъ ряду головъ найденъ черепъ животнаго (верблюда). Съ наружной стороны храма, противъ южнаго алтарнаго выступа, а также противъ юго-западнаго угла храма найдено два остова, оба головами на западъ, съ крестообразно сложенными руками; по сторонамъ слѣды гроба. При одномъ изъ нихъ, у правой ключицы найденъ кусокъ галуна. Не далеко отъ перваго остова найдена могила, въ которой на глубинѣ 1 арш. сложены были кучею около 70 череповъ. Въ южной части храма найденъ остовъ съ неправильнымъ положеніемъ костей. Около, въ насыпной землѣ, на глубинѣ 3 1/2 арш. вырытъ большой глиняный горшокъ (въ родѣ корчаги), съ волнистымъ орнаментомъ ниже вѣчика; внутри горшка оказалась земля смѣшанная съ углемъ, рыбьими костями и чешуей (хранится въ Рязанскомъ музеѣ“).

„Вдоль сѣверной наружной стороны храма, на глубинѣ отъ 1 1/2 до 2 1/2 арш. открыто 9 остововъ; всѣ головами на западъ, руки сложены крестообразно, остатковъ гробовъ и вещей изъ нихъ не найдено. Съ наружной стороны, у юго-западнаго угла храма, на глубинѣ 1 3/4 арш. найденъ остовъ съ головою на западъ; на груди его оказался кожаный плетевый крестъ съ такими-же шнурами, а въ ногахъ остатки кожаной обуви и кусочекъ мѣди, остатки дубоваго гроба¹⁾“.

Приведенныя мною выдержки изъ дневника раскопокъ А. В. Се-
ливанова не оставляютъ почти никакого сомнѣнія относительно времени

¹⁾ Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссiи за 1888 г. Томъ III, стр. 159—164.

погребеній, открытыхъ имъ какъ внутри храма, такъ и у наружныхъ сторовъ его. Положеніе костяковъ головами на западъ, ногами на востокъ, присутствіе въ могилахъ болѣе или менѣе истлѣвшихъ остатковъ отъ деревянныхъ гробовъ и дубовыхъ колодь, кирпичи подъ головами и ногами костяковъ, стеклянныя бусы и серьги, кожаный монашескій парамантъ, бывший на груди одного костяка, — все это вмѣстѣ взятое позволяетъ отнести найденныя могилы къ XII—XIV ст. по Р. Хр., т. е. къ времени, когда каменный храмъ уже существовалъ, потому что построеніе его во всякомъ случаѣ было ранѣе нашествія Батыя. Исключеніе представляетъ одно разстроенное погребеніе, открытое А. В. Селивановымъ внутри древняго храма, на глубинѣ 3¹/₂ арш.; вблизи отъ остатковъ костяка былъ найденъ большой глиняный горшокъ съ остатками рыбныхъ костей, чешуи и углей. Если горшокъ имѣлъ отношеніе къ остаткамъ погребенія, оказавшагося вблизи отъ него, то можно думать, что это погребеніе языческое и относится къ времени, когда храмъ не былъ еще воздвигнутъ на этомъ мѣстѣ: язычника не позволили бы хоронить въ христіанской церкви.

Лѣтомъ въ 1891 году, на размывомъ весенними водами краю Старорязецкаго городища, на глубинѣ 2 аршинъ отъ поверхности Ермолаевъ нашелъ пять древнихъ гирекъ. Четыре изъ нихъ имѣютъ форму шаровъ разныхъ діаметровъ, съ двумя параллельно сръзанными сегментами. Гирьки желѣзныя и поверхности ихъ сплошь обтянуты бронзовою оболочкою; на плоскихъ поверхностяхъ бронзовой оболочки, вверху и внизу вырѣзаны вглубь на каждой отдѣльной гирькѣ одинаковые знаки. Знаки имѣютъ различное начертаніе на гирькахъ разнаго вѣса. На двухъ изъ этихъ гирекъ, имѣющихъ одинаковый вѣсъ и объемъ, знаки представляютъ полное сходство. Вѣсъ гирекъ слѣдующій: 33 золотн. 81 доля, 13 золотн. 16 долей, 9 зол. 33 доли и 9 золотн. 25 долей (постѣдняя гирька повреждена болѣе предыдущей, вслѣдствіе чего вѣсъ ея нѣсколько меньше, хотя знаки на обѣихъ гирькахъ одинаковы). Пятая гирька, самая маленькая, отличается отъ первыхъ четырехъ какъ по своей формѣ, такъ и по начертанію знаковъ: она имѣетъ форму двухъ усѣченныхъ конусовъ, сложенныхъ своими основаніями; на ней посрединѣ обѣихъ плоскихъ поверхностей выбито по четыре крупныхъ точки, расположенныхъ накрестъ. Гирька отлита изъ мѣди и вѣситъ 7 золотн. 51 долю. Вѣсовое отношеніе ихъ выражается слѣдующими числами, — 4 : 5 : 7 : 18, т. е. въ

самой меньшей гирькѣ четыре такихъ вѣсовыхъ единицы, какихъ въ 4 и 5 гирькахъ, по пяти, во второй гирькѣ 7, а въ первой — 18 вѣсовыхъ единицъ. Эти гирьки представляютъ части древняго восточнаго *амсыря*, ввѣсившаго около 136 теперешнихъ золотниковъ.

Еще равнѣ въ Старой Рязани, на берегу Оки были найдены разныя желѣзныя вещи (косы, пешни, топоры), и между ними оказалось два желѣзные рычага отъ безменовъ и двѣ желѣзныя гири. Нижняя половина этихъ гирь имѣетъ форму усѣченнаго конуса, суженная поверхность котораго служить основаніемъ гири; верхняя же половина ихъ представляетъ правильное полушаріе. На верху посрединѣ полушарія сохранились остатки ушка или желѣзнаго кольца, служившаго для привѣса гирь къ рычагу безмена и для перемѣщенія ихъ. Размеры гирь одинаковы, но сохранность разная, — одна изъ нихъ мало повреждена и вѣситъ 3 фунта 54 золотника; другая же болѣе испорчена ржавчиною и тянетъ она 3 фунта 37 золотниковъ.

Старинные безменные рычаги имѣютъ отличіе отъ нынѣшнихъ, у которыхъ постоянная тяжесть находится постоянно въ одномъ концѣ рычага и при взвѣшиваніи перемѣщается точка опоры; въ древнихъ же безменныхъ рычагахъ оба концы равной толщины и вѣса, при взвѣшиваніи на нихъ точка опоры оставалась неподвижною, а передвигалась вдоль рычага безмена подвѣшанная къ нему гира. Большія гири, рычаги и мелкія гири хранятся въ Рязанскомъ музеѣ ¹⁾.

Отъ того же Ермолаева были получены четыре свинцовыя пломбы, найденныя имъ въ разное время на городищѣ. Величина товарныхъ пломбъ почти одинаковая, — не больше теперешняго серебрянаго гривенника. На одной изъ нихъ изображенъ бюстъ князя въ коронѣ, на оборотѣ — вытиснена буква **Д**, верхняя нѣсколько удлиненная часть буквы крестообразно пересѣчена поперечною чертою ²⁾.

Въ оврагахъ, возлѣ Черной рѣчки, прилегающей къ южному валу Старорязанскаго городища, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преимущественно послѣ весенняго водополя, — находили разнообразныя бронзовыя украшенія и желѣзное оружіе въ видѣ копій, мечей, ножей и клиньевъ съ широкою втулкою. Часть этихъ находокъ попадала и въ

¹⁾ А. И. Черепнина — «Древнія Рязанскія гирьки». Труды Рязанской Учен. Архивной Комиссіи. Томъ VII, стр. 106—110, 126—134.

²⁾ А. И. Черепнинъ — «Борковской островъ и его древности». Археологическія извѣстія и замѣтки 1894 г. № 6 и 7.

Рязанскій музей. А. В. Селивановъ, во время раскопокъ въ Старой Рязани въ 1887 или 1888 г. г. нѣсколько такихъ вещей скупилъ у мѣстныхъ крестьянъ и осматривалъ овраги при Черной рѣчкѣ; но слѣдовъ древняго могильника не нашелъ, и предполагалъ что въ Старой Рязани непременно существуетъ древнее языческое кладбище, съ котораго крестьяне добываютъ всю эту старину. Но его мнѣнію, могильникъ находился на огородахъ здѣшнихъ крестьянъ и они, желая отклонить раскопки на своихъ усадьбахъ, нарочно указываютъ на овраги Черной рѣчки, какъ на мѣстонахожденіе древнихъ вещей.

Весною въ 1894 г. крестьянинъ Копейкинъ нашелъ въ оврагѣ Черной рѣчки нѣсколько бронзовыхъ украшеній, выпавшихъ изъ могилы, разрушенной вешними водами. Эти украшенія были доставлены въ Рязанскую Архивную Комиссію и представляли полное сходство съ аналогичными вещами, найденными въ Борковскомъ, Кузьминскомъ и Курманскомъ могильникахъ, открытых за послѣдніе годы по берегамъ Оки. Находка была доставлена въ Императорскую Археологическую Комиссію, которая поручила мнѣ произвести обслѣдованіе мѣста находки.

Въ іюнь 1894 г. я, вмѣстѣ съ А. Д. Повалишинымъ, отправился въ Старую Рязань, произвелъ пробныя раскопки на поверхности той части пахотнаго поля, которая прилегала къ тому мѣсту оврагу, гдѣ Копейкинымъ были найдены вещи; и на небольшой площади нашелъ три мужскихъ могилы на глубинѣ 1 1/2 аршинъ отъ поверхности поля; двѣ изъ нихъ представляли простыя погребенія; разрушенныя тлѣниемъ костяки лежали головами на С. В., ноги и руки протянуты вдоль, при одномъ изъ костяковъ найдены — наконечникъ желѣзнаго копья и желѣзный топоръ въ видѣ клина съ широкою втулкою; при другомъ костякѣ — оказался только желѣзный ножикъ и обломокъ желѣзной пряжки; никакихъ слѣдовъ гроба не было обнаружено. Третья могила представляла остатки трупосоженія; на глубинѣ 1 1/4 аршина показались крупные угли, занимавшіе площадь болѣе 2 1/2 аршинъ длиною и 1 аршинъ шириною; по обнаруженнымъ признакамъ былъ сложенъ костеръ изъ длинныхъ плахъ дерева и на немъ сожжены усопшіе. Мелкія части обожженныхъ человѣческихъ костей находились посрединѣ пласта углей, вмѣстѣ съ частями черепа; тутъ же были найдены желѣзный наконечникъ копья, часть наконечника дротика, желѣзный топоръ и бронзовая пряжка.

Въ томъ-же мѣсяцѣ, я снова былъ въ Старой Рязани, вмѣстѣ съ профес. А. Я. Божевниковымъ. Мы вновь произвели пробныя раскопки, которыми приблизительно опредѣлилась площадь уцѣлѣвшей части этого древняго финскаго могильника. Могильникъ занимаетъ болѣе трехъ десятинъ на землѣ крестьянъ села Шатриши. Могилы, повидимому, расположены не густо. Въ эту поѣздку мы нашли два погребенія на полѣ, въ 3 саженьяхъ отъ обрыва оврага. Погребенія оказались простыя на глубинѣ 1¹/₂ арш. отъ поверхности поля. Костяки крайне разрушены тлѣніемъ; положеніе ихъ сходно съ ранѣе найденными. Въ женской могилѣ подняты: двѣ круглыя, пятилопастныя височныя привѣски, прикрѣпленныя на тонкихъ ремешкахъ, на которые продѣты бронзовыя спиральки; бронзовая шейная гривна съ круглою коробкою, красныя бусы изъ композиціи съ бутылкообразными привѣсками и три бронзовыхъ пряжки. Въ мужской могилѣ найдены — желѣзный наколечникъ копья, желѣзный топоръ обычнаго типа и желѣзная пряжка.

Изъ случайныхъ находокъ, собранныхъ крестьянами Старой Рязани на городищѣ и по берегу Оки, особенно при устьяхъ рѣчекъ Серебрянки и Черной, — мнѣ удалось приобрести два серебряныхъ арабскихъ диргема, мѣдную фракійскую монету Лизимаха, римскую серебряную монету Фаустины, три серебряныхъ татарскихъ монеты — хановъ Узбека и Джанибека; затѣмъ нѣсколько каменныхъ пряслицъ и пестрыхъ бусъ изъ композиціи. Должно замѣтить, что на Старорязанскомъ городищѣ почти ежегодно находятъ древнія монеты единичными экземплярами; въ числѣ находокъ этого рода иногда попадаются древнія греческія, римскія, босфорскія и византійскія монеты, а также арабскія VIII—X ст.

Довольно часто находятъ мѣдныя и серебряныя татарскія монеты, западно-европейскія XI ст. и серебряныя деньги великаго княжества Рязанскаго. Последнихъ, въ теченіе пяти лѣтъ, мнѣ доставили 10 экземпляровъ.

Въ археологическомъ и историческомъ отношеніи Старорязанское городище представляетъ большой интересъ и еще большее значеніе имѣеть оно для исторіи Рязанскаго края. Бѣ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ древній памятникъ мѣстной старины остается почти неизслѣдованнымъ. Хотя городище не представляетъ особыхъ препятствій для раскопокъ, такъ какъ съ давнихъ временъ вся площадь его находится подъ пашнею и на немъ нѣтъ ни жилыхъ, ни холодныхъ

построекъ. Только у подножія высокаго холма, гдѣ расположено теперешнее кладбище, пріютилась небольшая усадьба *черничекъ*. Деревянный домикъ и сарайчикъ построены на скрытой юго-восточной сторонѣ холма. Слѣдовательно подъ усадьбою не можетъ быть остатковъ старины, потому что передъ постройкою усадьбы, эта часть холма была срубана аршинъ на восемь отвѣсной высоты. При скапываніи боины холма нашли нѣсколько старинныхъ вещей, — крестики, бусы, обломки мѣдныхъ и желѣзныхъ предметовъ, а также попалась какая то небольшая каменная фигура похожая на бюстъ челоуѣка. Принимая находку за поганого идола, крестьяне камень куда-то забросили. Раскопки Д. Тихомирова въ 1836 году и А. В. Селиванова въ 1888 г. ограничивались вскрытіемъ двухъ холмовъ, лежащихъ сотви лѣтъ на городищѣ. Подъ обоими холмами оказались остатки развалинъ двухъ каменныхъ храмовъ.

Огромная площадь городища окружающая мѣста двухъ храмовъ, оставалась нетронутою раскопками и необслѣдованною. Въ 1897 году предсѣдатель Рязанской Архивной Комиссіи А. Д. Поваляшинъ, хорошо понимавшій значеніе Старорязанскаго городища, поручилъ мнѣ составить такой планъ раскопокъ площади городища, заключенной между валами, который можно было бы выполнить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наличными силами Рязанской Архивной Комиссіи и на ея средства, такъ какъ разсчитывать на серіозную стороннюю помощь въ этомъ дѣлѣ не имѣлось положительныхъ данныхъ. Принимая въ соображеніе крайне ограниченное число членовъ Архивной Комиссіи, способныхъ вести правильныя археологическія раскопки, и ограниченность денежныхъ средствъ, я составилъ планъ раскопокъ на десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ постепенно и правильно можно было-бы облѣдовать всю площадь городища рядами глубокихъ траншей. Ближайшею задачею этихъ работъ мною поставлено было изслѣдованіе площади городища между развалинами храмовъ и кругомъ ихъ; затѣмъ раскопки въ сѣверо-западномъ углу городища, какъ болѣе древней части его, и въ заключеніе — облѣдованіе площади городища, прилегающей къ восточному и южному валамъ. Такимъ путемъ можно опредѣлить значеніе и характеръ разныхъ частей городища. Получилось-бы довольно опредѣленное понятіе какъ о распланировкѣ древняго стольнаго города великаго княжества Рязанскаго, такъ и о древнѣйшей части его.

Въ 1899 году Рязанская Ученая Архивная Комиссія начала при-

водить въ исполненіе составленный мною планъ раскопокъ на Старо-рязанскомъ городищѣ. Съ 12 по 20 іюня, благодаря любезному разрѣшенію А. Ф. Стерлигова, мы ¹⁾ приступили къ изслѣдованію площади городища, лежащей между развалинами двухъ каменныхъ храмовъ. На протяженіи этого промежутка, длиною около 230 сажень, было прорыто въ шахматномъ порядкѣ 20 траншей, длиною отъ 5 до 6 сажень, шириною отъ $3\frac{1}{2}$ до 6 аршинъ, глубина траншей шла до петропугаго материка.

Въ трехъ траншеяхъ, проложенныхъ въ 25 сажняхъ къ югу отъ развалинъ храма, открытаго А. В. Селивановымъ въ 1888 году, обнаружены остатки погребеній. Траншеи по длинѣ направлялись съ сѣвера на югъ. Въ первой траншеѣ, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности поля, оказался сильно истлѣвшій костякъ, голова была обращена на Ю.З.; вершка на три надъ головою поднято днище глинянаго горшка, темно-сѣраго цвѣта, грубой работы. При костякѣ вещей не найдено. Въ слѣдующей траншеѣ, отстоящей на 5 сажень къ югу отъ первой, на той-же глубинѣ открыты незначительные остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго на правомъ боку, головою къ Ю.З., въ нѣсколько скорченномъ положеніи; вещей не было. Вершковъ на 5 ниже дѣтскаго костяка оказался сильно истлѣвшій женскій костякъ, положенный на спину, головою на Ю.З., лѣвая рука была протянута вдоль, еясть правой — находилась на костяхъ таза. На мѣстѣ шеи найдены три бусы, — двѣ пестрыя изъ композиціи и одна — стеклянная, изнутри позолоченая; по сторонамъ головы найдено два мѣдныхъ височныхъ колечка, на одно изъ нихъ надѣта стеклянная золоченая бусинка; возлѣ кисти лѣвой руки лежалъ мѣдный перстень, покрытый толстымъ слоємъ окиси; недалеко отъ костяка, съ правой стороны его — найдены желѣзныя ножницы, похожія на употребляемыя теперь для стрижки овецъ, одинъ конецъ ихъ обломанъ, тутъ-же поднята небольшая, узкая желѣзная пластинка (быть можетъ, — обломокъ ножа). Въ той-же траншеѣ, на разстояніи 3-хъ арш. къ югу отъ описанныхъ погребеній, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. обнаруженъ весьма поврежденный тлѣніемъ женскій костякъ, головою обращенный на западъ, ногами — на востокъ, руки сложены на груди; на распавшемся черепѣ лежали узкія полоски полуистлѣвшей шелковой ткани съ золотистыми металлическими нитями;

¹⁾ Со мною принимали участіе въ работахъ А. В. Пловцевъ, В. Н. Крейтонъ и И. И. Проходцовъ.

эти полоски покрывали лобъ и виски и опускались внизъ къ подбородку; вмѣстѣ съ тканью найдены маленькіе куски полуистлѣвшей бересты, подложенные подъ ткань. Повидимому, сохранившіяся полоски служили каймою, которою было обшито покрывало или платокъ. На мѣстѣ шеи и верхней части груди лежали три небольшихъ мѣдныхъ пуговочки съ ушками, три стеклянныя изнутри золоченыя буен; по сторонамъ черепа найдено два височныхъ колечка (серьги), согнутыхъ изъ мѣдной проволоки. Съ боковъ костяка попадались куски истлѣвшаго дерева, вѣроятно — это были остатки отъ гроба или сгнившихъ досокъ, которыми было обставлено по бокамъ тѣло умершей. Въ траншеѣ, прорытой въ 10 саженьяхъ къ западу отъ первыхъ двухъ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. оказался сильно истлѣвшій костякъ взрослою человѣка; тутъ-же, нѣсколько выше костяка, подняты два обломка отъ цвѣтныхъ стеклянныхъ браслетовъ и большая круглая желѣзная пряжка; то и другое мы не рѣшаемся отнести къ найденному костяку, такъ какъ вещи лежали не рядомъ съ нимъ и не на немъ, а верхкомъ на 6 выше его.

Остатки погребеній, обнаруженные нами въ трехъ описанныхъ траншеяхъ, можно отнести къ XII ст., судя по характеру найденныхъ при нихъ вещей и положенію костяковъ. Очень вѣроятно, что нами вскрыта часть древняго кладбища расположеннаго возлѣ древняго храма и относящагося къ началу христіанской эпохи здѣшняго края, когда при похоронахъ христіанъ еще соблюдались нѣкоторые невымершіе языческіе обряды. Къ этому-же времени относятся погребенія, найденныя въ 1888 году А. В. Селивановымъ по наружнымъ сторонамъ открытаго имъ храма.

Подвигаясь къ Ю.Ю.З., гдѣ находились развалины храма открытаго въ 1836 г., а въ настоящее время стоитъ каменная часовня, мы проложили въ шахматномъ порядкѣ еще 17 траншей. Во всѣхъ этихъ траншеяхъ, за исключеніемъ двухъ, найдены ясныя остатки или только слѣды стариннаго жилья, въ видѣ кусковъ обожженной глины, извести, частей стариннаго и болѣе новаго кирпича, углей, золы, остатковъ истлѣвшаго дерева; вмѣстѣ съ этимъ попадались разные домашніе отбросы: черепки глиняной посуды съ орнаментомъ и гладкіе, кости домашнихъ и дичихъ животныхъ (коровы, лошади, свиньи, овцы, лося и кабана), рыба чешуя и кости (лещъ, щука, осетръ, сомъ), истлѣвшія зерна хлѣбныхъ растений, скорлупа лѣсныхъ орѣховъ,

цѣлыя и поломанныя мелкія вещи, — деревянные гребни, пряжки, ножики, пряслица, бусы, гвозди, обломки желѣзныхъ обручей и дужекъ отъ ведеръ и пр. Эти находки свидѣтельствуютъ, что пространство между двумя храмами было довольно густо застроено жилыми и разными домашними постройками. Отсутствие цѣнныхъ украшеній въ траншеяхъ, если только мы случайно не оставили ихъ въ частяхъ площади, нетронутыхъ раскопками, позволяетъ предполагать, что болѣе богатое населеніе Старой Рязани жило не въ этой части города.

Въ чертѣ болѣе древней части городища, къ Ю.В. отъ небольшой часовни, стоящей у большой дороги, была прорыта одна траншея. По рассказамъ мѣстныхъ крестьянъ, на этомъ мѣстѣ, во время проѣзда въ телѣгѣ, слышенъ глухой звукъ, что и подало поводъ предполагать о существованіи здѣсь подземного хода или какого нибудь подвала. Желая выяснитъ мѣстную легенду мы вскрыли на указанномъ старожилыми мѣстѣ площадь въ 20 квадратныхъ сажень, постепенно снимая пласты земли верхка въ два толщиною. При углубленіи на 4 верхка отъ поверхности поля начали попадаться старыя гвозди, обломки желѣза, кости домашнихъ животныхъ, черепки глиняной посуды сѣраго и краснаго цвѣта. Когда углубились верхковъ на 12, то обнаружили куски извести, части крупныхъ кирпичей, мѣстами встрѣчались остатки гари въ видѣ шлаковъ, въ двухъ мѣстахъ были найдены небольшіе слитки неправильной формы мѣди или бронзы, образовавшіеся отъ расплавленныхъ металлическихъ предметов; въ одномъ мѣстѣ поднять былъ небольшой слитокъ серебра неправильной формы. Тутъ-же были найдены обломки стекляннаго браслета, небольшой деревянный гребень, мѣдная пуговка съ ушкомъ, обломки желѣзныхъ ножиговъ курганнаго типа. На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш. начался нетронутый материкъ и работы были приостановлены, въ виду того, что никакихъ признаковъ подземнаго хода или чего другого не оказалось. Особенный звукъ, издаваемый этимъ мѣстомъ, при проѣздѣ въ телѣгѣ, можно объяснить глинистымъ грунтомъ почвы, — въ лѣтнее время усохшая глина давала болѣе сильный звукъ, чѣмъ содѣлній черноземъ.

Мѣстные крестьяне указали намъ другое мѣсто, гдѣ, по ихъ догадкамъ, также должна быть подземная пустота. Это мѣсто находится за восточнымъ валомъ, на самой большой дорогѣ, саженьяхъ въ 8-ми отъ пролома въ валу. Проложили и тутъ траншею, но рѣшительно

ничего не нашли; здѣсь не оказалось даже и признаковъ жилья, — съ самой поверхности и до глубины 2 аршинъ шла чистая материковая глина.

Затѣмъ, въ самомъ городищѣ, начиная отъ выѣзднаго пролома въ валу нами сдѣланы пробныя прорѣзы по бокамъ канавъ, которыми съ обѣихъ сторонъ отдѣлена большая дорога отъ пахатныхъ полей. Эти прорѣзы служили намъ для опредѣленія характера той части городища, которая прилегаетъ къ восточному валу. Прорѣзы шли на глубину 1 арш. отъ поверхности поля и представляли сплошной пластъ жирнаго чернозема; такого вида прорѣзы тянулись по обѣ стороны большой дороги на протяженіи 60 сажень отъ пролома вала. На аршинной глубинѣ въ стѣнахъ прорѣзовъ не замѣчалось присутствія остатковъ жилья или чего другого, только изрѣдка встрѣчались очень мелкіе кусочки кирпича. Такъ какъ обстоятельное изслѣдованіе этой части городища не входило въ нашу задачу, то мы и ограничились лишь, такъ сказать, бѣглымъ знакомствомъ съ поверхностнымъ пластомъ городища. Очень можетъ быть, что въ древности эта часть городища не была занята строеніями, а находилась подъ садами и огородами или представляла открытую площадь.

Въ этотъ-же пріѣздъ мною было прорыто 10 траншей по правой сторонѣ оврага, прилегающаго къ Черной рѣчкѣ. Первая траншея была близъ наружной стороны восточнаго вала, упирающагося своимъ южнымъ концомъ въ оврагъ. Траншеи шли вправо отъ большой дороги, по краю оврага, въ растояніи 8—10 сажень одна отъ другой, на протяженіи 120 сажень. Эта работа была произведена для рѣшенія вопроса — переходить ли Старорязанскій могильникъ, расположенный на полѣ Шатрицянскихъ крестьянъ, по лѣвому берегу Черной рѣчки, — на правую сторону ея за восточнымъ валомъ городища. Въ траншеяхъ не оказалось ни остатковъ древняго жилья и никакихъ признаковъ могилъ. Слѣдовательно сѣверная часть могильника входила въ площадь городища на ливіи южнаго вала, не выдвигалась за черту городища. По старымъ планамъ видно, что теберешній оврагъ съ правой стороны Черной рѣчки сравнительно недавно происхожденія. Дѣйствительно, мѣстные старожилы помнятъ, что прежде большая дорога выходила изъ городища значительно южнѣе чѣмъ теперь, именно изъ угла, образуемаго восточнымъ и южнымъ валами, и направлялась къ юго-востоку потому мѣсту, гдѣ въ настоящее время уже глубокій

оврагъ. Образование глубокаго оврага побудило проложить дорогу въ обходъ его, т. е. отодвинуть ее къ сѣверу.

Изъ случайныхъ находокъ, собранныхъ крестьянами, нами были приобрѣтены нѣсколько старинныхъ мѣдныхъ крестиковъ, мѣдная цѣпочка, каменный крестъ изъ чернаго шифера съ греческою надписью; серебряная конусообразная ветолка отъ привѣски, украшенная сканью и зернью, однородная съ тѣми, какія были въ кладѣ, найденномъ въ 1868 г. на здѣшнемъ городищѣ, только безъ цѣпочекъ; обломокъ семилопастной височной привѣски, какія обыкновенно встрѣчаются въ Рязанскихъ могильныхъ курганахъ XI—XII ст.; одно каменное пряслице, съ нарѣзанными на боковой поверхности его древне-славянскими буквами, и небольшая каменная форма для отливки украшенія — въ видѣ круглой выпуклой бляхи съ геометрическимъ орнаментомъ. Затѣмъ было куплено нѣсколько бронзовыхъ украшеній изъ Старорязанскаго могильника, собранныхъ въ оврагѣ у Черной рѣчки.

Послѣ нашего отъѣзда изъ Старой Рязани, А. Ф. Федоровъ купилъ у крестьянина Конейкина шестиугольную металлическую денежную гривну (киевского типа), найденную на Старорязанскомъ городищѣ, близъ усадьбы черничекъ. А. Ф. Федоровъ прислалъ мнѣ эту находку для опредѣленія ея значенія. Слитокъ вѣсомъ 43 золотника 58 долей, длина его $3\frac{5}{8}$ дюйма, ширина посрединѣ — $2\frac{3}{4}$ дюйма, ширина въ болѣе узкомъ концѣ — $\frac{7}{16}$ дюйма, въ другомъ концѣ — $\frac{5}{8}$ дюйма, толщина въ узкомъ концѣ — $\frac{1}{4}$ дюйма, въ другомъ концѣ — $\frac{5}{16}$ дюйма. Верхняя поверхность слитка выпуклая и ноздреватая, нижняя поверхность почти совсѣмъ гладкая и углубленная, углубленіе нижней стороны окружено узкими вынуклыми краями. Поверхность слитка покрыта темною матовою патиною. Цвѣтъ патины подалъ мнѣ поводъ предположить, что это древняя денежная золотая гривна, отлитая изъ такъ называемаго *зеленаго золота*. Золотыхъ дѣлъ мастеръ не призналъ этотъ слитокъ золотымъ, говоря что это мѣдь, въ которой, быть можетъ и есть ничтожная примѣсь золота. Если опредѣленіе металла Гривны мастеръ сдѣлалъ правильно, тогда значеніе этого слитка становится довольно неопредѣленнымъ, потому что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ древнихъ монетныхъ кладовъ мѣдныхъ гривневъ не встрѣчалось, да и лѣтописныхъ извѣстій о мѣдныхъ гривнахъ нѣтъ.

Если-же это не денежная гривна, то этотъ слитокъ можно признать или поддѣльной денежной золотой гривной того времени, или слиткомъ

мѣди какъ товара. Последнее предположеніе— мало вѣроятно, потому что такая форма слитка какъ товара была-бы очень неудобна для выдѣлки небольшихъ мѣдныхъ вещей.

Мною было предложено А. Ф. Федорову уступить этотъ слитокъ для Рязанскаго музея. А. Ф. Федоровъ принялъ мое предложеніе и находка уже становилась собственностью Рязанскаго музея. Однако до сего времени гривны нѣтъ въ музеѣ, вслѣдствіе того, что начальникъ почтово-телеграфнаго округа, проѣзжая черезъ Старую Рязань, увидаль гривну и просилъ А. Ф. Федорова передать ему на короткое время эту находку для точнаго опредѣленія значенія ея. Опредѣленіе, по-видимому, оказалось очень труднымъ, такъ какъ до сихъ поръ г. Н не возвратилъ гривны.

Въ этомъ-же году А. Ф. Федоровъ купилъ двѣ маленькія и одну большую свинцовыя пломбы, найденныя въ Старой Рязани. Последняя имѣетъ форму овала, длиною — $\frac{14}{16}$ дюйма, въ поперечникѣ — $\frac{13}{16}$ дюйма и толщиною въ $\frac{1}{16}$ дюйма. На лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ, по-видимому, какого-то святого, потому что кругомъ головы покрытой широкой шапкой, замѣтны слѣды нимба; на груди четырехконечный крестъ; по сторонамъ головы, надъ плечами видны слабые остатки буквъ. На оборотной сторонѣ изображенъ большой крестъ во всю длину пломбы, верхняя часть его представляетъ небольшой крестикъ; отъ нижней части креста, нѣсколько выше его конца, идучъ въ обѣ стороны дугообразные загибы, такъ что внизу крестъ имѣетъ форму якоря; по сторонамъ верхней части креста замѣтны слѣды буквъ. Сквозь пломбу проходитъ узкій каналецъ. Эта пломба хранится въ Рязанскомъ музеѣ.

Въ началѣ іюня мѣсяца 1900 г. нами ¹⁾ были обследованы осыпи, образовавшіяся на западной сторонѣ нижней террасы Старорязанскаго городища. Эти осыпи раскрываютъ послѣдовательныя наслоенія, отложившіяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, на мѣстахъ древнихъ селеній. Толщина культурныхъ пластовъ въ осыпяхъ невездѣ одинакова, — вправо отъ дороги, ведущей крутымъ подъемомъ на городищѣ, недалеко отъ моста, пластъ наслоеній имѣетъ болѣе $2\frac{1}{2}$ арш. толщины; далѣе-же къ югу мощность наслоеній уменьшается и саженьяхъ въ 80 отъ моста встрѣчаются осыпи, въ которыхъ культурный пластъ не

¹⁾ Со мною принимали участіе въ работахъ В. Н. Крейтонъ и И. И. Проходцовъ.

болѣе 1 аршина Составъ культурнаго пласта въ осмотренныхъ нами осыпяхъ довольно однообразный, — въ темномъ, на мѣстахъ и совсѣмъ черномъ перегноѣ находятся обломки глиняной посуды, выдѣланной изъ сѣрой, бѣловатой и рѣже красной глины. Меньшая часть обломковъ безъ орнамента, большая же часть съ разнообразнымъ орнаментомъ, — начиная отъ древнѣйшаго ячеистаго, которые попадаются въ болѣе глубокихъ слояхъ культурнаго пласта, до болѣе поздняго — волнистаго и параллельно линейнаго, свойственнаго курганной эпохѣ. Затѣмъ попадаются въ значительномъ количествѣ кости домашнихъ животныхъ, преимущественно овечьи и домашней свиньи; угли, куски обгорѣвшаго дерева, обожженной глины, обломки ржаваго желѣза, гвозди; въ верхнихъ слояхъ пласта встрѣчаются куски извести, битого кирпича и битая стеклянная посуда. Въ открытыхъ культурныхъ пластахъ и внизу ихъ, въ осыпяхъ ежегодно находятъ цѣлыя и поломанные стеклянныя и металлическія браслеты, привѣски, бусы, мѣдныя и серебряныя бляшки, крестики и образки, желѣзные ножики курганнаго типа, наконечники копій и стрѣлъ, разной величины пряслица изъ краснаго шифера, известковаго камня и глиняныя, рѣже встрѣчаются серебряныя и мѣдныя иностранныя и русскія монеты, свинцовыя пломбы и каменные орудія и оружіе.

Продолжая осмотръ осыпей, саженьхъ въ 35 отъ моста черезъ рѣчку Серебрянку, мы замѣтили истлѣвшіе остатки настилки изъ дубовыхъ пластинъ, лежавшихъ на вертикально вбитыхъ въ землю истлѣвшихъ дубовыхъ столбахъ. Настилка залегала аршина на 1½ ниже поверхности верхней террасы и тянулась вдоль берега сажень на 40. Въ прежнее, не особенно отдаленное время, эта настилка, вѣроятно служила пристанью для барокъ и другихъ судовъ.

Въ осыпи, возлѣ слободы „Казакова“, аршина на 1½ отъ поверхности земли выдавался край обдѣланнаго известковаго камня; когда его вынули изъ земли, оказалось, что это старинный жерновъ, 9 вершковъ въ діаметрѣ, съ отверстіемъ посрединѣ.

Вся площадь городища была подъ рожью, исключая одной части поля мѣстнаго причта, бывшей подъ паромъ. Это обстоятельство не позволяло намъ произвести раскопки по заранѣ составленному плану; пришлось ограничиться свободнымъ клочкомъ земли причта, занимавшимъ южную часть городища. Еще ранѣе мною было обращено вниманіе на это поле, — на поверхности его попадались обломки древнихъ

кирпичей. Одни изъ нихъ имѣли форму прямоугольнаго параллелограмма, другіе представляли квадратныя плиты. Такіе кирпичи находили въ большомъ количествѣ на мѣстѣ раскопокъ Тихомирова и А. В. Селиванова; нахождение же ихъ на значительномъ разстояніи отъ развалинъ древнихъ храмовъ заинтересовало меня. Въ виду чего, мною было проложено 11 траншей (длиною въ три сажени и шириною въ одну сажень), на тѣхъ мѣстахъ пашни, гдѣ было замѣтно большое скопленіе кирпичныхъ обломковъ.

Первая траншея была прорыта къ юго-западу отъ церкви Бориса и Глѣба, въ 35 сажняхъ отъ юго-восточнаго угла ея ограды. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. начали встрѣчаться обломки древнихъ кирпичей и шли до 2-хъ аршинной глубины отъ поверхности поля, на этой глубинѣ въ южной части траншеи обнаружили кости. При дальнѣйшемъ углубленіи оказалось, что кости лежали въ беспорядкѣ, въ три ряда, какъ-бы сваленныя въ одну общую яму. Постепенно разбирая кости и вынимая черепа, между послѣдними было найдено два собачьихъ черепа и третій собачій черепъ лежалъ отдѣльно, аршина на 3 къ сѣверу отъ костяковъ. Всѣхъ череповъ было вынуто 12; сохранность ихъ была плохая, также какъ и отдѣльныхъ костей отъ разобранныхъ мною костяковъ. Въ могильной ямѣ не оказалось ни остатковъ одежды, ни какихъ другихъ вещей, только, вмѣстѣ съ костями, лежала крупная ручка отъ большого краснаго глинянаго сосуда. На глубинѣ $2\frac{3}{4}$ аршина показался нетронутый материкъ.

Къ югу отъ первой траншеи и параллельно къ ней было прорыто 6 траншей такой-же величины, въ разстояніи около 20 сажень одна отъ другой. Во второй траншеѣ также найдено много обломковъ древнихъ кирпичей; ихъ находили до глубины $1\frac{1}{2}$ арш. отъ поверхности поля. На глубинѣ 3 арш. оказался небольшой очагъ, сложенный изъ камней средней величины, на немъ и около него лежали крупные угли. Въ траншеяхъ 3, 4, 5 и 6-й ничего не найдено. Въ седьмой траншеѣ попадались обломки кирпичей, кости домашнихъ животныхъ и рыба чешуя.

Отступя отъ первой траншеи на 30 сажень къ востоку, мною было проложено три траншеи параллельно съ первымъ рядомъ и такихъ-же размѣровъ. Траншеи были прорыты до глинистаго материка, въ нихъ ничего не найдено. Ничего не оказалось и въ 11 траншеи, прорытой въ пяти сажняхъ къ западу отъ первой.

Этимъ были закончены раскопки на Старорязанскомъ городищѣ и члены Архивной Комиссіи отправились къ деревнѣ Чивкиной для изслѣдованія такъ называемой „Чалой могилы“, гдѣ, по мѣстнымъ преданіямъ, похороненъ русскій витязь со своею чалою кобылою ¹⁾).

Въ 1901 году Старорязанское городище было занято яровыми поѣздами и раскопокъ на немъ не было; но находки были. Крестьянинъ Кошейкинъ, осматривая оврагъ Черной рѣчки, замѣтилъ двѣ разрушающіяся могилы близъ поверхности оврага, къ которому прилегалo поле крестьянъ села Шатрицы. Могилы были женскія, богатая украшеніями. Онъ выбралъ изъ нихъ двѣ шейныхъ гривны, круглую большую бляху съ крышкою, два спиральныхъ браслета, красивую ажурную пряжку, четыре гладкихъ браслета съ утолщенными и расплюснутыми концами, височныя подвѣски, мелкія и крупныя привѣски разнаго вида и большое количество красныхъ бусъ изъ композиціи. Всѣ украшенія были бронзовыя. Изъ этой находки поступили въ Рязанскій музей — спиральный бронзовый браслетъ, на концахъ котораго по одному небольшому колечку, и круглая бляха съ тремя бутылкообразными привѣсками, входившая въ составъ ожерелья.

Въ 1902 году въ маѣ мѣсяцѣ работы вели одновременно вдвоемъ: мною была изслѣдована площадь городища, примыкающая къ сѣверо-восточной, восточной и частью юго-восточной сторонамъ древняго храма, открытаго А. В. Селивановымъ въ 1888 году; а В. Н. Крейтонъ занялся обслѣдованіемъ болѣе древней части городища, по обѣ стороны большой дороги, возлѣ маленькой часовни.

Въ обозначенномъ направленіи отъ развалинъ древняго храма, мною было проложено 12 траншей, длиною отъ 4 до 5 сажень и шириною отъ 3 до 4¹/₂ арш. Въ первой траншеѣ, прорытой къ сѣверу въ 6 саженьяхъ отъ сѣверо-восточной части бывшаго храма, было найдено нѣсколько крупныхъ углей и очень истлѣвшій человѣческій черепъ, при чемъ другихъ частей костяка не оказалось; черепъ лежалъ на глубинѣ ³/₄ арш. отъ поверхности поля. Вторая траншея (въ 17 саженьяхъ къ востоку отъ первой) дала много обломковъ древнихъ кирпичей, залегавшихъ на ³/₄ арш. отъ поверхности поля; между обломками кирпичей найденъ одинъ съ клеймомъ на ребрѣ, въ видѣ круглаго углубленія съ двумя выпуклыми полосками на днѣ; немного ниже подняты два обломка желѣза, большой гвоздь, значительныя прослойки рыбьей чешуи и обломки стекляннаго браслета. Въ третьей траншеѣ,

1) Отчетъ о дѣятельности Ряз. Арх. Комиссіи за 1900 г., стр. 8.

на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. поднято глиняное грузило, куски отъ древнихъ кирпичей; на $\frac{1}{4}$ арш. ниже—обломокъ глинянаго сосуда съ ручкою, шипъ осетра, рыба чешуя и распавшаяся на части мѣдная небольшая чашечка, имѣющая $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ. Въ четвертой траншеѣ, на глубинѣ 10 вершковъ обнаружены прослойки извести, черепки глиняной посуды безъ орнамента и съ орнаментомъ волнистымъ; глазчатая буса и кости домашнихъ животныхъ. Въ пятой траншеѣ оказались только обломки глиняной посуды княжеской эпохи. Въ слѣдующей траншеѣ не найдено ничего. Седьмая траншея на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. дала два желѣзныхъ обломка: дужка отъ ведра или другого какаго нибудь сосуда и часть обруча; желѣзко въ видѣ небольшой изогнутой лопатки; коровьи кости; въ С.З. углу траншеи найдено нѣсколько кусковъ желѣзныхъ шлаковъ и четыре желѣзныхъ гвоздя, отъ 3 до 4 вершковъ длиною.

Въ сѣверо-восточномъ углу восьмой траншеи, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности поля обнаруженъ значительно истлѣвшій женскій костякъ; голова обращена на Ю.Ю.З., руки протянуты вдоль; длина костяка $2\frac{1}{4}$ арш.; на мѣстѣ шеи лежали стеклянные изнутри золоченныя бусы, у лѣваго виска мѣдное колечко (серьга), у пояса—бронзовая пряжка; на правой рукѣ—бронзовое колечко. На глубинѣ 10 вершковъ оказался небольшой очажекъ, въ видѣ круглаго пласта обожженной глины (діаметръ пласта $\frac{3}{4}$ аршина), съ остатками золы, пепла и углей на его поверхности. Въ девятой траншеѣ, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности поля поднято глиняное блюдо, имѣвшее 2 вершка въ діаметрѣ и $\frac{3}{16}$ вершка толщиною, безъ орнамента. На глубинѣ 10 вершковъ найдены: обломокъ древняго кирпича изъ бѣлой глины, черепокъ отъ горшка съ зеленою поливою, коровьи кости, зубы лоса, обломки глиняныхъ сосудовъ сѣраго и краснаго цвѣта; на первыхъ встрѣчался волнистый орнаментъ, на вторыхъ—параллельно линейный и шашечный. Десятая траншея не дала ничего, кромѣ небольшихъ кусковъ известковаго камня. Одиннадцатая траншея также оказалась бѣдною по находкамъ,—въ ней были подняты на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. крупный желѣзный рыболовный крючекъ и бронзовая массивная привѣска грушевидной формы съ ушкомъ и выпуклыми шипечками, расположенными по всей ея поверхности; длина привѣски $1\frac{1}{4}$ вершка. Въ двѣнадцатой траншеѣ попадались обломки древнихъ кирпичей и кости домашнихъ животныхъ (коровьи, овцы и свиньи).

Перечисленные траншеи довольно густо сѣтью покрывали площадь городища, прилегающую съ сѣверо-восточной, восточной и частію юго-восточной сторонъ къ развалинамъ бывшаго храма; наибольшее разстояніе траншей отъ центра храма доходило, до 55 сажень; траншеи №№ 3, 4, 5, 6 и 7 лежали къ востоку и юго-востоку отъ мѣста нахождения древняго храма.

Пробныя раскопки В. Н. Крейтонъ дали слѣдующіе результаты:

Въ первой траншеѣ, въ 3 сажняхъ къ западу отъ площадки, вскрытой въ 1899 году, на мѣстѣ гдѣ по предположенію старожиловъ должно было быть подземелье или подвалъ, на глубинѣ 6 вершковъ оказалось темное пятно, въ немъ были черепки отъ глиняной посуды съ параллельно линейнымъ орнаментомъ и небольшой желѣзный плакъ; ниже, на этомъ-же мѣстѣ, до 12 вершковъ глубины нашли обломки древняго кирпича, кости животныхъ и нѣсколько глиняныхъ черепковъ съ орнаментомъ изъ волнистыхъ линій. Около обломковъ древнихъ кирпичей поднята квадратная плитка (8¹/₂ савт.) изъ хорошо обожженной глинистой массы смѣшанной съ крупнымъ кварцевымъ пескомъ; съ одной стороны плитка покрыта желтой поливой съ орнаментомъ по всей поверхности изъ слегка выпуклыхъ зеленыхъ стекловидныхъ линій параллельныхъ и сходящихся подъ острымъ угломъ и линій пересѣкающихся первыя подъ прямымъ угломъ. Во второй траншеѣ на глубинѣ ³/₄ найденъ небольшой ручной жерновъ, глиняные черепки отъ горшковъ, кости и челюсть кабана, челюсть и кости овцы. На глубинѣ 18 вершковъ обломки большого глинянаго сосуда краснаго цвѣта и большое количество костей домашнихъ животныхъ, желѣзный крупный гвоздь съ продолговатой головкой; ниже—раздавленный глиняный горшокъ съ мелкою рыбею чешуею на днѣ; часть черепа коровы и большой клыкъ кабана. Третья траншея, на глубинѣ 4—6 вершковъ, дала большое количество небольшихъ известковыхъ камней, разбитаго кирпича, булыжника, кремня, небольшое точило, обломки глиняныхъ горшковъ съ орнаментомъ въ видѣ горошковъ и черепокъ съ выпуклымъ вѣнчикомъ. На глубинѣ одного аршина обнаружилась круглая площадка (30 вершковъ въ діаметрѣ) изъ небольшихъ кирпичей; площадка имѣла форму пологого купола, съ подъемомъ не болѣе 1¹/₂ вершка. Размѣръ красныхъ кирпичей былъ очень небольшой, — длиною въ 2¹/₄ вершка, шириною въ 2 и толщиною въ 1¹/₄ вершка. Площадка была тщательно сложена правильными концентрическими

рядами. Во внѣшнем ряду сохранились не все кирпичи, ближе къ центру было полныхъ четыре ряда кирпичей поставленныхъ на ребро. Еще ближе къ центру ряды были сбиты и на кирпичахъ сохранились слѣды сильного огня; отъ жара кирпичи порастрескались и приняли видъ современнаго желѣзняка. Въ хорошо сохранившихся рядахъ между кирпичами ясно видна заливка, одинаковаго цвѣта съ кирпичемъ. Такъ, что вѣроятно, площадка была выложена изъ сырыхъ кирпичей и залита глиною, и затѣмъ, отъ дѣйствія огня кирпичи болѣе или менѣе были обожжены. Средніе ряды кирпичей были отлично обожжены и въ изломѣ представляли одинаково красную массу, тогда какъ кирпичи наружныхъ рядовъ были обожжены только поверхностно, внутри-же сохранилась сѣровато-зеленая плотная глина. На поверхности площадки находились три глиняныя трехлопастныя фигурки неизвѣстнаго назначенія. Каждая фигурка представляла три расходящихся изъ середины лопасти, въ концахъ суженныхъ и нѣсколько изогнутыхъ; въ разрѣзѣ лопасти имѣютъ овальную форму; въ центрѣ, между отростками или лопастями — небольшое углубленіе съ глянцевиюю поверхностью. Кромѣ того, тамъ-же подняты обломки красныхъ глиняныхъ сосудовъ, въ видѣ небольшой чашечки, и двѣ ручки отъ нихъ. Подъ кирпичемъ площадки оказалась прослойка темно-сѣрой золы, около вершка толщиной. Еще ниже лежали обломки известковаго плитняка, подъ которымъ находился материкъ.

Въ четвертой траншеѣ, при снятіи перваго пласта найдено два каменныхъ пряслица, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. во всю ширину траншеи оказался слой угля отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ вершковъ толщиной. Нѣсколько ниже — подняты черенки глинянаго сосуда, съ мелко-волнистымъ орнаментомъ, нѣсколько зубовъ и часть челюсти лося и обломки красной глиняной посуды безъ орнамента. Въ пятой траншеѣ оказалось большое количество костей домашнихъ животныхъ, особенно — свиней и коровъ; пряслице, сильно проржавѣвшій небольшой желѣзный замокъ; части древнихъ и болѣе новыхъ кирпичей; ниже — прослойка угля съ нѣсколькими костями. Шестая траншея, прорытая на противоположной сторонѣ у дороги, дала особенно много костей свиньи, овцы, быковъ, а также позвонки рыбъ, челюсти щукъ, осетра и большое скопленіе рыбей чешуи, слоюмъ до 6 вершковъ. Все это перемѣшано съ землею, остатками дубоваго угля, обломками кирпичей, черепками глиняныхъ горшковъ съ параллельно линейнымъ орнаментомъ; тутъ-же найдены

ноздrevатый желѣзный шлакъ, желѣзный гвоздь съ продолговатою головкою, и на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина подняты обломки массивнаго краснаго глинянаго сосуда съ большою ручкою. Седьмая траншея, — прорытая на лѣвой сторонѣ у часовни, тамъ-же гдѣ и первыя пять траншей, — никакихъ находокъ не дала. Длина траншей была отъ 6 до 7 аршинъ, ширина — отъ 3 до 4 аршинъ, глубина вездѣ доводилась до грунта ¹⁾.

Въ 1903 году все городище находилось подъ рожью, вслѣдствіе чего мною и В. Н. Крейтономъ было проложено только 8 траншей; три изъ нихъ были направо отъ большой дороги, противъ небольшой часовни, гдѣ въ 1902 году была прорыта траншея № 6, и остальные пять траншей были вырыты вдоль большой дороги, по обѣ стороны ея, начиная отъ вѣшной стороны внутреннихъ валовъ, — двѣ по лѣвой и три — по правой сторонѣ дороги. Первые три траншеи дали кости домашнихъ животныхъ, малое количество обломковъ отъ горшковъ сѣраго цвѣта съ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ, а также и гладкихъ; два большихъ желѣзныхъ гвоздя, и въ одной траншеѣ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. обнаружены слой гари, углей и золы толщиною въ 1 вершокъ. Вообще, въ траншеяхъ, проложенныхъ на древней части городища, довольно часто встрѣчались ясные остатки бывшихъ здѣсь пожаровъ, а также найдено сооруженіе религіознаго культа, вѣроятно же всего — жертвенное мѣсто.

Въ пяти траншеяхъ, прорытыхъ по обѣ стороны большой дороги, за внутреннимъ валомъ, изрѣдка попадались кости животныхъ. Характернымъ отличіемъ этой части городища оказывается мощный пластъ жирнаго перегноя, залегающій на глубину отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ аршина.

Весною 1903 года, крестьянинъ Копейкинъ снова нашелъ двѣ разрушающіяся могилы въ оврагѣ, близъ Черной рѣчки. Женское погребеніе было богато бронзовыми украшеніями, — въ немъ найдены: большая круглая нагрудная бляха (въ діаметрѣ $17\frac{1}{2}$ сант.) съ круглымъ отверстіемъ (въ $5\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ) прикрытымъ крышкою; ажурная пряжка съ отпавшею желѣзною иглою ($12\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ); двѣ шейныя гривны, — одна съ круглою коробкою, другая — гладкая; височныя подвѣски съ 4-мя бутылкообразными привѣсками (длиною въ 8 сант.), и ожерелье изъ бронзовыхъ коническихъ и бу-

¹⁾ Описаніе послѣднихъ семи траншей взято изъ дневника раскопокъ В. Н. Крейтона.

тылкообразныхъ привѣсовъ и красныхъ бусъ изъ композиціи разной величины. Изъ мужской могилы были вынуты — наконечникъ копья и топоръ. Найденныя Копейкинымъ украшенія приобрѣтены мною для Рязанскаго музея.

Изъ другихъ вещей, найденныхъ на городищѣ въ 1903 году, любопытна круглая большая свинцовая пломба, имѣющая въ діаметрѣ $2\frac{2}{5}$ сант. На лицевой сторонѣ ея изображенъ въ полъ груди какой то святой, голова окружена нимбомъ, по сторонамъ головы подвѣски, надъ плечами слѣды буквъ (слѣва, повидимому, буквы „св“, справа „ѣ“); на оборотной сторонѣ надпись въ четыре строки. Къ сожалѣнію, надпись еще не разобрана; по разборѣ ея, быть можетъ, окажется, что это не товарная пломба, а вислая печать отъ какого нибудь документа. На противоположныхъ сторонахъ видны отверстія канальца, черезъ который былъ пропущенъ шнурокъ. Плombo довольно массивная, толщина ея $\frac{3}{10}$ сантиметра.

Въ томъ-же году въ Старой Рязани были найдены небольшая мѣдная римская монета императора Гадріана (117—138 г. по Р. Х.)¹⁾ и серебряная денѣга вел. княж. Рязанскаго. Последняя замѣчательна тѣмъ, что отличается отъ обыкновенныхъ рязанскихъ серебряныхъ денегъ своимъ вѣсомъ (она тянетъ 64 доли, тогда какъ извѣстныя до сихъ поръ денѣги вѣсятъ отъ 19 до 30 долей) и отчасти наружною формою: на одной болѣе выпуклой сторонѣ ея обычное изображеніе куней головы, на другой — плоской сторонѣ — тоже самое изображеніе и надъ верхнюю частію его находится буква или знакъ „w“, вполне сходственный съ славянскою буквою. Эту серебряную рязанскую денѣгу нельзя отнести ко времени вел. князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича, потому что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ кладовъ съ денѣгами вел. кн. Ивана Ѳедоровича такихъ монетъ не встрѣчалось. Можно предполагать, что чеканъ ея относится ко времени вел. кн. Ѳедора или Олега, скончавшагося въ 1402 году.

¹⁾ Въ Рязанской губ. нерѣдко находятъ отдѣльные экземпляры греческихъ, римскихъ, византійскихъ и босфорскихъ монетъ, а также — западно-европейскихъ XI ст. Мнѣ извѣстенъ одинъ кладъ, найденный въ Ряжскомъ уѣздѣ въ 1891 г., и состоявшій изъ серебрянныхъ римскихъ монетъ II ст. по Р. Хр. Часть этого клада я осматривалъ въ 1898 году въ селѣ Насиловѣ, у священника Л. Г. Кроткова. По его словамъ, кладъ вѣсилъ болѣе фунта. Въ теперешней Рязани, также находили отдѣльныя римскія и византійскія мѣдныя монеты.

Изложенный перечень изслѣдованій и раскопокъ, произведенныхъ до сего времени на Старорязанскомъ городищѣ, наглядно убѣждаетъ какъ мало сдѣлано въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, раскопками вскрыта едва $\frac{1}{40}$ часть площади городища, окруженнаго валами. Громадная площадь его остается неизслѣдованною. Очень вѣроятно, что дальнѣйшія раскопки дадутъ новый матеріалъ, который, быть можетъ, раскроетъ неизвѣстныя еще намъ стороны древняго быта населенія стольнаго города великаго княжества Рязанскаго. Значительное число находокъ, случайно открытыхъ въ теченіе прошлаго столѣтія, подтверждаетъ достовѣрность нашего предположенія, что Старорязанское городище содержитъ еще немало любопытнаго.

Въ настоящее время нельзя установить правильнаго заключенія о значеніи городища для исторіи Рязанскаго края; но и теперь можно уже сказать, — что наибольшій археологическій интересъ представляютъ сѣверо-западная его часть, отдѣленная внутреннимъ валомъ отъ остальнаго городища, и площади, окружающія со всѣхъ сторонъ развалины обоихъ древнихъ каменныхъ храмовъ.

А. Черепнинъ.

Редакторъ **Ст. Яхотвъ.**

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Историческіе матеріалы и изслѣдованія.

	Стр.
Д. Д. Дашковъ и его дѣятельность въ земствѣ Рязанской губерніи. Кн. <i>Н. Волконскаго</i>	1—58.
Приходо-расходныя книги Богословскаго монастыря съ 1684 по 1689 (192 по 197 годъ.) Сообщ. <i>И. Шляпкинъ</i> .	59—114.
Кулаковскій могильникъ и Городище Старой Рязани. <i>А. Черепнина</i>	115—160.

Приложенія: № 1) Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ Рязанскомъ земствѣ.

№ 2) *Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные*. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX ст. А. Павлишина.

(№ 2 разсылается за особую плату—1 р. 50 коп.).

ОТДѢЛЕНІЕ

I. Историческіе матеріалы и исследования

Стр.

Д. Д. Дашковъ и его деятельность въ земствѣ Рязань-Вологодской. Ян. Н. Волконская

1—58

Приходо-расходная книга Вологодскаго уезда за 1882 (1882 по 187 году). Сводн. М. Шляпкинъ

59—114

Рязанская губернія въ 1860-х годах. Историческіе очерки. Рязань

115—160

Рязанская губернія въ 1860-х годах. Историческіе очерки. Рязань

161—180

2) Рязанская губернія въ 1860-х годах. Историческіе очерки. Рязань

181—190

№ 2 Рязанская губернія въ 1860-х годах. Историческіе очерки. Рязань

Редакторъ Ст. Яхотковъ

имѣются слѣдующія изданія
Рязанской Архивной Комиссіи:

1) **Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные.** Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX ст. *Н. Повалишкіна.* I—XII; 1—386; I—XXXVIII. Съ портр. автора. Цѣна—1 р. 50 коп.

2) **Дѣятельность Д. Д. Дашкова** по народному образованію въ Рязанскомъ Земствѣ и его-же доклады Рязанскому губернскому Земскому собранію за 1869—1875 г., съ приложеніемъ статьи Дашкова—„**Дворянство и народъ**“, стр. 1—58; 1—118; 1—17. Съ портр. Дашкова. Цѣна—75 коп.

3) Воспоминанія ген.-м. В. А. Докудовскаго 1812—1862 г.г. Цѣна—1 р.

4) Дневникъ г.-м. В. А. Докудовскаго 1863—1872 г.г. Цѣна—1 р. 25 к.

5) Писцовыя книги Рязанскаго края XVI вѣкѣ. Т. 1, вып. 1 и 2. Подъ ред. В. Н. Сторожева. Цѣна—3 р.

6) 800-лѣтіе гор. Рязани. Юбилейный сборникъ. Цѣна—1 р.

7) Труды Комиссіи за 1894—1902 г.г. Цѣна—2 р. за годъ.

Адресъ: Рязань. Архивная Комиссія.

